

СЛЕДСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ИНСТИТУТ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ
СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

**КОНСТИТУЦИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК
ГАРАНТ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА
ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ**

материалы Международной научно-практической конференции
(Москва, 14 ноября 2013 года)

В трёх частях

Часть 3

Под редакцией
Председателя Следственного комитета Российской Федерации
доктора юридических наук, профессора
Заслуженного юриста Российской Федерации,
генерал-полковника юстиции
Александра Ивановича Бастрыкина

Москва, 2013

Конституция Российской Федерации как гарант прав и свобод человека и гражданина при расследовании преступлений : материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 14 ноября 2013 года). В 3-х частях. Часть 3 (перспективы совершенствования). – М. : Институт повышения квалификации Следственного комитета Российской Федерации, 2013. – с. 250.

Редакционная коллегия:

Федоров А.В. – заместитель Председателя СК России, Заслуженный юрист РФ, кандидат юридических наук, профессор, генерал-полковник.

Багмет А.М. – директор ИПК СК России, Почётный работник СК России, кандидат юридических наук, генерал-майор юстиции.

Бычков В.В. – учёный секретарь ИПК СК России, кандидат юридических наук, доцент, полковник юстиции.

Сборник сформирован по материалам выступлений на Международной научно-практической конференции, проходившей в Следственном комитете Российской Федерации 14 ноября 2013 года.

Сборник представляет интерес для юристов – учёных и практиков.

Редакционная коллегия обращает внимание на то, что научные подходы и идейные взгляды, изложенные в статьях сборника, отражают субъективные оценки их авторов.

Конституционные основы оказания правовой помощи по уголовным делам

Правовая система Российской Федерации (далее – РФ) и Республики Таджикистан (далее – РТ) относится к континентальной системе права. Поэтому в качестве основы оказания правовой помощи по уголовным делам выступают нормативно-правовые акты. Конституция РФ и Конституция РТ занимает приоритетное место среди нормативных правовых актов, регулирующих вопросы международно-правовой помощи по уголовным делам, как акт высшей юридической силы.

Конституционные основы оказания правовой помощи по уголовным делам состоит из следующих аспектов:

- 1) нормы Конституции, непосредственно действующие при оказании правовой помощи по уголовным делам;
- 2) Конституция определяет юридическую силу нормативно-правовых актов, при оказании правовой помощи;
- 3) Конституция предусматривает общепризнанные принципы и нормы международного права в качестве составной части национального законодательства;
- 4) конституционные предписания, касающиеся отдельных вопросов уголовного судопроизводства.

Согласно ст. 10 Конституции РТ, «Международно-правовые акты, признанные Таджикистаном, являются составной частью правовой системы республики. В случае несоответствия законов республики признанным международно-правовым актам применяются нормы международно-правовых актов»¹.

Как правильно отмечает З.Х. Искандаров, Конституция РТ 1994 г. установила важное правило о международно-правовых актах. Заметим, что формулировка «международно-правовые акты» не встречается в конституциях других государств, например, РФ, Республики Казахстан, Кыргызстана, Узбекистана, Азербайджана, США, Франции и др.²

Статья 15 Конституции РФ предусматривает: «Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором РФ установлены иные правила,

¹ Конституция Республики Таджикистан от 6.11.1994 (в ред. от 22.06.2003) // Джумхурият. 2003. 7 июня.

² Искандаров З.Х. Применение международно-правовых актов в уголовном процессе Республика Таджикистан. Душанбе, 2009. С. 3-4.

чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора»¹.

Конституция РТ предусматривает «международно-правовые акты», а Конституция РФ признает «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации».

Конституция РТ признает только письменную форму международного договора, а Конституция РФ – кроме письменной формы международного договора допускает и общепризнанные принципы международного права, которые, как известно, могут существовать и в неписьменной форме.

Международно-правовой акт – это надлежаще письменно оформленный документ, признанный субъектами международных отношений и содержащий нормы международного права². Это понятие международно-правового акта закрепилось в законодательстве РТ и применяется, в том числе в уголовно-процессуальном законодательстве. Так, ст. 1 УПК РТ устанавливает:

«Порядок производства по уголовным делам в Республике Таджикистан определяется Уголовно-процессуальным кодексом Республики Таджикистан, основанным на Конституции Республики Таджикистан.

Международные правовые акты, признанные Таджикистаном, являются составной частью правовых норм, регулирующих уголовное производство. Если в соответствии с этими актами в отношении положений настоящего кодекса установлен иной порядок, применяются положения международных правовых актов»³.

Конституционное предписание о статусе общепризнанных принципов и норм международного права и международные договоры РФ отражен в ч. 3 ст. 1 УПК РФ следующим образом: «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры РФ являются составной частью законодательства РФ, регулирующего уголовное судопроизводство».

Таким образом, положение Конституция РФ, которое признает «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации», а Конституция РТ, предусматривает «международно-правовые акты»: во-первых, отражено в УПК в качестве источника уголовного судопроизводства; во-

¹ Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ) // Российская газета. 2009. 21 января.

² Искандаров З.Х. Указ. соч. С. 3-4.

³ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 3.12.2009 (в ред. от 22.07.2013) // АМОП. 2009. № 12. Ст. 816.

вторых, действует при международно-правовой помощи по уголовным делам.

Часть 2 ст. 5 Модельного УПК предусматривает, что общепризнанные принципы и нормы международного права и положения, вступившие в силу международных договоров независимого государства, имеют преимущественную силу перед положениями законов, регулирующих порядок уголовного судопроизводства, и других актов¹.

В международно-правовой помощи по уголовным делам эта норма об оказании правовой помощи по уголовным делам, которая предусмотрена Конституцией и УПК РТ, в практике применения вызывает определенные сложности так, одним из основных принципов международно-правовой помощи по уголовным делам является принцип взаимности.

В соответствии ч. 1 ст. 470 УПК РТ в основе международно-правовой помощи по уголовным делам лежит международный договор об оказании взаимной правовой помощи с иностранным государством. Таким образом, УПК РТ допускает оказание взаимной правовой помощи только на основе международного договора об оказании взаимной правовой помощи.

По сравнению с УПК РТ ст. 470 УПК РФ предусматривает, кроме международных договоров и международных соглашений², оказание правовой помощи на основе принципа взаимности³. Статья 574 Модельного УПК не предусматривает понятие «на основе принципа взаимности»: в нем сказано «на основе взаимности». Понятия «на основе принципа взаимности» и «на основе взаимности», предусмотренные соответственно УПК РФ и Модельным УПК, по существу не различаются. Главное условие – это взаимность. УПК РФ, который признает общепризнанные принципы международного права, в специальной форме предусматривает принцип взаимности. А Модельный УПК независимо от того, что взаимность является принципом международного права, определяет помощь «на основе взаимности». Возможно, такая формулировка обусловлена тем, что Модельный УПК используют те государства, которые не признают общепризнанных принципов международного права как составную часть системы национального

¹ Модельный уголовно-процессуальный кодекс для государств – участников СНГ (принят на 7-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств участников Содружества Независимых Государств 17.02.1966 // Информационный бюллетень. 1996. № 10.

² Эта норма УПК о международных договорах и международных соглашениях остается дискуссионной. Международное соглашение – это вид международных договоров.

³ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 (принят ГД ФС РФ 22.11.2001) № 174-ФЗ (в ред. от 5.04.2013) // Российская газета. 2001. 22 декабря.

права, а признают в качестве юридической фикции, например, УПК РТ.

УПК РТ не предусматривает исполнение международных поручений об оказании правовой помощи по уголовным делам на основе принципа взаимности, но суд, прокурор, следователь, орган дознания РТ для укрепления сотрудничества с компетентными органами иностранных государств, с которыми РТ не имеет международных договоров о правовой помощи по уголовным делам, исполняет международные запросы¹. Например, международные запросы из государств, которые были в составе СССР, – Латвия, Литва, Эстония и Грузия. Из европейских стран – Польша, ФРГ и др.²

В практике правоохранительных органов РТ наблюдается направление поручений об оказании правовой помощи по уголовным делам в государствах, которые не имеют договор о правовой помощи. Но при получении результата возникает вопрос: во-первых, по каким основаниям компетентное лицо направило поручение? Во-вторых, как можно использовать результаты, которые получены вне закона?³

Таким образом, Конституция РФ и РТ признают международные договоры о правовой помощи по уголовным делам как составную часть национального законодательства, при этом в современном мире без применения договоров о правовой помощи по уголовным делам оказание правовой помощи представляется не возможным.

Кроме того, ещё одним важным вопросом при международно-правовой помощи по уголовным делам, которая не имеет конституционной основы, является применение законодательства иностранного

¹ Как отмечают А.Г. Калугин и Д.В. Шинкевич, хотя в мире и сложилась практика исполнения запросов о правовой помощи по уголовным делам на началах международной вежливости и при отсутствии соответствующего международных договора, все же только международный договор обеспечивает обязательность их исполнения, предписывая выполнение необходимых процессуальных действий при соблюдении установленных в этом договоре правил. (Калугин А.Г., Шинкевич Д.В. Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства вопросы теории и практики: учеб. пособие. Красноярск, 2008. С. 15).

² Архив Генеральной Прокуратуры РТ. 2013.

³ РТ укрепляет свое сотрудничество в сфере уголовного процесса с иностранными государствами. В настоящее время Договор между РТ и Исламской Республикой Иран о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и уголовным делам, Соглашение между РТ и Исламской Республикой Афганистан о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, Соглашение о порядке создания и деятельности совместных следственно-оперативных групп на территориях государств – участников Содружества Независимых Государств и Соглашение о сотрудничестве между Генеральной прокуратурой РТ и Генеральной прокуратурой Республики Турция находятся в стадии подписания и заключения.

государства. Хотя международные договоры, предусматривают применение законодательства иностранного государства¹, в Конституции РФ и РТ нет положения об этом. В любом случае при применении (использовании) законодательства иностранного государства необходимо соблюдать конституционные основы уголовного судопроизводства. Нормы уголовно – процессуального законодательства иностранного государства, которые противоречат конституционным основам уголовного судопроизводства, не применяются.

Доказательства полученные в результате исполнения поручения об оказании правовой помощи по уголовным делам с применением уголовно-процессуальных законов иностранного государства, которые противоречат Конституции РФ и РТ, не имеют юридической силы на территории названных государств². Другими словами любой результат полученный при международно-правовой помощи по уголовным делам, которые непосредственно и косвенно противоречат положениям Конституции, не допустимы.

Г.В. Абшилава

Процессуальная роль следователя в обеспечении прав участников досудебного соглашения о сотрудничестве

Процессуальная роль следователя при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, безусловно, вторична по отношению к роли прокурора в рассматриваемой сфере уголовно-процессуальной деятельности. Поскольку руководящую роль в процедуре заключения соглашения принадлежит прокурору, постольку роль следователя и руководителя следственного органа видится нами зависимой, несамостоятельной: их решение, как в пользу заключения соглашения, так и против не имеют решающего значения.

На наш взгляд неоправданным является предложение, высказанное в юридической литературе, о введении в УПК РФ нормы, предусматривающей обязанность следователя разъяснить обвиняемому и подозреваемому его право ходатайствовать о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. Следователь и прокурор обязаны разъяснить подозреваемому и обвиняемому их право ходатайствовать о за-

¹ Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Минск, 22.01.1993) // АМОПТ 1993. № 817. № 14/93. Ст. 303; Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Кишинев, 7.10.2002) // АМОПТ. 2004. № 1144 № 6/04. Ст. 389.

² Мельникова Э.Б. Международное сотрудничество в сфере уголовной юстиции. М., 2003. С. 51-52.

ключении досудебного соглашения о сотрудничестве. Все это должно разъясняться следователем обвиняемому в ходе предъявления обвинения, а подозреваемому – в ходе задержания¹. В связи с этим предлагается дополнить и ст. 46 и ст. 47 УПК РФ, содержащие перечень прав подозреваемого и обвиняемого, соответствующими положениями². Это делает, например, в своей статье Н.Н. Апостолова: «Очевидно, ст. 46 и 47 УПК РФ должны быть дополнены положением о том, что по делам, по которым может быть применен особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, следователь разъясняет подозреваемому и обвиняемому право на подачу ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, его смысл, правила оформления, порядок и последствия его подачи»³.

Развивая эту мысль, М.А. Баранова предлагает: «Полагаем, что ч. 4 ст. 46 УПК РФ, определяющая права подозреваемого, должна быть дополнена п. 2.1 следующего содержания: «быть уведомленным о сущности и иметь возможность заключить досудебное соглашение о сотрудничестве», а ч. 4 ст. 47 УПК РФ, определяющая процессуальные права обвиняемого, п. 3.1 аналогичного содержания»⁴.

Инициатива относительно заключения соглашения должна по общему правилу исходить от органа предварительного расследования или прокурора. Глупо всем подозреваемым, обвиняемым разъяснять, что они имеют право ходатайствовать о заключении соглашения о сотрудничестве. Это исключительная ситуация, а не общее правило. Наконец, адвокат, как квалифицированный юрист, в случае необходимости может разъяснить это право своему доверителю и оказать помощь в реализации этого права.

Мы не согласны с А.В. Смирновым в том, что заключение соглашения – это право обвиняемого, но вместе с тем и обязанность следователя. По мнению А.В. Смирнова, «дискреционное усмотрение следственных органов не может определяться одними лишь их представлениями о целесообразности или нецелесообразности заключения названного соглашения. На наш взгляд, в силу публичного характера соглашения о сотрудничестве обещание со стороны подозреваемого или обвиняемого оказать содействие следствию в раскрытии и рассле-

¹ Апостолова Н.Н. Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве необходимо совершенствовать // Российский судья. 2010. № 1. С. 15.

² Гричаниченко А. Особый порядок судебного решения: сравнительный анализ содержания глав 40 и главы 40.1 УПК РФ, проблемы их применения // Уголовное право. 2010. № 1. С. 81-85; Апостолова Н.Н. Указ. соч. С. 15, 16.

³ Апостолова Н.Н. Указ. соч. С. 16.

⁴ Баранова М.А. Досудебное соглашение о сотрудничестве: проблемы правовой регламентации // Вестник СГАП. 2010. № 1. С. 160.

довании преступления может быть отвергнуто лишь по мотивам его очевидной ложности или недостоверности. Либо ввиду явной запоздалости, когда преступление уже полностью раскрыто, все соучастники выявлены, полностью изобличены и т.д.»¹. Не только следователь, но даже прокурор, как считает профессор А.В. Смирнов, обязаны заключать соглашение, в случае поступления надлежащего ходатайства со стороны обвиняемого, подозреваемого; усмотрение следователя носит, таким образом, дискреционный характер².

К сожалению, изучение практики показало, следователи и прокуроры в явочном порядке уже внесли в бланки соответствующих процессуальных документов изменения и разъясняют всем подозреваемым и обвиняемым о якобы существующем у них праве на подачу такого ходатайства. Подавляющее большинство опрошенных следователей и прокуроров (около 90%) считают, что это делать необходимо. Более того, уже есть судебный прецедент в пользу такого положения. Мы считаем, что позиция Верховного Суда РФ по этому вопросу ошибочна³.

Если ее принять, то получится, что институт досудебного соглашения из орудия борьбы с организованной преступностью превратится в орудие шантажа власти со стороны каждого преступника: он будет заявлять ходатайство о заключении соглашения, а следователь и прокурор обязаны будут его заключать. Образно говоря, хвост будет крутить собакой. Нет, каждое соглашение есть результат проявления доброй воли сторон. Никто не может заставить стороны заключить досудебное соглашение о сотрудничестве. Прокурор обладает свободой усмотрения в том, что касается решения вопроса о возможности заключения соглашения и последующей оценки выполнения стороной защиты условий выполнения соглашения. Судебному обжалованию подлежит только необоснованное, с точки зрения защиты, расторжение соглашения, отказ от него или неправильное истолкование его результатов.

Таким же образом, т.е. негативно, следует оценить и предложения наделить обвиняемого, его защитника правом на обжалование решения следователя, руководителя следственного органа, прокурора по поводу заявленного ходатайства о заключении соглашения о сотрудничестве. На наш взгляд, законодательный запрет на обжалование в суд решения (бездействия) следователя, руководителя следственного органа, проку-

¹ Смирнов А.В. Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве // Уголовный процесс. 2009. № 10. С. 9.

² Там же.

³ Определение Судебной коллегии Верховного Суда РФ от 28.01.2010 № 66-010-41.

рора, которые не позволяют состояться соглашению, совершенно оправдан. Согласно части 4 ст. 317.1 УПК РФ постановление следователя об отказе в удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве может быть обжаловано подозреваемым или обвиняемым, его защитником руководителю следственного органа.

Как указывается в п. 1.3. приказа Генеральной прокуратуры РФ от 15.03.2010 № 107 «Об организации работы по реализации полномочий прокурора при заключении с подозреваемыми (обвиняемыми) досудебных соглашений о сотрудничестве по уголовным делам», при поступлении жалобы на решение следователя об отказе в заключении досудебного соглашения о сотрудничестве или на решение руководителя следственного органа об отказе в согласовании ходатайства следователя, представленного в соответствии с ч. 3 ст. 317.1 УПК РФ, на решение нижестоящего прокурора об отказе в заключении такого соглашения, а также по иным вопросам, связанным с заключением и исполнением досудебного соглашения о сотрудничестве, руководствоваться требованиями, предусмотренными ст. 123 и 124 УПК РФ.

То, что обжалованию в суд постановления следователя об отказе в удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве не подлежит, является важным моментом в понимании механизма заключения соглашения между стороной защиты и обвинения. Суд не может принудить стороны к заключению такого соглашения: стороны должны обладать свободой воли. Поэтому, на наш взгляд, ссылки ряда авторов на ст. 46 Конституции РФ, которая гарантирует право гражданина на судебную защиту своих прав, решения Конституционного Суда РФ¹, в данном случае неуместны.

По вопросу о допустимости обжалования в суд (в порядке ст. 125 УПК) отказа следователя, руководителя следственного органа, прокурора заключить досудебное соглашение результаты опроса таковы: 35% следователей дали положительный ответ (47% – отрицательный), 23% прокуроров дали положительный ответ на этот вопрос (54% – отрицательный). У адвокатов несколько иная позиция: большинство из них поддерживали идею судебного обжалования такого рода решений органов следствия и прокурора (67%), против высказались 17%.

Мы настаиваем на том, что механизм судебного контроля, предусмотренный статьей 125 УПК РФ здесь неприменим². Стороны не могут быть принуждены насильно к заключению соглашения. В том числе и через суд. Так же как и в сфере гражданско-правовых отношений нельзя принудить субъекта через суд заключить гражданско-правовой договор с кем-либо. Принудительная реализация права посредством

¹ Смирнов А.В. Указ. соч. С. 10.

² Там же.

судебного решения возможна только тогда, когда существует уже обязанность. Если же обязанности нет, то нет основания для исковых притязаний, жалобы. В уголовном процессе обвинительная власть сама решает заключать ей соглашение с обвиняемым или нет, по своему усмотрению, исходя из обстоятельств дела, руководствуясь соображениями целесообразности.

По мнению Н.Н. Апостоловой, было бы более правильным, если бы постановление следователя об отказе в удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве подлежало обжалованию руководителю вышестоящего следственного органа. Как это предусмотрено ч. 2 ст. 317.2 УПК РФ в отношении постановления прокурора об отказе в удовлетворении соответствующего ходатайства, которое может быть обжаловано стороной защиты вышестоящему прокурору¹. Как представляется, существующая на этот счет норма является более оптимальной. В части 3 ст. 317.1 УПК РФ не закрепляется обязанность следователя согласовывать отказ со своим руководителем. Это решение вообще не требует согласования и подлежит проверке руководителем следственного органа постфактум. Так что сторона защиты не будет жаловаться тому же руководителю, который уже предварительно одобрил подобное решение следователя. Но даже если будет и так, что отказ будет неофициально одобрен руководителем (а правильнее будет если решение принималось согласованное), то аргументация, представленная стороной защиты, может переубедить руководителя следственного органа, если до этого он исходил только из того материала, что ему представил следователь.

Руководитель следственного органа, можно сказать, составляет вместе со следователем первую инстанцию, в которой формируется предварительная позиция органа следствия относительно целесообразности заключения досудебного соглашения с конкретным подозреваемым, обвиняемым. Говоря о роли руководителя следственного органа в решении вопроса о заключении соглашения, нельзя не отметить, что фактически его согласие является обязательным условием для получения постановления следователем юридической силы. Отсутствие такого согласия означает прекращение движения ходатайства обвиняемого по инстанциям к прокурору. Несомненно то, что руководитель следственного органа может принять участие в выработке условий соглашения о сотрудничестве. И, наверное, надо сказать больше – на практике само решение заключить такое соглашение следователю надлежит принимать только после предварительных консультаций с руководством следственного органа.

¹ Апостолова Н.Н. Указ. соч. С. 16.

**Прохождение государственной службы гражданами
Российской Федерации как способ реализации конституционных
гарантий участия в государственном управлении**

В статье 32 Конституции РФ закреплены весьма значимые для граждан нашей страны нормы: граждане РФ имеют право участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей; избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления, а также участвовать в референдуме; имеют равный доступ к государственной службе; могут участвовать в отправлении правосудия. Тем самым, сегодня мы видим, что совершенно четкое определение законодателями, Президентом и Правительством РФ, а также нормативными правовыми актами (далее – НПА) непосредственно (работодателями, нанимателями) федеральными органами исполнительной власти (их на ноябрь 2013 г. – 80) и их территориальными органами, а также НПА федеральных государственных органов (и их территориальными органами). Данные субъекты, устанавливающие вопросы и процедуры о порядке прохождения (ограничения) той или иной государственной службы в РФ (в своем ведомстве).

При этом на основании соответствующих ФЗ и установленных НПА Президента или Правительства РФ определены специфические особенности и правила прохождения той или иной государственной службы в России. Например, условия и порядок прохождения или установленные ограничения для государственных служащих нельзя применять в Следственном комитете Российской Федерации (далее – СК России), Генеральной прокуратуре РФ и др. чем скажем в системе судебной власти или Минобороны или МВД России.

Закономерные отличительные признаки и условия выступают, скажем, в возрастных ограничениях, предоставляемых государственными (ведомственными) полномочиями и др. Но при этом есть единые условия определенных процедур и условий. Например, обязательность, наличие здоровья (пригодность), запрет заниматься коммерческой деятельностью, недопустимость коррупционного характера действий, соблюдения установленных Президентом РФ и ведомственными актами этических норм и т.д., т.е. установленные федеральными законами. Или же присутствуют закономерные внутриведомственные отличительные признаки прохождения государственной гражданской службы от государственной службы сотрудников (скажем, в системе МВД полиции). Так, государственные гражданские служащие не принимают присягу (клятву), не выполняют государственные функции, связанные

с ОРД и ОРМ, не проходят военно-врачебную экспертизу, государственную дактилоскопическую регистрацию, не имеют специальных званий, не обладают правом на ношение и хранение огнестрельного оружия и спецсредств, жетонов с личными номерами и т.д.

Но при этом, по мнению авторов можно дать определения такого характера:

Государственная гражданская служба в системе МВД России (СК России и в др.) – это добровольное служение Отечеству гражданином РФ на основе взятых им прав и обязанностей, а также ограничений в процессе трудовой деятельности в данной системе в определенных подразделениях (службах, учреждениях, организациях, предприятиях) территориальных ОВД РФ.

По мнению авторов (С. Анохина) Государственная служба в системе МВД России – это деятельность граждан РФ в области обеспечения внутренней безопасности страны (в широком смысле).

Или же авторы считают (Н. Бережкова), Государственная служба в системе СК России – это деятельность граждан РФ по установлению истины в противоправных деяниях граждан для обеспечения дальнейшего осуществления правосудия судебной власти РФ.

Подобные индивидуально-адресные определения следует давать в отношении каждого субъекта управления (административного правоотношения) с учетом их государственно-ведомственных задач и функций, в том числе и муниципальной службы.

В настоящее время с учетом наличия коррупционного характера факторов руководителям государственных органов всех уровней и видов России следует учитывать установленные запреты (ограничения), связанные с государственной службой. Так, гражданин не может быть принят на госслужбу, а госслужащий не может находиться на той или иной службе в случае: признания его (ее) недееспособным или ограничено дееспособным решением суда, вступившим в законную силу; осуждения его к наказанию, исключающему возможность исполнения должностных обязанностей по должности государственной службы (гражданской службы), по приговору суда, вступившему в законную силу, а также в случае наличия не снятой или не погашенной в установленном федеральным законом порядке судимости; отказа от прохождения процедуры оформления допуска к сведениям, составляющим государственную и иную охраняемую федеральным законом тайну, если исполнение должностных обязанностей по должности госслужбы, на замещение которой претендует гражданин, или по замещаемой госслужащим должности гражданской службы связано с использованием таких сведений; наличия заболевания, препятствующего поступлению на службу или ее прохождению и подтвержденного заключением медицинского учреждения. Порядок прохождения диспансеризации, перечень таких заболеваний и форма заключения медицинского учреждения устанавливаются Минздравом

России; близкого родства или свойства (родители, супруги, дети, братья, сестры, а также братья, сестры, родители, дети супругов и супруги детей) с госслужащим служащим, если замещение должности госслужбы связано с непосредственной подчиненностью или подконтрольностью одного из них другому; выхода из гражданства РФ или приобретения гражданства другого государства; наличия гражданства другого государства (других государств), если иное не предусмотрено международным договором России; представления подложных документов или заведомо ложных сведений при поступлении на службу; непредставления установленных соответствующим ФЗ о государственной (иной) службе сведений или представления заведомо ложных сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера при поступлении на госслужбу; утраты представителем нанимателя доверия к госслужащему в случаях несоблюдения ограничений и запретов, требований о предотвращении или об урегулировании конфликта интересов и неисполнения обязанностей, установленных в целях противодействия коррупции ФЗ о государственной гражданской службе, ФЗ от 25.12.2008 № 273 «О противодействии коррупции» и другими федеральными законами; признания его не прошедшим военную службу по призыву, не имея на то законных оснований, в соответствии с заключением призывной комиссии (за исключением граждан, прошедших военную службу по контракту).

При этом федеральные государственные органы (и исполнительные), обладающие правом принимать на службу иностранных граждан (с двойным гражданством, скажем, Минобороны России), следует учитывать отдельные требования о порядке их оформления, назначения на определенную должность, регулирование процессов прохождения той или иной службы (должности) и т.д. – обязаны соблюдать дополнительные требования соответствующих НПА.

По существу перечень НПА, регулирующих вопросы прохождения той или иной государственной службы (военной, правоохранительной, гражданской, муниципальной), в том числе в определенном ведомстве составляют свыше 100.

То же самое следует отметить отдельно и о принципах прохождения соответствующей государственной службы, которые имеют свои закономерные «отраслевые» (ведомственные) отличительные признаки.

Но для всех категорий госслужащих присутствует основные общие принципы: законность; приоритет прав и свобод человека и гражданина, их непосредственное действие, обязательность их признания, соблюдения и защиты; равный доступ граждан к госслужбе; единство правовых и организационных основ госслужбы, предполагающее законодательное закрепление единого подхода к организации госслужбы; взаимосвязь госслужбы и муниципальной службы; открытость госслужбы и ее доступность общественному контролю, объективное ин-

формирование общества о деятельности госслужащих; профессионализм и компетентность госслужащих; защита госслужащих от неправомерного вмешательства в их профессиональную служебную деятельность как госорганов и должностных лиц, так и физических и юридических лиц и др.

Вместе с тем параллельно необходимо отметить, о том, что в государственной службе (ведомстве) присутствуют также несколько видов государственной службы. Так, в системе МВД России присутствуют следующие виды госслужбы – государственная правоохранительная и государственная гражданская. При этом они тесно взаимосвязаны между собой как единое целое, в частности: соблюдение вопросов безопасности, не разглашение служебной и иной информации; соблюдение установленных требований (общих и ведомственных – индивидуальных) этических норм и ФЗ о противостоянии коррупции; предоставление госуслуг юридическим и физическим лицам и др. Или прохождение государственной гражданской службы в: центральном аппарате МВД России и ВВ (см. структуру центрального аппарата МВД России); окружных и территориальных региональных, районных органах МВД России (РТОВД); подразделениях ОВД (полиции), обеспечивающих – кадры, тыловые и др.; УР, следственных подразделениях, воп, строевых и спецподразделениях, ПДН, ЛПР и др.

При этом в каждом подразделении присутствуют отдельные специфические должностные требования, т.е. профессиональные навыки и профессиональные знания.

Подобные характеристики о государственной службе присутствуют не только в СК России, но и в других правоохранительных и иных органах.

Литература

1. Бережкова Н.Ф. Современное понятие принципов и их значимость в регулировании прохождения государственной службы в России // Вестник Чебоксарского филиала НОУ «Академия права и управления (институт). Вып. 1-2. Чебоксары: ЧФ НОУ АПУ, 2008. С. 70-74.
2. Бережкова Н.Ф. Современные этические требования к сотрудникам полиции России // Административное право и процесс. 2013. № 3. С. 61-62;
3. Бережкова Н.Ф., Васильев Ф.П. Становление и развитие процесса принятия присяги в системе государственных органов в России // Государственная власть и местное самоуправление. 2005. № 3. С. 24-25
4. Бережкова Н.Ф. Проблемы повышения профессионального уровня государственными гражданскими служащими Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2006. № 2. С. 149-151.

5. Васильев Ф.П., Булатова Л.А., Мусаев М.Г. Правовое воспитание в России и как его преодолеть? // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 1. С. 54-58.

6. Васильев Ф.П., Булатова Л.А. Современное правовое воспитание как необходимый фактор в образовательной политике России // Административное право и процесс. 2013. № 4. С. 36 - 38.

7. Дугенец А.С., Бережкова Н.Ф. Роль этических норм в противостоянии коррупции в системе исполнительной власти // Административное право и процесс. 2011. № 3. С. 18-20.

О.Ю. Антонов

Особенности назначения судебно-лингвистической экспертизы и ее оценки на примере исследования агитационных материалов

Конституция Российской Федерации выступает гарантом прав и свобод человека и гражданина, в том числе его избирательных прав и права быть избранным быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления, а также участвовать в референдуме (ст. 32). Также запрещается создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены, в том числе, на разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни (ст. 13 Конституции РФ).

За нарушение данных конституционных предусмотрена уголовная ответственность. Одним из способов совершения соответствующих преступлений является распространение различной информации, как экстремистской направленности, так и клеветнического характера в отношении кандидатов в депутаты либо на иные выборные должности.

То есть сами экстремистские либо агитационные материалы могут содержать объективные признаки преступления. Поэтому их текстовое содержание является главным предметом исследования и оценки. Таким образом, основной задачей следователя (дознавателя) и суда является анализ содержательно-смысловой и формальной стороны таких материалов для выявления словесных конструкций и смысловых единиц текста, подпадающих под признаки преступления. Провести данный анализ не всегда представляется возможным, поскольку многие вопросы смыслового понимания текста письменного документа или устного высказывания требуют их толкования или интерпретации на основе специальных лингвистических знаний¹.

¹ Галяшина Е.И. Понятийные основы судебной лингвистической экспертизы // Теория и практика лингвистического анализа текстов СМИ в судебных экспертизах и информационных спорах: сб. мат-ов науч.-практич. семинара (7-8.12.2002). Ч. 2. / под ред. М.В. Горбаневского. М., 2003. С. 54-55.

На примере исследования агитационных материалов можно предложить следующие рекомендации по тактике назначения лингвистической экспертизы.

Первоочередной вопрос, с которого начинается решение о назначении и производстве любой судебной экспертизы – это выяснение сущности обстоятельств уголовного дела и необходимости для их установления применения специальных знаний. При этом следует ознакомиться с научными возможностями и методами лингвистической экспертизы.

Дополнительно необходимо определить связи вопросов и выводов экспертизы с другими средствами получения доказательственной информации в целях дальнейшей проверки клеветнических либо иных негативных сведений.

Придя к выводу о необходимости экспертизы, следователь должен правильно определить момент ее назначения. Экспертиза назначается сразу же, как только возникнет необходимость, когда собраны все необходимые материалы и с учетом сложившейся следственной ситуации. В противном случае предварительное расследование и судебное следствие может быть затянуто. Согласно ч. 4 ст. 195 УПК РФ судебная экспертиза может быть назначена до возбуждения уголовного дела. Однако лингвистическая экспертиза агитационных материалов, как правило, до возбуждения уголовного дела не назначается, что обусловлено тем, что сроки ее проведения выше, чем сроки принятия решения по заявлению о совершенном преступлении. Поэтому до возбуждения уголовного дела может проводиться лишь исследование специалиста. Более того, согласно ч. 1.2 ст. 144 УПК РФ если после возбуждения уголовного дела стороной защиты или потерпевшим будет заявлено ходатайство о производстве дополнительной либо повторной судебной экспертизы, то такое ходатайство подлежит удовлетворению. Как указано выше, текстовое содержание материалов является главным предметом правового исследования и оценки, поэтому такое ходатайство на практике будет обязательным, что приведет к увеличению сроков предварительного расследования.

Проведение судебно-лингвистической экспертизы агитационных материалов необходимо планировать заранее, поскольку при установлении экспертизой фактологической негативной информации надо будет осуществить действия по ее соответствию действительности.

Наибольшее внимание заслуживает определение объема исследования, поэтому представляется целесообразным указывать в постановлениях (определениях) о назначении экспертизы конкретные предложения, фразы или слова, подлежащие исследованию для решения каждого из поставленных вопросов или задач.

Кроме различной документации в материалах уголовного дела, представленных на экспертизу, могут содержаться протоколы допросов заявителей и авторов, объясняющих смысл и обоснование исследу-

емых материалов, решения избирательных комиссий по их соответствию законодательству о выборах, решения судов в рамках гражданского судопроизводства, заключения предшествующих исследований и экспертиз.

Особенно важным элементом подготовки судебной лингвистической экспертизы является выбор экспертного учреждения или эксперта, которому поручается исследование. Это обусловлено тем, что, поскольку в государственных экспертных учреждениях практически нет экспертов-лингвистов, то данную экспертизу назначают лицу, не являющемуся государственным экспертом или в частное экспертное учреждение.

В целом о компетенции будущего эксперта можно судить по данным об общем и специальном образовании, стаже научно-исследовательской работы и работы по специальности, наличии научных работ, отзывам и характеристикам его экспертной деятельности, а также судебной практике рассмотрения вынесенных данным экспертом заключений по другим уголовным и гражданским делам.

Так, наличие у лица, которому поручается производство судебной экспертизы, только базового высшего филологического образования и ученой степени и звания, еще не является безусловной гарантией его компетентности как судебного эксперта в данной области науки. По мнению Е.И. Галяшиной, эксперт-лингвист обязан владеть надежными и апробированными методиками, грамотно применять инструментальные методы, валидность которых эмпирически и экспериментально сама по себе достоверно установлена¹.

Филологи, как правило, не имеют экспертной практики, не обладают знаниями теории судебной экспертизы, уголовного и гражданского процессов, поэтому не очень четко представляют судебную перспективу высказываемых ими мнений и суждений, нарушают порядок оформления своего заключения.

Наибольшую сложность представляют криминалистические особенности формулировки вопросов, выносимых на разрешение эксперта-лингвиста, поскольку именно они обычно нуждаются в корректировке. Эксперту необходимо ставить вопросы по смысловому значению конкретных фраз и выражений, а не о наличии в них признаков клеветы и оскорбления, что выходит за рамки его компетенции.

Наиболее детально, на наш взгляд, изложены вопросы для проведения лингвистической экспертизы по иску о защите чести, достоинства и деловой репутации Л.Е. Кирилловой². На данной основе можно

¹ Галяшина Е.И. Указ. соч. С.58.

² Кириллова Л.Е. Дискурс лингвистической экспертизы и постановка экспертных задач // Теория и практика лингвистического анализа текстов СМИ в судебных экспертизах и информационных спорах: сб. мат-ов науч.-практ. семина-

предложить следующий примерный список вопросов для разрешения лингвистической экспертизы агитационных материалов (схема 1):

1. Имеется ли в представленном тексте агитационного материала информация о кандидате Н.?
2. В какой форме представлены эти сведения?
3. Какие сведения являются фактуальными или оценочными либо изложены в форме мнения или побуждения?
4. Можно ли определить коммуникативные намерения автора?
5. Каковы способы языкового представления фактов? Каковы функции представленных в тексте фактов (информация, аргумент, иллюстрация, основа для последующих рассуждений)?
6. Что можно сказать о степени достоверности фактуальной информации? Каковы языковые средства обеспечения степени этой достоверности?
7. Следует ли понимать буквально конкретные утверждения или они имеют переносный смысл?
8. В какой форме (утвердительной, вопросительной, предположительной, отрицательной) изложены эти сведения?
9. Какая оценочная информация представлена в тексте (позитивная, негативная)?
10. Что можно сказать о степени обоснованности оценочной информации?

11. Содержит ли текст негативную информацию?
12. Изложены ли эти сведения в неприличной форме, содержат ли бранную лексику?

Оценка заключения эксперта-лингвиста достаточно сложна и имеет следующие особенности.

Оценка полноты и объективности проведенного исследования и решения экспертной задачи, а также самого заключения имеет только одну особенность – проверяется, исследованы все указанные в постановлении (определении) о назначении экспертизы высказывания (предложения, фразы, слова) и выявлены все необходимые и достаточные для формулирования ответов на поставленные вопросы свойства их содержания, которые отражены в выводах эксперта.

Научная обоснованность проведенного исследования, примененных методов, средств и методик достаточно сложна для оценки и возможна только при изучении новейшей экспертной литературы, содержащей современные методы и методики экспертного исследования.

Относимость содержащихся в заключении фактических данных к предмету доказывания, их конкретное значение для дальнейшего расследования может рассматриваться следующим образом (схема 2).

Выводы эксперта по исследованным фразам и выражениям в форме мнения либо фактуальной информации, изложенной в форме предположения или вопросительной, свидетельствуют об отсутствии в содержании исследованного текста признаков состава преступления и правонарушения. Поэтому в данном случае уголовное или административное дело подлежит прекращению, а судебное решение в рамках гражданского судопроизводства выносится в пользу автора агитационного материала.

Если эксперт-лингвист установит, что исследуемый текст содержит побудительные высказывания с оценкой кандидата, необходимо согласно решения Конституционного Суда РФ от 30.10.2003 № 15П провести следственные действия по доказыванию умысла и специальной агитационной цели подготовки данного материала. При решении данной задачи автор может быть привлечен к административной ответственности за нарушение правил предвыборной агитации.

При выявлении в ходе судебной лингвистической экспертизы фактологических сведений в утвердительной или отрицательной форме данная информация подлежит последующей проверке в ходе дальнейшего расследования (судебного рассмотрения). При получении доказательственной информации, опровергающей данные факты, автор текста может быть привлечен к уголовной ответственности за распространение клеветнических сведений против кандидата.

Таким образом, заключение эксперта-лингвиста является основой для правильной квалификации деяния (клевета, оскорбление, нарушение правил предвыборной агитации и т.д.), связанного с распространением агитационных материалов.

А.А. Бузмаков

Основания и условия приостановления и возобновления предварительного следования по УПК РФ

Любое решение, принимаемое по уголовному делу должностным лицом, осуществляющим по нему производство, должно быть основано на законе и соответствовать его требованиям.

Полагаем, что: для основания, предусмотренного п. 1 ч. 1 ст. 230 УПК РФ, характерно то, что наличие события преступления установлено доказательствами достоверно. Однако принятые органом дознания и следователем, дознавателем соответственно оперативно-розыскные меры и следственные действия по установлению лица, совершившего преступление, не принесли положительных результатов и лицо, совершившее преступление, не установлено (осталось неизвестным). Отсутствие в уголовном деле лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, означает, что преступление осталось нераскрытым и оно

пополнило массив преступлений прошлых лет, находящихся в сфере уголовно-процессуального производства. Обычно по рассматриваемому основанию уголовное дело приостанавливается тогда, когда:

а) событие преступления установлено достоверно;

б) в уголовном деле отсутствуют доказательства, достаточные для привлечения конкретных лиц в качестве обвиняемых и предъявления им обвинения;

в) по уголовному делу установлена непричастность или не доказана причастность конкретного подозреваемого или обвиняемого к совершению преступления, что влечет за собой прекращение не уголовного дела, а лишь уголовного преследования этих лиц (п. 1 ч. 1. ст. 28 УПК РФ). В процессуальной науке неоднократно высказывались различные взгляды на понятие основания уголовно-процессуального решения.

Так, П.А. Лупинская писала, что «... надо различать необходимый уровень знаний о фактических основаниях решения, который может и не достигать истины, и наличие совокупности данных, достигнутых для принятия решения»¹.

Большинство авторов, указывали, что для принятия решения при производстве по уголовному делу необходимо наличие оснований и условий.

На наш взгляд, основания приостановления расследования это доказательства, подтверждающие наличие определенных обстоятельств, перечисленных в законе и препятствующих движению уголовного дела.

В процессуальной литературе большинство авторов связывают приостановление именно с наличием (наступлением) таких обстоятельств, которые препятствуют дальнейшему производству по уголовному делу². В частности, В.А. Моршинин под основанием приостановления предварительного следствия понимает «предусмотренные уголовно-процессуальным законом обстоятельства, факты объективной действительности, которые временно препятствуют дальнейшему расследованию уголовного дела»³.

На наш взгляд, при определении рассматриваемого явления следует исходить не только из законодательного закрепления исчерпывающего перечня конкретных обстоятельств, но и из неких начал, характерных черт приостановления предварительного следствия.

Во-первых, любое основание приостановления следствия должно

¹ Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве. Их виды, содержание и формы. М., 2009.

² См., например: Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса; Шатило К.Д. Приостановление дознания и предварительного следствия. М., 1963.

³ Моршинин В.А. Основания и условия приостановления предварительного следствия в уголовном процессе. Свердловск, 1998.

замыкаться на единственном участнике уголовного процесса – лице, привлеченном (подлежащим привлечению) в качестве обвиняемого, но не потерпевшем, свидетеле и т.д.

Во-вторых, основание приостановления следствия может быть лишь длительное (не кратковременное) отсутствие обвиняемого в уголовном процессе, но не результатов того или иного процессуального действия (экспертизы, ревизии и т.п.).

Таким образом, полагаем, что – основанием приостановления предварительного следствия следует, является достоверно подтвержденное совокупностью фактических данных (доказательств) исключительное, т.е. связанное с невозможностью участия обвиняемого в уголовном процессе, обстоятельство, закрепленное в уголовно-процессуальном законе.

В современной юридической науке, в том числе и уголовно-процессуальной, широко пользуются термином «система».

Попытаемся показать, почему основания приостановления предварительного следствия образуют единую систему, а не существуют автономно.

Во-первых, главным связующим звеном, объединяющим обстоятельства, влекущие приостановление предварительного следствия, выступает невозможность участия в производстве по делу только обвиняемого.

Во-вторых, критерием отнесения того или иного обстоятельства к основаниям приостановления предварительного следствия является временный характер невозможности участия обвиняемого.

Под понятием системы оснований приостановления предварительного расследования понимается – совокупность исчерпывающих и закрепленных в законе обстоятельств, установление в процессуальном порядке одного из которых дает право компетентному органу (должностному лицу) принять решение о приостановлении дела.

Достаточно распространено в теории и на практике ошибочное мнение об основаниях приостановления уголовного дела на последующих стадиях процесса считается, что основания те же, что и на предварительном следствии за исключением случаев неустановления лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого.

Характеристика системы оснований приостановления предварительного следствия оказалась бы неполной, обойди мы вниманием вопрос о возможности расширения круга обстоятельств, влекущих перерыв в движении уголовного дела.

Подчеркнем, что ряд авторов выступали против расширения на практике перечня оснований приостановления. Так, М. С. Строгович писал: «... следствие может быть приостановлено только по одному из указанных трех оснований, и недопустимо приостановление по каким-либо иным основаниям. Поэтому должно быть признано противореча-

шим закону приостановление следствия ввиду таких обстоятельств, как выбытие важного свидетеля, незаконченность ведомственного обследования помещения, в котором совершено преступление, и т.п.»¹.

Перечень оснований приостановления производства по делу может (иногда и должен) изменяться, но, в любом случае, варьирование возможно лишь в определенных рамках, границах. Ключевыми элементами, на наш взгляд, являются следующие:

Субъект принятия решения о приостановлении предварительного следствия (следователь либо прокурор);

Отсутствие в деле де-факто обвиняемого (а не других участников уголовного процесса);

Обеспечение возможности обжалования заинтересованными лицами (потерпевшим, защитником, гражданским истцом и др.) процессуального акта о приостановлении предварительного следствия прокурору или в суд.

Под юридическими основаниями приостановления производства по уголовному делу понимаются установленные уголовно-процессуальным законом обстоятельства, при наличии которых следователь, прокурор, суд (судья) вправе и обязаны приостановить дальнейшее производство по нему.

Мы уже отмечали, что рассмотрение приостановления производства по уголовному делу как юридического института, требует, чтобы положения, касающиеся его общих требований, содержались в общей части Уголовно-процессуального кодекса. А непосредственная процедура приостановления должна устанавливаться в соответствующих главах УПК РТ, регулирующих деятельность на этапах предварительного расследования и в судебном заседании.

Потому представляется необходимым сформулировать следующую общую норму, содержащейся в главе «Приостановление и возобновление производства по уголовному делу»:

«Основания приостановления уголовного дела в ст. 230 УПК РТ. Уголовное дело приостанавливается:

- в связи с не установлением лица, подлежащего приключению к ответственности в качестве обвиняемого;
- в случае, когда обвиняемый скрылся от следствия и суда, либо когда по иным причинным неустановленно его местонахождение,
- в случае психического или иного тяжкого заболевания обвиняемого, удостоверенного врачом государственного медицинского учреждения;
- в случае, когда местонахождение обвиняемого известно, однако отсутствует реальная возможность его участия в деле в связи с решением вопроса о лишении обвиняемого иммунитета либо его выдачи

¹ Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М. 1999.

иностранному государству, а также в связи с нахождением в экспедиции, служебной командировке более двух месяцев».

Перечень оснований, влекущих приостановление производства по делу, является исчерпывающим.

Если классифицировать данные основания приостановления производства по уголовному делу, то по стадии, на которой может возникнуть то или иное обстоятельство, требующее приостановления производства по уголовному делу, можно выделить следующие группы:

Основания, которые могут возникнуть как на стадии предварительного расследования, так и в судебном разбирательстве. К таковым относятся:

1. Обвиняемый скрылся от следствия, дознавателя или суда либо по иным причинам его местонахождение не установлено.

2. Обвиняемый заболел временным психическим или иным тяжким заболеванием, препятствующим его участию в следственных и иных процессуальных действиях, удостоверенным заключением врача в предусмотренном законом порядке.

3. Представление суда, судьи в Конституционный суд РТ о конституционности закона, примененного в данном уголовном деле.

4. Назначения экспертизы.

Основания, которые могут возникнуть только на стадии предварительного расследования. К таковым относятся: не установление лица, подлежавшего привлечению к ответственности в качестве обвиняемого:

- когда обвиняемый скрылся от следствия и суда, либо когда по иным причинам не установлено его местонахождение,

- в случае психического или иного тяжкого заболевания обвиняемого, удостоверенного врачом государственного медицинского учреждения;

- в случае, когда местонахождение обвиняемого известно, однако отсутствует реальная возможность его участия в деле в связи с решением вопроса о лишении обвиняемого иммунитета либо его выдачи иностранному государству, а также в связи с нахождением в экспедиции, служебной командировке более двух месяцев.

Анализ уголовных дел, приостановленных по различным основаниям, показал, что имеют место случаи, когда полученные сведения теряют доказательственное значение. Так, свидетели-очевидцы, не допрошенные «по горячим следам», то есть непосредственно после совершения преступления или в течение ближайших дней после него, меняют представление о личности и фактах, свидетелями которых они являлись. Более того, по истечении времени возможна смерть свидетеля или его отъезд за пределы района, города или области, что существенным образом может затруднить установление его места нахождения и получение сведений путем допроса.

Почти по каждому четвертому проанализированному уголовному делу рассматриваемое условие приостановления производства по уголовному делу не соблюдается. По отдельным уголовным делам не был проведен даже осмотр места происшествия, что впоследствии делает невозможным производство данного следственного действия. Не принимаются меры по обнаружению и изъятию вещественных доказательств и их процессуальному закреплению, установлению и допросу свидетелей. В результате существенные моменты остаются невыясненными, а после возобновления производства по уголовному делу устранить пробелы практически невозможно.

Доказанность события преступления является вторым общим условием приостановления производства по уголовному делу.

В соответствии со ст. 26 УПК РТ «в каждом случае обнаружения признаков преступления прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель принимают предусмотренные настоящим Кодексом меры по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления». Доказанность события преступления имеет первостепенное значение по отношению к иным обстоятельствам, так как если не доказано событие преступления, то нет необходимости устанавливать лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого из-за отсутствия предмета обвинения. Если не доказано событие преступления – «расследуемое деяние не установлено, а лишь кем-то предполагается или оно лишено преступного свойства (характера)»¹, то в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РТ уголовное дело подлежит прекращению, а не приостановлению.

Принятие решения о приостановлении производства по уголовному делу только тем лицом, в чьем производстве оно находится. Данное условие не выделяется учеными, исследовавшими институт приостановления производства по уголовному делу. Однако мы полагаем, что оно имеет существенное значение. Следователь, судья (суд) осуществляют производство только по тому уголовному делу, которое находится в их производстве и отнесено к их компетенции в соответствии с правилами подследственности или подсудности.

Если орган дознания возбуждает уголовное дело о преступлении, по которому производство предварительного расследования возможно только в форме предварительного следствия, и проводит неотложные следственные действия, то решение о приостановлении производства может принять только следователь, который по окончании производства неотложных следственных действий принял данное уголовное дело к своему производству².

¹ Фаткулли Ф.Н. Предварительное следствие. М., 2000. С.269-270.

² Аминджанов Б.Р. Приостановление предварительного расследования и дознания: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ташкент, 1971. С. 26.

Компетенция же органа дознания ограничена совершением неотложных следственных действий и производством оперативно-розыскных мероприятий по поручению следователя.

Если предварительное расследование осуществляется в форме дознания, то в соответствии с ч. 1 ст. 155 УПК РТ допускается применение норм, установленных главой 26 УПК РТ, то есть, возможно приостановление производства по уголовному делу дознавателем.

Тем не менее, анализ уголовных дел показал, что ни одно из них не было приостановлено при производстве по уголовному делу в форме дознания. Если в ходе производства дознания возникают основания приостановления производства по уголовному делу, то оно передается прокурору для организации предварительного следствия. Такой практический подход представляется верным, так как сокращенный срок дознания, требование очевидности совершенного преступления и другие условия не позволяют в полной мере реализовать все требования, необходимые для обеспечения законности при приостановлении производства по уголовному делу.

Помимо основания приостановления дела, закон предусматривает и определенные условия, наличие которых необходимо учитывать при разрешении вопроса о приостановлении.

По своей природе условия приостановления – это предписания закона, обязывающие следователя выполнить определенный комплекс процессуальных и розыскных действий до вынесения постановления о приостановлении уголовного дела. По своим целям они призваны с одной стороны, способствовать устранению обстоятельств, влекущих приостановление уголовного дела, а с другой обеспечивать законность и обоснованность приостановления.

Таким образом, соблюдение общих и специальных условий при решении вопроса о приостановлении производства по уголовному делу является гарантией законности и обоснованности приостановления производства по уголовному делу.

А.В. Бурыко

Возможности судебно-ботанической экспертизы в раскрытии преступлений

Результаты фундаментальных и прикладных исследований в области ботаники, физики, химии и других наук вносят коррективы в тактику и методику расследования отдельных видов преступлений, обеспечивая полноту их раскрываемости, а также выявления лиц, их подготавливающих или совершающих. В конечном счете, расширяют возможности правоохранительных органов в предупреждении и раскрытии преступлений.

По инициативе автора статьи, в 2012 г. на базе 9 отдела ЭКЦ ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области, впервые в главке, открыто новое направление экспертно-криминалистической деятельности – производство судебно-ботанических экспертиз и исследований.

Данная публикация имеет цель проинформировать сотрудников Следственного комитета Российской Федерации (далее – СК России) выезжающих на осмотры места происшествия, о возможностях данной экспертизы, порядке её назначения, формулирования вопросов, правилах изъятия вещественных доказательств растительного происхождения, сбор сравнительных и контрольных образцов.

Выступая в качестве вещественных доказательств, при расследовании уголовных дел объекты растительного происхождения являются носителями розыскной и доказательственной информации о событии преступления. Например, при расследовании убийств, изнасилований, краж (в том числе сельскохозяйственной продукции) изъятые объекты растительного происхождения содержат информацию о месте происшествия; по делам о незаконной порубке, хищениях леса и лесоматериалов – информацию об источнике произрастания деревьев. Весьма часто при исследовании наркотических средств растительного происхождения приходится решать вопросы таксономической принадлежности. Существенно возросло количество заданий по исследованию грибов, содержащих псилоцин и псилоцибин. При расследовании преступлений, связанных с оборотом фальсифицированной табачной продукции нельзя обойтись без исследования табачной мешки. При проведении судебно-почвоведческих экспертиз в большинстве случаев возникает потребность в исследовании объектов растительного происхождения, которые присутствуют в качестве включений¹.

Ботаническая экспертиза, наиболее развитый род биологических экспертиз. Основными целями ботанической экспертизы являются установление природы растительных объектов, их родовой, групповой (таксономической) принадлежности, источника происхождения. Задачами ботанической экспертизы являются: обнаружение на объектах частиц растительного происхождения, установление их природы и принадлежности к конкретному растению или группе растений, произрастанию на данном участке местности; диагностика воздействия, которому подвергался растительный объект; установление компонентного состава смеси объектов растительной природы; установление фазы развития растения².

¹ Моргункова Ю.М., Ожегов К.С. Объекты растительного происхождения как источники розыскной и доказательственной информации // Экспертная практика. 2007. № 62. С. 3.

² Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. М., 2000. С. 26.

Объектами судебно-ботанической экспертизы являются растения и их части (корни и корневища, листья, стебли, соцветия, плоды и семена, кора, древесина и т.д.), а также наркотические средства растительного происхождения, лекарственные сборы, табачные изделия, сено, части деревянных предметов и т.д. Фрагменты растений изымаются с места происшества, с предметов, контактировавших с потерпевшим или подозреваемым, с орудия преступления. Кроме того, части растений сами могут быть орудиями, иногда средствами совершения преступления либо объектами преступного посяательства.

Базируясь на основных теоретических положениях научной ботаники, судебная ботаника имеет ряд отличительных особенностей. Изменение исследуемого объекта под влиянием временных, погодных, механических и других воздействий (например, исследование обугленной древесины, силоса, растительной массы, подвергшейся гниению) вносит свои коррективы в методики исследования. Кроме того, эксперты чаще работают с частицами растительного происхождения малых размеров, чем с целыми растениями.

Большая часть исследований с участием эксперта-ботаника являются комплексными, то есть в их производстве участвуют эксперты разных специальностей.

В основном подобные экспертизы проводятся совместно с экспертами-химиками (исследование наркотиков растительного происхождения, лекарственных средств, пищевых продуктов), экспертами-почвоведом (исследование частиц растительного происхождения в почвенных образцах), экспертами-трасологами (исследование табачной продукции). В качестве иллюстрации рассмотрим основные направления в исследовании частиц растительного происхождения.

Экспертное исследование растений, содержащих наркотически активные вещества (для целей ст. 231 УК РФ – запрещенных к возделыванию на территории РФ), либо наркотических средств растительного происхождения, согласно общепринятым методикам, включает в себя как внешний осмотр, органолептическое, химическое исследование и определение количества наркотического средства, так и микроскопическое исследование (обнаружение и определение анатомо-морфологических признаков исследуемых растений)¹.

В экспертной практике, наряду с исследованиями наркотических средств, получаемых из конопли (растения рода *Cannabis*) и мака (растения рода *Paraver*), проводятся исследования грибов, содержащих псилоцин (или) и псилоцибин (плодовые тела грибов вида *Psilocybe semilanceata*, *Inocybe corydalina*, *Panaeolus subbalteatus*), листьев кокаинового кустарника (растения *Erythroxylon coca*), листьев ката (растения *Catha edulis*), эфедры (растения рода *Ephedra*), шалфея предсказателей (растение

¹ Моргунова Ю.М., Ожегов К.С. Указ. соч. С. 6.

вида *Salvia divinorum*) и других контролируемых растений.

Отметим, что помимо исследования непосредственно плодовых тел грибов, содержащих псилоцин и (или) псилоцибин, эксперт-ботаник, в частности, может провести исследование такого объекта как их «споровый отпечаток». «Споровый отпечаток» – это порошок из спор, который отражает форму геминифора гриба. Из спор, возможно, культивирование грибов, содержащих наркотические алкалоиды. Известно, что такие споровые отпечатки распространяются, например, через интернет-магазины. Рекомендуемый к назначению вопрос по данному виду объекта:

- содержатся ли в представленном отпечатке споры псилоцин (псилоцибин) содержащих грибов?

В почвоведческой экспертизе растительные объекты представлены в качестве включений в почвенные образцы, а также присутствуют на объектах-носителях (отвороты рукавов, брюки, карманы, обувь) наряду с почвенными наслоениями. Исследование объектов растительного происхождения в данном случае помогает описать участок местности, поскольку многие растения служат индикаторами растительных условий (степь, луг, лес), светового и водного режимов, условий формирования почвенного покрова на месте происшествя.

Из экспертной практики ЭКЦ МВД России. В овраге обнаружен труп женщины. При осмотре трупа между пальцами потерпевшей обнаружены микрочастицы растительности, отсутствующей на месте обнаружения трупа. Результаты исследования показали, что преступление было совершено в болотистой местности, где произрастает данный вид растения. Ближайшее такое место находилось на расстоянии 1,5 км. Был установлен свидетель, который показал, что видел потерпевшую в день преступления около болота с гражданином Н.¹

Совместно с экспертами-трасологами и экспертами, занимающимися технической экспертизой документов (ТЭД), возможно проведение исследования табачной продукции. Это комплексная экспертиза: эксперт-ботаник исследует табачную мешку, эксперт-трасолог – упаковку табачной продукции, эксперт, занимающийся ТЭДом, – акцизную марку. Следует отметить, что данное исследование проводится не на соответствие ГОСТу, а как сравнительное, на соответствие предоставленному контрольному образцу.

Рекомендуемые к назначению вопросы:

- к какому семейству, роду, виду принадлежат представленные на исследование растения (фрагменты, частицы растений)?

Данный вопрос ставится, если природа объекта (т.е. растительное происхождение) не вызывает сомнения. Если растение, поступившее на исследование, целое (не измельченное), при необходимости, вопрос дополняется следующим образом:

¹ Моргункова Ю.М., Ожегов К.С. Указ. соч. С. 9.

- каков возраст представленного на исследование растения? (для многолетних растений, в частности древесины);
- какова стадия развития представленного на исследование растения? (для травянистых растений).

Если объекты исследования имеют малые размеры (доли мм) или находятся в микроколичествах (например, зелёное пятно на одежде, предположительно растительного происхождения), перед первым вопросом целесообразно ставить следующий вопрос:

- имеются ли на представленных предметах наслоения растительного происхождения? (объект на предмете-носителе);
- какова природа объектов, представленных на исследование? (при отсутствии предметов-носителей).

При сравнительном исследовании объектов растительного происхождения между собой или с контрольными (сравнительными) образцами, вопросы формулируются следующим образом:

- Имеют ли растения (фрагменты, частицы растений, объекты растительного происхождения) общую родовую (групповую) принадлежность?
- Каков компонентный состав представленного объекта (смеси растительного происхождения)?

Объекты растительного происхождения упаковывают индивидуально в бумажные пакеты, конверты или матерчатые мешки, исключая возможность контакта между растениями, изъятыми с места происшествия и с предмета-носителя. Влажные объекты подсушивают при комнатной температуре (кроме растений, предположительно содержащих наркотические средства). Не допускается упаковка объектов в полиэтиленовые пакеты, стеклянную тару, на дактилоскопическую пленку.

Так как исследование объектов растительного происхождения, как правило, влечет за собой полное или частичное уничтожение объектов, следователю в постановлении о назначении судебно-ботанической экспертизы необходимо дать разрешение эксперту на полное или частичное уничтожение (видоизменение) объектов.

**В.А. Быкадоров
В.А. Казюлин
Ф.П. Васильев**

Ведение государственного транспортного надзора как способ реализации требований конституционных норм в области обеспечения безопасности

Вопросы обеспечения безопасности на объектах повышенной опасности, а также обеспечения жизнедеятельности всех видов транспорта

(объектов) в соответствии с международными стандартами и в интересах государства за последние годы весьма актуальны в связи с происходящими (отрицательными) различными событиями.

В целях обеспечения реализации требований Президента РФ, безопасности, единой государственной политики в области регулирования оборота (эксплуатации) транспорта в России Правительством РФ издается Постановление от 19.03.2013 № 236 «О федеральном государственном транспортном надзоре»¹. Данным же постановлением утверждается «Положение о федеральном государственном транспортном надзоре».

Реализация полномочий, предусмотренных Положением, утвержденным названным постановлением, осуществляется Ространснадзором в пределах установленной Правительством России предельной численности работников центрального аппарата и территориальными органами Службы за счет бюджетных ассигнований, предусмотренных Службе в федеральном бюджете на руководство и управление в сфере установленных функций. Одновременно Правительством установлено, что, Положение о полномочиях должностных лиц Ространснадзора, осуществляющих контрольные (надзорные) функции, утвержденное постановлением Правительства России от 9.06.2010, № 409 «Об осуществлении должностными лицами Ространснадзора контрольных (надзорных) функций», не применяется к отношениям, связанным с осуществлением федерального гостранснадзора.

Положением предписан порядок осуществления федерального гостранснадзора, представляющего собой деятельность Ространснадзора и ее территориальных органов, направленной на предупреждение, выявление и пресечение нарушений юридическими лицами, их руководителями и иными должностными лицами, индивидуальными предпринимателями и их уполномоченными представителями (далее – субъекты надзора) требований, установленных международными договорами РФ, федеральными законами и принимаемыми в соответствии с ними иными нормативными правовыми актами РФ в области транспорта (далее – обязательные требования), посредством организации и проведения проверок субъектов надзора, либо транспортных и технических средств в процессе их эксплуатации (далее – проверки), принятия предусмотренных законодательством РФ мер по пресечению и (или) устранению последствий выявленных нарушений, а также связанную с систематическим наблюдением за исполнением обязательных требований, анализом и прогнозированием состояния исполнения обязательных требований при осуществлении деятельности субъектами надзора.

¹ Официальный интернет-портал правовой информации». URL: www.pravo.gov.ru.

В настоящее время федеральный гостраснадзор включает в себя: государственный контроль (надзор) за осуществлением международных автомобильных перевозок в стационарных и передвижных контрольных пунктах на территории России; государственный надзор в области: гражданской авиации; автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта; железнодорожного транспорта; внутреннего водного транспорта; государственный надзор за: торговым мореплаванием; обеспечением сохранности автомобильных дорог федерального значения.

На август 2013 г. должностными лицами, уполномоченными на осуществление федерального государственного транспортного надзора (государственными транспортными инспекторами), являются: руководитель Ространснадзора; заместители руководителя Ространснадзора; руководители: подразделений центрального аппарата Ространснадзора, заместители руководителей подразделений центрального аппарата Службы, начальники отделов, заместители начальников отделов и другие федеральные государственные гражданские служащие категории «специалисты» подразделений центрального аппарата Службы; территориальных органов Ространснадзора; заместители руководителей территориальных органов Ространснадзора; начальники отделов, заместители начальников отделов и другие федеральные государственные гражданские служащие категории «специалисты» территориальных органов Ространснадзора.

Должностные лица, указанные в п. 3 Положения, имеют право:

- запрашивать на основании письменных мотивированных запросов у органов государственной власти, органов местного самоуправления, а также у субъектов надзора информацию и документы, которые необходимы для проведения проверки;

- беспрепятственно по предъявлении служебного удостоверения и копии приказа (распоряжения) руководителя (заместителя руководителя) Ространснадзора о назначении проверки или о проведении мероприятий по контролю за выполнением обязательных требований посещать используемые субъектами надзора территории, воздушные суда гражданской авиации, объекты транспортной инфраструктуры, суда и иные плавучие объекты, подвижной состав и иные связанные с перевозочным процессом транспортные и технические средства, осуществлять осмотр транспортных средств, проводить их обследование, а также необходимые исследования, испытания, измерения, расследования, экспертизы и другие мероприятия по контролю;

- выдавать субъектам надзора предписания об устранении нарушений обязательных требований, о проведении мероприятий по обеспечению предотвращения вреда жизни и здоровью людей, вреда окружающей среде, имуществу физических или юридических лиц, государственному или

муниципальному имуществу, предотвращению возникновения ЧС природного и техногенного характера;

- составлять протоколы об административных правонарушениях, связанных с нарушениями обязательных требований, рассматривать дела об указанных административных правонарушениях и принимать меры по предотвращению таких нарушений; направлять в уполномоченные органы материалы, связанные с нарушениями обязательных требований, для решения вопросов о возбуждении уголовных дел по признакам преступлений; предъявлять иски о возмещении вреда, причиненного вследствие нарушений обязательных требований.

При этом, к отношениям, связанным с осуществлением федерального гоstrанснадзора, в том числе с организацией и проведением проверок субъектов надзора, применяются положения ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» с учетом особенностей организации и проведения проверок, установленных ст. 28 Воздушного кодекса РФ, ст. 11 ФЗ «О государственном контроле за осуществлением международных автомобильных перевозок и об ответственности за нарушение порядка их выполнения», ст. 6.1 Кодекса торгового мореплавания РФ, ст. 4.1 Кодекса внутреннего водного транспорта РФ, ст. 20.1 ФЗ «О железнодорожном транспорте в РФ», а также ст. 3.1 ФЗ «Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта». Данный вид надзора осуществляется посредством организации и проведения плановых и внеплановых документарных и выездных проверок в соответствии со ст. 9-12 ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля».

Государственные транспортные инспектора при проведении проверок обязаны соблюдать ограничения и выполнять обязанности, установленные ст. 15-18 ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля», а также нести ответственность за ненадлежащее исполнение возложенных на них полномочий в соответствии с законодательством РФ.

Предметом проверок является соблюдение субъектами надзора в процессе осуществления их деятельности обязательных требований, установленных международными договорами РФ и законодательством РФ в области транспорта, в том числе:

- при осуществлении государственного надзора в области гражданской авиации; требований, предусмотренных правилами: подготовки авиационного персонала гражданской авиации; перевозки пассажиров, багажа, грузов и почты; требований в отношении: документации воздушного судна и свидетельств его экипажа; оборудования и техниче-

ского состояния воздушного судна; при осуществлении государственного надзора за торговым мореплаванием и в области: внутреннего водного транспорта; требований к безопасности эксплуатации судов, осуществляющих судоходство и мореплавание (в том числе маломерных, осуществляющих коммерческие перевозки); требований, предусмотренных правилами содержания судовых ходов и средств навигационного оборудования на внутренних водных путях; требований к членам экипажей морских, речных, судов смешанного (река-море) плавания и спортивных парусных судов (в том числе маломерных, осуществляющих коммерческие перевозки); требований к организации и проведению морского поиска и спасания на море; требований, предусмотренных правилами перевозки пассажиров, багажа и грузов;

- при осуществлении государственного надзора в области железнодорожного транспорта: требований в отношении безопасности движения и эксплуатации железнодорожного транспорта, строительства, приемки в эксплуатацию объектов инфраструктуры железнодорожного транспорта (за исключением объектов капитального строительства, в отношении которых осуществляется государственный строительный надзор в случаях, предусмотренных Градостроительным кодексом РФ) и их эксплуатации, подвижного состава и иных связанных с перевозочным процессом транспортных и технических средств; требований, предусмотренных правилами перевозки и перегрузки грузов, перевозки пассажиров и багажа;

- при осуществлении государственного надзора в области автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта: требований в отношении наличия у субъекта надзора помещений и оборудования, позволяющих осуществлять хранение, техническое обслуживание и ремонт транспортных средств, проведение предрейсовых и послерейсовых медицинских осмотров водителей и контроль технического состояния транспортных средств, или наличия договоров со сторонними организациями о хранении, техническом обслуживании и ремонте транспортных средств, проведении предрейсовых и послерейсовых медицинских осмотров водителей и контроле технического состояния транспортных средств, а также требований к организации работы водителей в целях обеспечения безопасности дорожного движения, в том числе в части соблюдения режима труда и отдыха водителей; требований к обеспечению соответствия работников профессиональным и квалификационным требованиям, предъявляемым к ним при осуществлении перевозок автомобильным и городским наземным электрическим транспортом; требований, предъявляемых к организациям, осуществляющим обучение водителей транспортных средств, перевозящих опасные грузы, и специалистов (консультантов) по вопросам безопасности перевозки опасных грузов автомобильным транспортом, в отношении соответствия процесса обу-

чения и проведения экзамена требованиям, установленным Европейским соглашением о международной дорожной перевозке опасных грузов и законодательством РФ; требований, предусмотренных правилами перевозки пассажиров, багажа и грузов;

- при осуществлении государственного контроля (надзора) за осуществлением международных автомобильных перевозок в стационарных и передвижных контрольных пунктах на территории России – требований в отношении порядка осуществления международных автомобильных перевозок;

- при осуществлении государственного транспортного надзора за обеспечением сохранности автомобильных дорог общего пользования федерального значения: требований к весовым и габаритным параметрам транспортных средств, осуществляющих перевозки тяжеловесных и(или) крупногабаритных грузов по автомобильным дорогам федерального значения, а также габаритных параметров автобусов, осуществляющих международные автомобильные перевозки; требований к обеспечению сохранности автомобильных дорог общего пользования федерального значения, в том числе к соблюдению порядка использования полос отвода и придорожных полос автомобильных дорог общего пользования федерального значения, технических требований и условий размещения объектов временного и капитального строительства, объектов, предназначенных для осуществления дорожной деятельности, а также объектов дорожного сервиса и иных объектов, размещаемых в полосе отвода и придорожных полосах автомобильных дорог общего пользования федерального значения; требований в отношении присоединения объектов дорожного сервиса, объектов другого функционального назначения к автомобильным дорогам общего пользования федерального значения, а также в отношении введения временных ограничений или прекращения движения транспортных средств по автомобильным дорогам общего пользования федерального значения.

Сроки и последовательность административных процедур при осуществлении федерального гостранснадзора устанавливаются административными регламентами, разрабатываемыми и утверждаемыми в соответствии с постановлением Правительства России от 16.05.2011, № 373. Решения и действия (бездействие) государственных транспортных инспекторов могут быть обжалованы в административном и (или) судебном порядке в соответствии с законодательством РФ. Результаты федерального гостранснадзора, затрагивающие интересы и права неопределенного круга лиц, размещаются на официальном сайте Ространснадзора в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» в порядке, установленном законодательством РФ. И вместе с тем, по мнению авторов (Ф. Васильев), если Президент РФ (январь 2013 г.) и Правительство РФ в области регулирования миграционной политики

(2012 г.) требуют реализации данной государственной надзорно-контрольной работы сотрудниками ФМС России и ее территориальными органами совместно с территориальными органами МВД России, то и Ространснадзор свою работу обязан осуществлять непосредственно с МВД России. В противном случае не прослеживается связь ФЗ о транспортной безопасности, которая требует от МВД и его территориальных органов участия в обеспечении транспортной безопасности (скажем участие в проверке причинности катастроф и др. фактов). Это одновременно позволит сократить использование целевых бюджетных и собственных средств собственниками в области обеспечения (технического укрепления).

В заключении следует отметить, что субъектам правоотношений в данном случае (читателю) следует учитывать соответствующие (в области оборота транспорта (объектов)) технические регламенты, утвержденные как федеральными законами, постановлениями Правительства России, так и Таможенным союзом и Минтрансом России¹.

Ф.П. Васильев
В.И. Долинко

Деятельность Счетной палаты как реализация норм Конституции России

Вопросы обеспечения экономической безопасности по существу (административно-правовое регулирование) в настоящее время осуществляется Президентом и Правительством России, федеральными органами исполнительной власти и их территориальными органами, местными муниципальными, а также государственными органами и другими субъектами (общественными) управления. В данной области мы можем заметить и роль Счетной палаты, деятельность которой закреплена в основном Федеральным законом от 05.04.2013 № 41-ФЗ «О Счетной палате Российской Федерации»² (далее – ФЗ о Счетной палате).

Федеральный закон регулирует отношения, возникающие в процессе осуществления Счетной палатой РФ (далее – Счетная палата) внешнего государственного аудита (контроля) порядка формирования, управления и распоряжения средствами федерального бюджета, бюджетов государственных внебюджетных фондов, федеральной собственностью (далее – федеральные ресурсы) и иными ресурсами в пределах компетенции

¹ Васильев Ф.П. Административное регламентирование деятельности МВД России: учебное пособие. В 7 ч. Ч. 6. Обеспечение безопасности на транспорте. М., 2012.

² Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

Счетной палаты, обеспечивающими безопасность и социально-экономическое развитие страны, а также задачи, функции, полномочия и организацию ее деятельности.

Целью ФЗ о Счетной палате является создание правовых основ для осуществления палатами Федерального Собрания РФ парламентского контроля посредством формирования Счетной палаты, призванной обеспечивать конституционное право российских граждан на участие в управлении делами государства путем осуществления внешнего государственного аудита (контроля).

Законодателями определены также и статус Счетной палаты. Так, она является постоянно действующим высшим органом внешнего государственного аудита (контроля), образуемым в порядке, установленном ФЗ о Счетной палате, и подотчетным Федеральному Собранию. В рамках задач, определенных законодательством РФ, она обладает организационной, функциональной, а также финансовой независимостью и осуществляет свою деятельность самостоятельно. Ее деятельность не может быть приостановлена, в том числе в связи с досрочным прекращением полномочий палат Федерального Собрания. Она является юридическим лицом, имеет печать с изображением Государственного герба РФ и со своим наименованием, геральдический знак – эмблему и флаг. В своей деятельности руководствуется Конституцией РФ, общепризнанными принципами и нормами международного права, международными договорами РФ, названным ФЗ, другими ФЗ, а также международно-правовыми принципами независимого аудита (контроля). Она также осуществляет внешний государственный аудит (контроль) в соответствии с разрабатываемыми и утверждаемыми в установленном ФЗ о Счетной палате порядке стандартами Счетной палаты. Она осуществляет внешний государственный аудит (контроль) на основе принципов законности, эффективности, объективности, независимости, открытости и гласности. Ее задачами являются:

- организация и осуществление контроля за целевым и эффективным использованием средств федерального бюджета, бюджетов государственных внебюджетных фондов; аудит реализуемости и результативности достижения стратегических целей социально-экономического развития страны; определение эффективности и соответствия нормативным правовым актам РФ (НПА РФ) порядка формирования, управления и распоряжения федеральными и иными ресурсами, в том числе для целей стратегического планирования социально-экономического развития страны; анализ выявленных недостатков и нарушений в процессе формирования, управления и распоряжения федеральными и иными ресурсами в пределах компетенции Счетной палаты, выработка предложений по их устранению, а также по совершенствованию бюджетного процесса в целом в пределах компетенции;

- развитие возможностей и методов аудита (контроля) эффективности и соответствия НПА РФ порядка формирования, управления и распоряжения федеральными и иными ресурсами в пределах компетенции Счетной палаты, включая выбор и оценку ключевых национальных показателей и индикаторов социально-экономического развития страны; оценка эффективности предоставления налоговых и иных льгот и преимуществ, бюджетных кредитов за счет средств федерального бюджета, а также оценка законности предоставления государственных гарантий и поручительств или обеспечения исполнения обязательств другими способами по сделкам, совершаемым юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями за счет федеральных и иных ресурсов, в пределах компетенции Счетной палаты;

- определение достоверности бюджетной отчетности главных администраторов средств федерального бюджета и бюджетов государственных внебюджетных фондов страны и годового отчета об исполнении федерального бюджета, бюджетов государственных внебюджетных фондов России; контроль за законностью и своевременностью движения средств федерального бюджета и средств государственных внебюджетных фондов в Центробанке России, уполномоченных банках и иных кредитных организациях страны; обеспечение мер по противодействию коррупции.

Согласно ст. 9 ФЗ о Счетной палате аудиторами Счетной палаты являются должностные лица, возглавляющие направления деятельности Счетной палаты. Конкретное содержание направления деятельности Счетной палаты, возглавляемого аудитором Счетной палаты, определяется Регламентом Счетной палаты. Они могут быть назначены граждане РФ, не имеющие гражданства иностранного государства либо вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание гражданина РФ на территории иностранного государства, имеющие высшее образование и опыт работы не менее 5 лет в области госуправления, госконтроля (аудита), экономики, финансов, юриспруденции. И они не могут состоять в родственных отношениях с Президентом, Председателем Совета Федерации, Председателем Госдумы, Председателем Правительства, Председателем Конституционного Суда РФ, Председателем Верховного Суда РФ, Председателем Высшего Арбитражного Суда РФ, Руководителем Администрации Президента России, Генеральным прокурором РФ, Председателем СК России, Председателем Счетной палаты, заместителем Председателя Счетной палаты.

Совет Федерации и Госдума назначают по 6 аудиторов Счетной палаты сроком на 6 лет по представлению Президента России. Одно и то же лицо не может занимать должность аудитора Счетной палаты более 2-х сроков подряд. Кандидатуры для назначения на данную должность вносятся Президенту Советом Госдумы по предложениям фракций в Госдуме, Советом палаты Совета Федерации по предложениям комите-

тов Совета Федерации. В случае, если какая-либо из внесенных Советом Госдумы или Советом палаты Совета Федерации кандидатур не будет поддержана Президентом, он вправе выдвинуть иную кандидатуру и представить ее соответственно в Госдуму или Совет Федерации для назначения на должность аудитора Счетной палаты. Постановление Совета Федерации о назначении на должность аудитора Счетной палаты принимается большинством голосов от общего числа членов Совета Федерации. Постановление Госдумы о назначении на должность аудитора Счетной палаты принимается большинством голосов от общего числа депутатов Госдумы. И при появлении вакантной должности аудитора Счетной палаты она должна быть замещена в течение 2-х месяцев.

Аудиторы Счетной палаты, устанавливаемой Регламентом Счетной палаты, самостоятельно решают все вопросы организации деятельности возглавляемых ими направлений и несут ответственность за ее результаты. Они имеют право присутствовать на заседаниях Совета Федерации и Госдумы, их комитетов и комиссий, коллегий ФОИВ (в том числе и МВД России) и иных госорганов. Аудитор Счетной палаты досрочно освобождается от должности решением той палаты Федерального Собрания, которая его назначила, в случае: нарушения им законодательства РФ или совершения злоупотреблений по службе, если за такое решение проголосует большинство от общего числа соответственно членов Совета Федерации или депутатов Госдумы; личного заявления об отставке; признания его недееспособным вступившим в законную силу решением суда; в связи с утратой доверия в случаях, предусмотренных ФЗ «О противодействии коррупции».

Решение о досрочном освобождении от должности аудитора Счетной палаты оформляется постановлением соответствующей палаты Федерального Собрания по представлению Президента России. Законом также закреплены ограничения и обязанности, налагаемые на Председателя, заместителя Председателя и аудиторов Счетной палаты. Так, они не вправе: замещать иные должности в органах госвласти и органах местного самоуправления; заниматься предпринимательской деятельностью лично или через доверенных лиц, участвовать в управлении хозяйствующими субъектами независимо от их организационно-правовых форм; другой оплачиваемой деятельностью, кроме преподавательской, научной и иной творческой деятельности. При этом преподавательская, научная и иная творческая деятельность не может финансироваться исключительно за счет средств иностранных государств, международных и иностранных организаций, иностранных граждан и лиц без гражданства, если иное не предусмотрено международными договорами страны, законодательством РФ или договоренностями на взаимной основе ФОГВ с госорганами иностранных государств, международными или иностранными организациями;

- быть поверенными или иными представителями по делам третьих лиц в органах госвласти и органах местного самоуправления, если иное не предусмотрено федеральными законами; использовать в неслужебных целях информацию, средства материально-технического, финансового и информационного обеспечения, предназначенные только для служебной деятельности; получать гонорары за публикации и выступления в качестве Председателя, заместителя Председателя и аудитора Счетной палаты;

- получать в связи с выполнением служебных (должностных) обязанностей не предусмотренные законодательством РФ вознаграждения (ссуды, денежное и иное вознаграждение, услуги, оплату развлечений, отдыха, транспортных расходов) и подарки от физических и юридических лиц. Подарки, полученные в связи с протокольными мероприятиями, со служебными командировками и с другими официальными мероприятиями, признаются собственностью РФ и передаются по акту в Счетную палату. Председатель, заместитель Председателя и аудитор Счетной палаты, сдавший подарок, полученный им в связи с протокольным мероприятием, со служебной командировкой и с другим официальным мероприятием, может его выкупить в порядке, устанавливаемом соответствующими НПА РФ;

- принимать вопреки установленному порядку почетные и специальные звания, награды и иные знаки отличия (за исключением научных и спортивных) иностранных государств, международных организаций, политических партий, других общественных объединений и иных организаций; выезжать в служебные командировки за пределы страны за счет средств физических и юрлиц, за исключением служебных командировок, осуществляемых в соответствии с законодательством РФ, по договоренностям госорганов РФ, госорганов субъектов РФ или муниципальных органов с государственными или муниципальными органами иностранных государств, международными или иностранными организациями;

- входить в состав органов управления, попечительских или наблюдательных советов, других органов иностранных некоммерческих неправительственных организаций и действующих на территории страны их структурных подразделений, если иное не предусмотрено международными договорами страны, законодательством РФ или договоренностями на взаимной основе ФОВ с государственными органами иностранных государств, международными или иностранными организациями;

- вступать в политическую партию в период осуществления ими своих полномочий. При назначении на должность Председатель, заместитель Председателя и аудиторы Счетной палаты обязаны приостановить свое членство в политической партии в случае наличия такового; приглашать или использовать в целях, не связанных с выполнением служеб-

ных (должностных) обязанностей, сведения, отнесенные в соответствии с федеральным законом к информации ограниченного доступа, ставшие ему известными в связи с выполнением служебных (должностных) обязанностей.

Они также обязаны представлять сведения о своих доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также сведения о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супругов (супругов) и несовершеннолетних детей в порядке, установленном соответствующими НПА РФ. В случае, если владение Председателем, ее заместителем или аудитором Счетной палаты ценными бумагами, акциями (долями участия, паями в уставных (складочных) капиталах организаций) приводит или может привести к конфликту интересов, он обязан передать принадлежащие ему ценные бумаги, акции (доли участия, пай в уставных (складочных) капиталах организаций) в доверительное управление в соответствии с гражданским законодательством РФ. За несоблюдение ограничений и обязанностей, установленных ФЗ о Счетной палате (ст. 12) они несут ответственность, предусмотренную федеральными конституционными законами, федеральными законами и иными НПА РФ.

Счетной палаты имеет свою коллегию. Так, для рассмотрения вопросов планирования и организации своей работы, методологического и методического обеспечения деятельности, утверждения своих стандартов, общих требований к стандартам внешнего государственного и муниципального аудита (контроля), отчетов, иных документов по результатам контрольных и экспертно-аналитических мероприятий, а также информационных сообщений, направляемых Совету Федерации и Госдуме, образуется Коллегия Счетной палаты. В ее состав входят Председатель, заместитель Председателя и аудиторы Счетной палаты, руководитель аппарата Счетной палаты с правом совещательного голоса. В заседаниях Коллегии могут принимать участие председатели комитетов и комиссий Совета Федерации и Госдумы, члены Правительства России, а также иные лица по решению Председателя Счетной палаты (в том числе и МВД России). Член или группа членов Коллегии Счетной палаты, несогласные с ее решением, вправе в трехдневный срок подать Председателю Счетной палаты особое мнение, которое прилагается к решению Коллегии и подлежит опубликованию совместно с ним.

Аппарат Счетной палаты состоит из инспекторов и иных сотрудников. Структура ее аппарата включает в себя руководство аппарата и структурные подразделения аппарата. В служебные обязанности ее инспекторов входит непосредственное осуществление внешнего государственного аудита (контроля). Их права, обязанности и ответственность и иных сотрудников аппарата Счетной палаты, а также условия прохождения ими государственной гражданской службы определяются ФЗ о счетной палате, иными федеральными законами и принимаемыми в соответ-

ствии с ними НПА, решениями Коллегии Счетной палаты, внутренними нормативными документами Счетной палаты.

В итоге как мы видим в области административного регулирования по обеспечению экономической безопасности Счетная палата в какой то степени играет центральную роль, в том числе не только целевого использования бюджетных средств со всеми субъектами правоотношения, но и по выявлению ими коррупционных факторов как в системе власти всех уровней, так и иными собственниками (юридическими лицами).

Ф.П. Васильев
А.С. Лобачёв

Конституционные гарантии прав граждан на удовлетворения своих потребностей в области оборота контрафактной продукции

Конституция РФ 1993 г. гарантирует гражданам РФ право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности. Так с переходом к рыночной модели развития Россия стала полноправным участником глобальных наднациональных экономических и финансовых институтов. Наряду с очевидными достоинствами интеграции, наша страна столкнулась с вызовами, к которым ее государственные и общественные институты оказались не готовы. Один из них – это контрафактная продукция. По оценкам Бизнес-ассоциации по борьбе с контрафактом и пиратством (BASCAP) Международной торговой палаты (ICC), мировой рынок контрафакта к 2015 г. может вырасти до 1,5 трлн. долларов. Прогнозируемая цифра, по оценкам эксперта, практически вдвое больше, чем оценивается на сегодняшний день, – примерно 860 млрд. долларов.

При этом опасность от производства и реализации контрафакта не ограничивается нанесением экономического ущерба, обманутым потребителям и владельцам авторских прав. По данным Комитета экспертов по оценке мер противодействия отмыванию денег и финансированию терроризма, зачастую лица, участвующие в производстве и обороте контрафакта вовлечены и в другие формы преступлений, включая налоговое мошенничество, незаконный оборот наркотиков, нарушения трудового и иммиграционного законодательства, отмыванию денег, добытых преступным путем.

В резолюции, состоявшегося в 2012 г. в Москве, I Международного форума «Антиконтрафакт-2012» указывается, что совершенствование административных и судебных процедур, законодательства об административных правонарушениях, усиление взаимодействия органов власти, безусловно являющихся основополагающими в развитии цивилизованных рыночных отношений. Также констатируется несовершенство зако-

нодательства в данной сфере, а именно: сложность процедур привлечения злоумышленников к ответственности, несовершенство механизмов защиты прав потребителей и владельцев авторских прав, отсутствие единой судебной практики и т.д.

И если европейские страны разрабатывали антиконтрафактное законодательство десятилетиями, то в России эта проблема стала активно обсуждаться, лишь в начале 90-х гг. XX в. В 1992 г. законодатель впервые дал определение понятию «контрафактная продукция». В соответствии со ст. 4 Закона РФ от 23.09.1992 № 3520-1 «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров», который назвал контрафактными «товары, этикетки, упаковки этих товаров, на которых незаконно используется товарный знак или сходное с ним до степени смешения обозначение». Закон от 9.07.1993 № 5351-1 «Об авторском праве и смежных правах» установил, что контрафактной продукцией являются также экземпляры произведения и фонограммы, изготовление или распространение которых влечет за собой нарушение авторских и смежных прав.

Тогда же статья об ответственности за правонарушения, связанные с оборотом и производством контрафакта, появилась в КоАП РСФСР. Так ст. 150.3 «Обман потребителей в небольшом размере» предусматривала ответственность за обмеривание, обвешивание, обсчет, введение в заблуждение относительно потребительских свойств, качества товара или иной обман потребителей в магазинах, на других предприятиях, осуществляющих реализацию товаров или оказывающих услуги населению, независимо от форм собственности, а равно гражданами, занимающимися предпринимательской деятельностью в сфере торговли (услуг), совершенные в небольшом размере. Санкция данной статьи предусматривала за совершение данного правонарушения штраф от одного до тридцати минимальных размеров оплаты труда. Статья 150.4 КоАП РСФСР «Продажа, сдача в прокат и иное незаконное использование экземпляров произведений или фонограмм» установила административную ответственность за незаконное использование объектов интеллектуальной собственности. Это нарушение каралось штрафом для граждан в размере от пяти до десяти минимальных размеров оплаты труда, а на должностных лиц в размере от десяти до двадцати минимальных размеров оплаты труда с конфискацией контрафактных экземпляров произведений или фонограмм. То, в последующем принятый в 2001 г., и ныне действующий, КоАП РФ установил ответственность за «Нарушение авторских и смежных прав, изобретательских и патентных прав» (ст. 7.12 на граждан в размере от 1500 до 2000 руб. с конфискацией контрафактной продукции, а на должностных лиц – от 10 тыс. до 20 тыс. руб. с конфискацией) и «Незаконное использование товарного знака» (ст. 14.10 на граждан в размере от 1500 до 2000 руб. с конфискацией контрафактной продукции, а на должностных лиц – от 10 тыс. до 20 тыс. руб. с конфискацией).

УК РФ также предусмотрена ответственность: ст. 180 УК РФ (Незаконное использование товарного знака), ст. 146 УК РФ (Нарушение авторских прав).

Согласно п. 2 и 5 ч. 1 ст. 2 ФЗ «О полиции», к основным направлениям деятельности полиции относятся предупреждение и пресечение преступлений и административных правонарушений, а также осуществлять производства по делам об административных правонарушениях и исполнение административных наказаний.

При этом задачи по предупреждению и пресечению административных правонарушений были возложены на органы внутренних дел гораздо раньше. Так в соответствии с приказом МВД РФ от 22.06.1999 № 456 «О мерах по совершенствованию деятельности милиции общественной безопасности по борьбе с правонарушениями в сфере потребительского рынка товаров и услуг», в 2000 г. в структуре ГУВД Пермской области был создан отдел, на который были возложены указанные функции со структурно входящим в него межрайонным отделом УВД г. Перми. В последующем спустя четыре года отдел был реорганизован в Управление с районными и межрайонными отделами.

В настоящее время целью подразделения является организация и выполнение подразделениями полиции задач по предупреждению и пресечению административных правонарушений, а также обеспечению производства по делам об административных правонарушениях, исполнения административных наказаний. В структуру отдела входит: отделение по соблюдению норм административного законодательства и отделение по профилактике и пресечению административных правонарушений.

Так за 2012 г. сотрудниками ОИАЗ Управления МВД России по г. Перми (отдел по исполнению административного законодательства) было пресечено 1868 административных правонарушений из них 287 в сфере оборота контрафактной продукции: 145 по ст. 7.12 и 142 по ст. 14.10 КоАП РФ, по которым составлено 223 административных протокола. Анализ статистических данных показывает, что подавляющее большинство нарушений авторских и смежных прав связано с реализацией контрафактной аудио-визуальной продукции (142 случая). Незаконное использование товарного знака чаще всего используется в сфере оборота промышленных товаров и алкогольной продукции.

В то же время размеры штрафов, применяемых в качестве санкции за совершение данных правонарушений, не позволяют эффективно бороться с распространением контрафактной продукции. Так, согласно статистике, средний штраф за совершение правонарушения, предусмотренного ст. 7.12 КоАП РФ, связанное с незаконным распространением контрафактной аудиовизуальной продукции, в 2012 г. составил 4,8 тыс. руб., за совершение правонарушения, предусмотренного ст. 14.10 КоАП РФ, связанного с оборотом промышленных товаров – 7,47 тыс. руб., алкогольной продукции – 8,3 тыс. руб.

Указанные суммы, в большинстве случаев, не являются существенными для правонарушителей. Так у розничных реализаторов контрафактной аудиовизуальной продукции затраты на выплаты штрафа окупаются через несколько дней работы, что ведет к рецидиву правонарушений.

Также на примере административно-юрисдикционной деятельности УМВД России по г. Перми следует констатировать недостаточный уровень взаимодействия между органами полиции, учреждениями государственной и местной власти коммерческими организациями, индивидуальными предпринимателями и физическими лицами. Последние, с целью извлечения прибыли, в порядке, установленном гражданским законодательством, передают в аренду имущественные комплексы, здания, сооружения, на территории которых осуществляется противоправная деятельность, связанная оборотом контрафактной продукции. По выявлении каждого такого факта и возбуждении административного производства, собственнику помещений вносится представление об устранении причин и условий, способствующих совершению правонарушения. Указанные представления вносились в уполномоченные органы администрации г. Перми, в адрес районных администраций, коммерческих структур (например, Центральный колхозный рынок). Практически все они были проигнорированы.

Механизмов по незамедлительному побуждению указанных субъектов к расторжению договоров аренды на сегодняшний день нет. Согласно действующему законодательству, решение о возложении на собственников помещений обязанности не передавать их в пользование лицам для организации противоправной деятельности может быть принято лишь в судебном порядке. В регионах имеется противоречивая судебная практика в других сферах административно-юрисдикционной деятельности. 10.11.2011 г. Кировский районный суд Перми удовлетворил иски прокурора, в числе которых содержалось требование обязать индивидуального предпринимателя Мельникова А.А. не передавать жилое помещение в пользование другим лицам для организации и проведения азартных игр. В последующем, суд установил, что в соответствии со ст. 209 ГК РФ Мельников А.А. вправе совершать в отношении принадлежащего ему имущества действия, не противоречащие закону и не нарушающие права и охраняемые законом интересы других лиц. Использование имущества и передача его другим лицам для организации и проведения азартных игр противоречит закону.

Аналогичное решение принял в сентябре 2012 г. Лазаревский районный суд г. Сочи по иску прокурора, запретивший ООО «Пламя» передавать нежилое помещение другим лицам для аналогичных целей. В то же время Корсаковский городской суд Сахалинской области отказал в иске о запрете ООО «Фосстис» предоставлять помещения для осуществления игровой деятельности. Суд указал, что указанное ООО не занимается

противоправной деятельностью по организации и проведению азартных мероприятий, не представляло помещений арендатору для осуществления указанной деятельности и не обязано контролировать деятельность, осуществляемую арендатором.

Подобное судебной практики, связанной с предотвращением оборота контрафактной продукции нет. Органами прокуратуры с исками к собственникам помещений, где арендаторами совершаются правонарушения, связанные с незаконным оборотом контрафактной продукции, не обращаются.

В качестве одной из региональных особенностей противодействия незаконному обороту контрафактной продукции необходимо отметить противоправную деятельность представителей общественных организаций, декларирующих своей целью, защиту авторских прав. Так в ходе проверочных мероприятий сотрудниками ОИАЗ было установлено, что представители указанных организаций требуют от лиц, осуществляющих незаконный оборот контрафактной аудиовизуальной продукции, ежемесячно передавать лично им денежные средства, обещая взамен покровительство со стороны правоохранительных органов.

Интерес со стороны других криминальных структур к сфере незаконного оборота контрафактной продукции, как и другие факторы, указывает на то, что она является одним из самых активно развивающихся и прибыльных секторов теневой экономики. Для эффективного противодействия незаконному обороту и производству контрафактной продукции необходимы изменения в уголовное, гражданское и административное законодательство.

Литература

1. Завидов Б.Д., Лапин С.Ю. Защита авторских и смежных прав по законодательству России. М.: Экзамен, 2001.
2. Защита авторских и смежных прав по законодательству России: научно-практическое издание / И.В. Савельева и др. М.: Интер-Медиа, 2001.

**Ф.П. Васильев
В.А. Лыткин**

К вопросу о совершенствовании законодательства в сфере противодействия экстремизму

В ст. 13 Конституции РФ закреплены, что в России признается идеологическое многообразие и никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. Кроме того, в России запрещается создание и деятельность общественных объедине-

ний, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности РФ, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни. Тем самым государство гарантирует национальную безопасность страны и равные права всем гражданам.

В последнее десятилетие экстремизм представляется как традиционная угроза безопасности и, безусловно, является одной из наиболее актуальных проблем для изучения в современной юриспруденции, политологии, религиоведении. Более того, среди обычного населения современной России (неспециалистов) около 46% выделяют экстремизм как наиболее актуальную угрозу современному обществу наряду с такими явлениями, как инфляция, безработица, акты терроризма, коррупция, алкоголизм, наркомания и др.¹ Особенно много говорится об экстремизме в средствах массовой информации как о разрушительном для общества, личности и государства феномене современного общественного бытия. Однако общепринятого понимания экстремизма и различных форм его проявления нет не только в массовом сознании². В научном сообществе пока еще недостаточно разработаны методологическая база и методика его исследования. В то же время очевиден тот факт, что для выработки эффективной политики по диагностике, профилактике и преодолению экстремизма необходимо теоретическое осмысление его сущности.

Однако, в настоящее время обращает на себя внимание определенное несовершенство нормативного правового регулирования вопросов борьбы с экстремизмом. Так, ФЗ от 25.07.2002 № 114 «О противодействии экстремистской деятельности» дает очень объемное и расплывчатое определение экстремизму. Его положения требуют конкретизации в федеральных законах, подзаконных актах в целях определения полномочий субъектов борьбы с экстремизмом, обеспечения координации их деятельности в условиях постоянно меняющейся политической обстановки и нарастающей реальной опасности экстремизма.

Данные обстоятельства в совокупности и обуславливают актуальность исследования сущности и правовых основ экстремизма.

Анализ юридической литературы и правоприменительной практики показал, что сегодня существует несоответствие содержания примечания к ст. 282.1 УК РФ) и п. 1 ст. 1 ФЗ от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»³ (далее – Закона, ФЗ). В

¹ Официальный сайт ВЦИОМ. URL: <http://wciom.ru>.

² Пролетенкова С.Е. О некоторых методологических подходах к исследованию сущности религиозного экстремизма в рамках административно-правового исследования // Юридический мир. 2013. № 1. С. 29.

³ Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской

Законе перечислены противоправные действия, представляющие собой экстремистскую деятельность. В примечании к ст. 282.1 УК РФ никаких ограничений, кроме указания на мотив, для признания преступного деяния преступлением экстремистской направленности нет.

Если проанализировать статьи Особенной части УК РФ на предмет присутствия в качестве основного либо квалифицирующего признака мотива политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, то в большинстве статей, устанавливающих ответственность за посягательства, перечисленные в Законе, такого указания нет. Решение вопроса еще более затруднено в связи с указанием в преамбуле Закона на то, что его положениями определяются не только правовые и организационные основы противодействия экстремистской деятельности, но и устанавливается ответственность за ее осуществление¹.

Несмотря на то, что в Законе устанавливаются правовые последствия для организаций, которые осуществляют экстремистскую деятельность, тем не менее, сама экстремистская деятельность описывается посредством перечисления составов преступлений, предусмотренных УК РФ, что фактически свидетельствует об установлении уголовной ответственности для юридических лиц в рамках отдельного федерального закона, не включенного в УК РФ. Названное положение противоречит установлениям ч. 1 ст. 1 УК РФ, определяющим, что уголовное законодательство состоит только из Уголовного кодекса и все новые законы, предусматривающие ответственность, подлежат включению в действующем УК РФ. На подобные противоречия уже обращалось ранее внимание в научной литературе². Для приведения в соответствие указанного ФЗ с положениями УК РФ следует исключить слова «устанавливается ответственность за ее осуществление» из преамбулы указанного Закона и внести соответствующие изменения в названия его статей.

Еще одним весьма спорным моментом указанного Закона является отнесение к числу противоправной деятельности, признающей экстремизмом, публичного оправдания терроризма и иной террористической деятельности. В научной литературе высказывается мнение о том,

деятельности» // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3031.

¹ Юдичева С.А. Актуальные проблемы юридического анализа составов преступлений организации экстремистского сообщества и участия в нем // Новый юридический журнал. 2013. № 2. С. 190.

² Шеховцов Ю.Ю. Сравнительная характеристика положений ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» и Уголовного кодекса Российской Федерации» // Вестник Северо-Кавказского государственного технического университета. 2006. № 4(8).

что «терроризм является наиболее опасной формой экстремизма»¹, однако положения УК РФ не позволяют сделать вывод о подобной взаимосвязи терроризма и экстремизма. Во-первых, в ст. 205, 205.1, 205.2 УК РФ, предусматривающих ответственность за преступные действия террористического характера, не указан в качестве возможного мотив политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. Более того, терроризм предполагает совершенно определенную цель совершения преступного деяния - воздействие на принятие решения органами власти или международными организациями (ч. 1 ст. 205 УК РФ). Во-вторых, среди преступных посягательств, содействие совершению либо финансирование которых является преступлением, также не указаны преступления экстремистской направленности. В-третьих, в ст. 3 ФЗ от 6.03.2006 № 35 «О противодействии терроризму»² при описании содержания понятий «терроризм», «террористическая деятельность» и «террористический акт» также отсутствует какое-либо указание на экстремизм либо мотив ненависти по расовому, национальному, политическому, идеологическому либо социальному признаку³.

В связи с изложенным следует отказаться от определения экстремистской деятельности через понятие «терроризм», не смешивая указанные виды преступной деятельности, и исключить указание на публичное оправдание терроризма и иную террористическую деятельность как разновидность экстремистской деятельности из ст. 1 ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности».

При рассмотрении вопроса о понятии и признаках экстремистского сообщества особое внимание следует уделить соотношению понятий «экстремистское сообщество», используемого в УК РФ для характеристики преступной организации, и «экстремистская организация», предусмотренного ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности».

В соответствии со ст. 1 указанного Закона экстремистская организация представляет собой общественное или религиозное объединение либо иную организацию, в отношении которых по основаниям, предусмотренным этим Законом, судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осу-

¹ Цит. по: Кочои С.М. Экстремизм: проблемы противодействия // Современные разновидности российской и мировой преступности: состояние, тенденции, возможности и перспективы противодействия. Саратов, 2005. С. 288.

² Статья 3 Федерального закона от 6.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // СЗ РФ. 2006. № 11. Ст. 1146.

³ Грудцына Л.Ю. Свобода и гражданское общество // Образование и право. 2011. № 1(17). С. 22-30.

шествованием экстремистской деятельности. Таким образом, признаки экстремистской организации, предусмотренные Законом, следующие: должно быть вступившее в законную силу решение суда о ликвидации либо запрете деятельности организации, решение принято в связи с тем, что организация занималась экстремистской деятельностью. Поскольку законодательные признаки экстремистской организации и экстремистского сообщества различны, можно прийти к выводу (который заведомо будет ошибочным) о том, что это качественно различные понятия. Сложность заключается в том, что и экстремистская организация, и экстремистское сообщество осуществляют деятельность, запрещенную УК РФ под угрозой наказания. Отдельные авторы высказывают предположение о том, что «организация, возможно, превратится в экстремистскую, если только суд сочтет необходимым запретить ее деятельность. Реально такая организация становится экстремистской после вступления решения суда в законную силу»¹. Следует возразить, поскольку организация может быть признана экстремистской и решение о ее ликвидации может быть принято только в случае, если будет установлено, что она занимается экстремистской деятельностью. Таким образом, возникает вопрос о том, кто компетентен принимать решение о признании деятельности организации экстремистской.

В Законе не прописана судебная процедура принятия решения о ликвидации либо запрете деятельности экстремистской организации, что свидетельствует о применимости общей судебной процедуры в рамках арбитражного судопроизводства. Однако установление факта занятия экстремистской деятельностью – компетенция правоохранительных органов, а принятие решения о наличии в действиях лиц состава преступления осуществляется в процессе уголовного судопроизводства путем вынесения приговора. Возникает противоречие: с одной стороны, принятие решения о ликвидации экстремистской организации (т.е. фактически признание организации экстремистской) относится к компетенции арбитражного суда, с другой – установление факта осуществления преступных действий лицами в составе такой организации возможно только по приговору суда общей юрисдикции в отношении членов этой организации².

В случае если приговором суда будет установлено, что члены организации осуществляют преступную (экстремистскую) деятельность, организация будет признана экстремистским сообществом и вся ее де-

¹ Цит. по: Исследование Белянского А.А. Нюансы правового регулирования экстремистской деятельности // Сайт Саратовского Центра по исследованию проблем организованной преступности и коррупции. URL: <http://sartracc.sgsp.ru>.

² Юдичева С.А. Актуальные проблемы юридического анализа составов преступлений организации экстремистского сообщества и участия в нем // Новый юридический журнал. 2013. № 2. С. 190.

тельность будет фактически прекращена посредством назначения соответствующего наказания ее организаторам и участникам. В таком случае решение арбитражного суда о ликвидации организации будет лишь формальностью, позволяющей исключить организацию из Единого госреестра юридических лиц. Соответственно, признание организации экстремистской возможно только на основании решений двух различных судов – приговора в отношении ее участников, вынесенного судом общей юрисдикции, и решения арбитражного суда о ликвидации. Это свидетельствует о том, что термины «экстремистское сообщество» и «экстремистская организация» фактически используются для определения одной и той же группы лиц, объединившихся для осуществления преступной экстремистской деятельности. При этом экстремистское сообщество не является официально созданной и зарегистрированной организацией, что затрудняет выявление признаков устойчивости и сплоченности. В случае с экстремистской организацией признак устойчивости и сплоченности легко доказуем, поскольку структура организации официально закреплена в учредительных документах. В связи с изложенным представляется целесообразным термин «экстремистская организация» исключить из ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», изменить название ст. 9 и изложить ч. 1-3 ст. 9 в следующей редакции:

«Статья 9. Ликвидация или запрет деятельности общественного или религиозного объединения (организации), осуществляющего экстремистскую деятельность.

В Российской Федерации запрещаются создание и деятельность общественных и религиозных объединений, иных организаций, цели или действия которых направлены на осуществление экстремистской деятельности.

Общественное или религиозное объединение может быть ликвидировано, а деятельность общественного или религиозного объединения, не являющегося юридическим лицом, может быть запрещена в случае осуществления организацией, либо ее региональным или другим структурным подразделением экстремистской деятельности, что подтверждено вступившим в законную силу приговором суда в отношении руководителей и членов такой организации. Решение о ликвидации принимается судом на основании заявления Генерального прокурора Российской Федерации или подчиненного ему соответствующего прокурора».

Изложенное в настоящей статье свидетельствует о несовершенстве российского законодательства, направленного на противодействие экстремистской деятельности, в то время как Конституция РФ является гарантом свободы совести, свободы вероисповедания, включая право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, свободно

выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними.

**Ф.П. Васильев
А.Н. Цыганков**

Обеспечение охраны общественного порядка и общественной безопасности в период выборов как способ реализации конституционных прав граждан гарантированных Конституцией России

В статье 32 Конституции РФ закреплены основополагающие гарантии для граждан РФ, в частности граждане России имеют право участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей, а также они имеют право избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления, а также участвовать в референдуме и т.д.

Так, 4.03.2012 на территории Республики Хакасия состоялись выборы Президента РФ, а также выборы депутатов Советов депутатов 11 городских и районных муниципальных образований, глав 3 муниципальных образований, глав и депутатов советов депутатов 9 сельских муниципальных образований.

Всего в ходе подготовки и проведения выборов в дежурных частях территориальных органов МВД России в Республике Хакасия было зарегистрировано 44 сообщения, связанных с нарушением избирательного законодательства. Эти цифры не отражают реальной картины нарушений, а лишь говорят о том, что предусмотренный законом механизм защиты избирательных прав граждан работает не на полную мощность. Правоприменительные органы должны использовать весь законный арсенал методов и средств, позволяющих организовать честные и справедливые выборы.

Анализ показывает, что большинство зарегистрированных правонарушений было связано с выборами местного уровня. Из общего числа поступивших сообщений лишь 3 (6,8%) были связаны с выборами Президента России, остальные 39 (93,2%) касались выборов в органы местного самоуправления. При этом не было зарегистрировано признаков уголовно-наказуемых деяний, в поступивших сообщениях усматривались признаки следующих составов административных правонарушений (в порядке уменьшения количества):

- ст. 5.12 КоАП РФ (изготовление, распространение или размещение агитационных материалов с нарушением требований законодательства о выборах и референдумах) – 16 сообщений;

- ст. 5.11 КоАП РФ (проведение предвыборной агитации, агитации по вопросам референдума лицами, которым участие в ее проведении запрещено федеральным законом) – 4 сообщения;

- ст. 5.14 КоАП РФ (умышленное уничтожение или повреждение печатных материалов, относящихся к выборам, референдуму) – 3 сообщения;

- ст. 5.6 КоАП РФ (нарушение прав члена избирательной комиссии, комиссии референдума, наблюдателя, иностранного (международного) наблюдателя, доверенного лица или уполномоченного представителя кандидата, избирательного объединения, члена или уполномоченного представителя инициативной группы по проведению референдума, иной группы участников референдума либо представителя средства массовой информации) – 2 сообщения;

- ст. 5.10 КоАП РФ (проведение предвыборной агитации, агитации по вопросам референдума вне агитационного периода и в местах, где ее проведение запрещено законодательством о выборах и референдумах) – 2 сообщения;

- ст. 5.49 КоАП РФ (нарушение запрета на проведение в период избирательной кампании, кампании референдума лотерей и других основанных на риске игр, связанных с выборами и референдумом) – 2 сообщения;

- ст. 5.16 КоАП РФ (подкуп избирателей, участников референдума либо осуществление в период избирательной кампании, кампании референдума благотворительной деятельности с нарушением законодательства о выборах и референдумах) – 1 сообщения;

- ст. 5.46 КоАП РФ (подделка подписей избирателей, участников референдума) – 1.

Остальные из поступивших сообщений не содержали признаков преступлений или правонарушений, и после первоначальной проверки были списаны в специальное номенклатурное дело в соответствии с требованиями п. 96 приказа МВД России от 01.03.2012 № 140¹.

Таким образом, наибольшую долю (36,3%) среди правонарушений, совершенных в ходе подготовки и проведения выборов, составляют правонарушения, заключающиеся в изготовлении, распространении или размещении агитационных материалов с нарушением требований законодательства о выборах и референдумах. Анализ фактов правонарушений позволяет выделить следующие основные разновидности данного состава: изготовление агитационных материалов без выход-

¹ Приказ МВД России от 01.03.2012 № 140 «Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации о предоставления государственной услуги по приему, регистрации и разрешению в территориальных органах МВД России заявлений, сообщений и иной информации о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях».

ных данных и распространение материалов в период, когда агитация запрещена.

На втором месте (9%) правонарушения, связанные с проведением предвыборной агитации лицами, которым участие в ее проведении запрещено федеральным законом. Из 4 зарегистрированных сообщений данной категории 3 были связаны с использованием в агитационных мероприятиях несовершеннолетних подростков.

В ходе предвыборной борьбы еще одним достаточно распространенным на практике видом правонарушений (6,8%) является умышленное уничтожение или повреждение печатных материалов, относящихся к выборам, референдумам.

Остальные из зарегистрированных видов правонарушений на выборах весной 2013 г. имели место в меньшем количестве, тем не менее также оказали влияние на предвыборную обстановку в отдельных муниципальных образованиях Республики Хакасия.

Анализ правонарушений, совершаемых в ходе подготовки и проведения выборов и референдумов, представляет большой практический интерес, поскольку позволяет своевременно учитывать особенности оперативной обстановки на территории обслуживания при разработке планов мероприятий по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности в период подготовки и проведения выборов и референдумов. Так, преобладание на обслуживаемой территории правонарушений, предусмотренных ст. 5.12 КоАП РФ (изготовление, распространение или размещение агитационных материалов с нарушением требований законодательства о выборах и референдумах) свидетельствует о необходимости планирования и проведения дополнительных мероприятий, связанных с проверкой типографий и мест возможного размещения агитационных материалов. В субъектах РФ, характеризующихся значительным количеством публичных общественно-политических акций в период подготовки и проведения выборов, сопровождающихся нарушением общественного порядка, необходимо большее внимание уделять обеспечению общественного порядка при проведении массовых мероприятий, выявлению и своевременной нейтрализации инициаторов беспорядков.

Таким образом, противодействие нарушениям общественного порядка и угрозам общественной безопасности в период подготовки и проведения выборов и референдумов будет являться эффективным только при комплексном подходе, включающем в себя: анализ складывающейся оперативной обстановки; определение на этой основе наиболее вероятных угроз; их учет при разработке плана мероприятий по обеспечению правопорядка в период подготовки и проведения выборов (референдумов); реализацию плановых (а при необходимости - дополнительных) мероприятий; анализ результатов обеспечения правопорядка и общественной безопасности в целях выявления направле-

ний дальнейшего совершенствования данного направления оперативно-служебной деятельности.

Таким образом, эффективная организация обеспечения сотрудниками органов внутренних дел общественного порядка и общественной безопасности в период проведения выборов в Республике Хакасия обеспечила реализацию в полном объеме конституционных прав граждан на участие в выборах.

Эти и другие вопросы организации обеспечения охраны общественного порядка в период проведения различных государственных публичных, общественных мероприятий должны регламентироваться не только федеральными законами, нормативно-правовыми актами Президента и Правительства РФ, а также нормативно-правовыми актами Центральной избирательной комиссии, Министерства спорта России и иными соответствующими федеральными органами исполнительной власти, в том числе приказами МВД России.

Безусловно, как избирательные вопросы (вопросы референдума) и иные публичные мероприятия обеспечиваются через комплексное использование соответствующих ресурсов, дислоцирующихся на территории соответствующего субъекта федерации и имеющихся непосредственных ресурсов ОВД России. А что же касается субъектов организации управления, то в нашем случае ими являются ГУООП МВД России (федерального значения); ГУ МВД округа (федеральные, окружные и региональные мероприятия); непосредственно региональные МВД, УМВД по субъекту РФ (региональные мероприятия); руководители территориальных органов внутренних дел по субъекту данного региона (мероприятия на уровне областных и республиканских центров); руководители территориальных ОВД на городском и районном уровне (мероприятия на уровне муниципального района, сельского поселения, (в том числе мероприятия, проводимые в отдельных организация, предприятиях, учреждениях).

А.Г. Волеводз

О конгруэнтности теории и практики в уголовном судопроизводстве

Начнем с понятия конгруэнтный. Словари отсылают нас к латинскому *congruens* – соразмерный, соответствующий.

Если попытаться применить этот термин к проблематике взаимодействия науки и практики в сфере уголовного судопроизводства, то можно заключить, что их конгруэнтность означает:

во-первых, взаимное соответствие (соразмерность) предмета научных исследований и полученных при этом результатов потребностям обеспечения современной уголовно-процессуальной деятельности;

во-вторых, соразмерность и правильность внедрения современных научных достижений в практику формирования правового регулирования уголовного судопроизводства, в следственную и судебную практику.

Такое понимание и реализация принципа конгруэнтности помогают минимизировать разрыв между теорией и ее применением на практике.

Разработка актуальных проблем уголовно-процессуальной науки, внедрение ее достижений в практику – неперенное условие выполнения задач, поставленных в Стратегии национальной безопасности РФ, одним из приоритетов которой провозглашена необходимость постоянного совершенствования правоохранительных мер по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию актов терроризма, экстремизма, других преступных посягательств на права и свободы человека и гражданина, собственность, общественный порядок и общественную безопасность, конституционный строй РФ¹.

За последние годы заметно расширяются и укрепляются связи юридической, в том числе уголовно-процессуальной науки, с практикой, ошутимее становится ее влияние на качество работы следователей, глубже изучается и обобщается передовой опыт, повышается научная достоверность рекомендаций следователям, органам следствия, прокурорам и судам.

Безусловно, не все вопросы, волнующие следственную практику, решаются юридической наукой своевременно и с надлежащей полнотой. Если бы все то, что сделано современной прогрессивной уголовно-процессуальной наукой и добыто следственной и судебной практикой, доходило до каждого следователя, то многие трудности, возникающие при расследовании конкретных уголовных дел были бы преодолены. А проблемы, которые зачастую порождены именно незнанием научных достижений, просто не возникали бы.

Примеров тому множество, но приведем лишь два, близких нам по сфере научных интересов.

Пример первый. Еще в конце 1990-х – начале 2000-х гг. по результатам проведенных научных исследований для следственной практики впервые в нашей стране были разработаны рекомендации по организации международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства². А именно той его части, которая касается вопросов взаимной

¹ СЗ. 2009. № 20. Ст. 2444.

² Александрова О.И., Бастрыкин А.И. Уголовные дела с участием иностранцев: вопросы тактики, организации и методики расследования. Научно-практическое пособие. СПб., 2003; Волеводз А.Г. Международный розыск, арест и конфискация полученных преступным путем денежных средств и имущества (правовые основы и методика) / науч. ред. А.Б. Соловьев. М., 2000; Волженкина В.М. Нормы международного права в российском уголовном про-

правовой помощи в получении доказательств, находящихся за рубежом (показаний свидетелей, вещественных доказательств, наложения ареста на денежные средства и имущество, полученные преступным путем). В числе иного рекомендации обращали внимание на обязательность учета длительности сроков исполнения ходатайств о правовой помощи и предопределяемую этим обстоятельством необходимость обязательного планирования и своевременного (оперативного) обращения за правовой помощью. Однако как показывают результаты сегодняшнего дня, лишь по незначительной части уголовных дел с т.н. «иностранным элементом» следователями ныне обеспечивается именно планирование, оперативность и своевременность обращения за взаимной правовой помощью, а подготовка и направление ходатайств об этом, зачастую, осуществляются спустя длительное время (по нашим данным от 3 до 18 месяцев) с момента появления фактических оснований для этого в уголовном деле. А если учесть, что средний срок исполнения ходатайств об оказании взаимной правовой помощи по уголовным делам на практике составляет: для стран-членов СНГ и государств Балтии – до 2,5 месяцев; для стран Европы – от 6 месяцев (Швейцария и Германия) до 10-12 месяцев (Великобритания); для США и других государств, расположенных на американском континенте – от 12-14 до 20 и более месяцев¹, можно представить сколь негативное влияние на обеспечение сроков расследования оказывает игнорирование указанных научных рекомендаций.

Из возникающих трудностей, стремясь обеспечить сокращение сроков расследования, следственная практика, естественно, пытается найти выход, причем вопреки научным рекомендациям и основным постулатам юридической науки. И об этом второй пример. В последнее время по ряду уголовных дел отечественные следователи, вопреки нормам международных договоров РФ и выработанным на их основе рекомендациям самостоятельно выполняют на территориях иностранных государств отдельные следственные действия, связанные с собиранием доказательств из иностранных источников, что категорически запрещено международным правом и национальным уголовно-процессуальным законодательством и, соответственно, влечет за собой признание полученных таким образом доказательств недопустимыми.

цессе. СПб., 2001; Милинчук В.В. Институт взаимной правовой помощи по уголовным делам. Действующая практика и перспективы развития. М., 2001.

¹ Волеводз А.Г. Правовые и методические основы деятельности органов предварительного следствия России по розыску, аресту и обеспечению конфискации за рубежом денежных средств и имущества, полученных преступным путем: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. С. 182-183; Он же. Международный розыск, арест и конфискация полученных преступным путем денежных средств и имущества (правовые основы и методика) / науч. ред. А.Б. Соловьев. М., 2000. С. 227.

Это, к сожалению, напрямую свидетельствует, что таким следователям вряд ли знакомы новейшие научные исследования по проблеме осуществления уголовно-процессуальной юрисдикции за рубежом и их результаты¹.

Приведенные и многие другие примеры, положительные и негативные, ставят в повестку дня вопрос о действенности системы внедрения достижений юридической, в частности, уголовно-процессуальной науки, в практику – проблему сложную, требующую концентрации усилий отдельных исследователей, научных коллективов, руководителей органов следствия и судов, от которых, на наш взгляд, зависит успех использования достижений наук антикриминального цикла в практике.

Такая постановка вопроса требует обратить внимание на следующее.

Во-первых, внедрение результатов научных исследований в практику уголовного судопроизводства – процесс творческий. Он зависит от многих факторов: предполагает переход от фундаментальных исследований к прикладным, а от них – к разработкам методик и рекомендаций, которые постепенно внедряются и вводятся в практику. Решение данной задачи возможно тогда, когда идеи, заложенные в методиках и рекомендациях, актуальны и когда, к примеру, следователь, на

¹ Копылова Е. Действие процессуальной экстерриториальности в отношении носителей международно-правового иммунитета // Уголовное право. 2012. № 6. С. 113-118; Копылова Е.И. Территориальный принцип исполнительной юрисдикции государства и особенности его реализации в международном праве // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 1(6). С. 338-348; Литвишко П.А. Консульская правовая помощь по уголовным делам на территории зарубежных представительств // Предварительное следствие. 2011. Вып. 1(11). С. 175-191; Литвишко П.А. Особенности осуществления уголовной и уголовно-процессуальной юрисдикции в отношении зарубежных представительств государств // Российский юридический журнал. 2011. № 3(78). С. 173-185; Литвишко П.А. Осуществление уголовно-процессуальной юрисдикции консульскими должностными лицами на территории дипломатических представительств и консульских учреждений (на примере некоторых стран Евросоюза) // Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 5(20). С. 251-257; Литвишко П.А. Проведение проверок сообщений о преступлениях и производство следственных действий на территории зарубежных представительств государств // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2012. № 1(2). С. 145-162; Литвишко П.А. Осуществление уголовно-процессуальной юрисдикции государством пребывания в отношении лиц, пользующихся международно-правовым иммунитетом // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2012. № 2(3). С. 222-235; Литвишко П.А. Уголовно-процессуальная юрисдикция в отношении загранучреждений по УПК Украины 2012 года: полезные новеллы и очевидные противоречия международному праву // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 2(3). С. 354-361.

которого они рассчитаны, убежден в необходимости изменения существующей практики, психологически и практически готов к этому.

Во-вторых, фундаментальные исследования в сфере уголовного судопроизводства требуют многих лет. Поэтому начинать их надо намного ранее того периода, когда возникает необходимость в осуществлении очередных закономерных преобразований системы уголовного судопроизводства. Только при этом условии можно будет вовремя и на надлежащем уровне подготовить все рекомендации и все разработки для внедрения результатов в законотворческую, следственную и судебную практику в сфере уголовного судопроизводства. При этом предлагаемые рекомендации и разработки должны подвергаться всестороннему обсуждению в научном сообществе, с привлечением специалистов не только наук антикриминального цикла, но и смежных отраслей права, широкой научной и юридической общественности. В противном случае вместо положительного от внедрения полученных результатов, эффект будет отрицательным.

Например, в результате т.н. гуманизации уголовного законодательства за большое число преступлений действующим УК РФ предусмотрено наказание в виде лишения свободы и установлена общая, т.н. «типовая» санкция в виде лишения свободы, из которой исключен нижний предел наказания в виде лишения свободы, тогда как его верхний предел, который определяет степень общественной опасности преступления, остается достаточно высоким. Многие преступления при этом носят трансграничный характер, а их расследование требует активного международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства, которое по ним вряд ли возможно. Это обусловлено тем, что одним из обязательных условий для ряда направлений международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства является не сама по себе степень общественной опасности преступления (которая в нынешнем УК РФ и определяется по верхней границе санкций), а минимальный срок наказания в виде лишения свободы за его совершение. Для выдачи, а в ряде случаев получения и оказания взаимной правовой помощи, как это предусмотрено международными договорами, он должен быть не менее 1 года лишения свободы. На практике это приводит к тому, что если за деяние, в связи с которым РФ направлен запрос о выдаче для привлечения к уголовной ответственности, статьями Особенной части УК РФ установлена возможность назначения наказания в виде лишения свободы на срок меньше, чем минимум для выдачи по международному договору или иностранному законодательству, то запрошенное государство откажет или может отказать в выдаче¹.

¹ Волеводз А.Г. Гуманизация уголовного закона и международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства // Уголовное право. 2012. № 3. С. 115-119; Он же. Уголовно-правовые препятствия международному сотрудни-

В-третьих, результаты исследований в сфере борьбы с преступностью внедряются успешно, если они ведутся соответственно запросам практики и опережают практику, вытекают из перспектив развития общества и следственного сообщества страны и их требований к содержанию и методам противодействия преступности. Иными словами, следственное сообщество страны, в лице Следственного комитета РФ, Следственного Департамента МВД РФ, иных органов, на которые государством возложена реализация столь ответственной функции, как расследование преступлений, должно стать государственным заказчиком научных исследований в уголовно-процессуальной науке, в других науках антикриминального цикла. А такой заказ должен формироваться на основе прогнозирования с учетом происходящих в государстве и мире перемен, социально-экономических и криминогенных явлений, обеспечивающих существенное опережение потребностей законотворческой, следственной и судебной практики в сфере уголовного судопроизводства.

В-четвертых, важно, чтобы, на наш взгляд, научно-исследовательские работы более или менее четко разграничивались на теоретические, прикладные исследования и научные разработки¹. К этим видам работ недопустимы одинаковые требования в отношении внедрения в практику. Хотя многие исследования наук антикриминального цикла ныне рассматриваются как прикладные и сугубо прагматические, это совершенно не означает и не должно означать, что в науке уголовного процесса не должны проводиться исследования, вытекающие из логики самой науки, имеющие целью ее собственное развитие.

К сожалению, непонимание этого обстоятельства, зачастую, особенно в сфере научного обеспечения уголовно-процессуального законотворчества, влечет за собой разработку и принятие новых законов, которые не укладываются не только в рамки уголовно-процессуальной теории, но и противоречат уже имеющейся позитивной практике уголовного судопроизводства.

честву в сфере уголовного судопроизводства // Библиотека уголовного права и криминологии. 2013. № 2. С. 164-172.

¹ Применительно к сфере уголовного судопроизводства обозначим: теоретическое исследование – связано с совершенствованием и развитием понятийного аппарата науки уголовно-процессуального права и направлено на всестороннее познание объективной реальности в её существенных связях и закономерностях; прикладные исследования – научные исследования, направленные на решение конкретных социально-практических проблем уголовного судопроизводства; научные исследования и разработки – разрешение научных проблем, связанных с созданием новых методик, рекомендаций, применением новых норм закона и т.д. параллельно с совершенствованием существующих.

Так, сегодня следственные органы страны «учатся» на практике применять новации, внесенные в УПК РФ Федеральным законом от 04.03.2013 № 23, которым существенно трансформирован порядок рассмотрения сообщений о преступлении. Одним из его достижений является то, что в ныне действующей редакции ст. 144 УПК РФ, наконец, позитивно разрешены многолетние теоретические дискуссии о возможности назначения и производства судебной экспертизы в стадии возбуждения уголовного дела.

В тоже время в ч. 1.2 ст. 144 УПК РФ оговаривается, что в случаях, когда судебная экспертиза была произведена на стадии возбуждения уголовного дела, то, «если после возбуждения уголовного дела стороной защиты или потерпевшим будет заявлено ходатайство о производстве дополнительной либо повторной судебной экспертизы, то такое ходатайство подлежит удовлетворению».

Однако и по возбужденным уголовным делам множество необходимых судебных экспертиз назначаются и производятся до появления по ним подозреваемых, а тем более, обвиняемых. После их появления в деле они знакомятся и с постановлениями о назначении экспертиз, и заключениями экспертов, после чего имеют права ходатайствовать о назначении повторных и дополнительных экспертиз.

Но законодатель «забыл», а юридическая наука ему не напомнила, что назначение дополнительных и повторных экспертиз предполагают особые основания (ст. 207 УПК РФ), которые нормами ст. 144 УПК РФ не оговорены.

В результате, эта новелла стала использоваться для затягивания сроков производства по уголовному делу и в тактических целях стороной защиты, поскольку в соответствии с указанной редакцией данного положения в ст. 144 УПК, следователь (суд) обязаны удовлетворять такие ходатайства.

В-пятых, исследуя закономерности уголовно-процессуальных отношений на той или иной стадии уголовного процесса, многие ученые вычленяют одну из взаимосвязанных стадий, сторон, процессуальных действий или их видов, элементов судопроизводства и подвергают их исследованию. Однако полученные результаты и даваемые рекомендации, в том числе по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства, следственной и судебной практики, зачастую, не учитывают и не раскрывают взаимосвязи даваемых рекомендаций, как со всей системой уголовного судопроизводства, так и со сложившейся в государстве системой борьбы с преступностью. А последнее особенно важно, поскольку многие законодательные новации на практике просто невозможны без дополнительного ресурсного, в первую очередь, финансового обеспечения.

В последнее время широко обсуждается проблема возможного упразднения в отечественном уголовном судопроизводстве стадии воз-

буждения уголовного дела подобно тому, как это сделано в УПК Украины 2012 г., где она ликвидирована: досудебное расследование начинается с момента внесения заявления, сообщения о совершенном преступлении в Единый реестр досудебных расследований – ЕРДР (ст. 214). Большинство сторонников аналогичной реформации УПК РФ обращают внимание на то, что начало расследования таким способом даст возможность исключить негативную и, увы, широко распространенную практику необоснованных отказов в возбуждении уголовных дел, сокрытия от регистрации заявлений и сообщений, упростит работу следователей на начальном этапе расследования и повысит их самостоятельность от надзорно-контрольных органов. Вместе с тем, как представляется, эти выводы и соответствующие им рекомендации, не учитывают взаимосвязи этих реформ с возможностями государства в сфере борьбы с преступностью. В первую очередь финансовыми.

Да, стадии возбуждения уголовного дела ныне в УПК Украины нет. Однако Генеральный прокурор Украины приказом от 14.11.2012 № 113 внес следующее дополнение в п. 2.2. раздела II Положения о порядке ведения ЕРДР: «В случае совершения уголовного правонарушения досудебное расследование начинается немедленно. Если в заявлении, сообщении, вопреки требованиям ч. 5 ст. 214 УПК Украины не содержится достаточной информации о совершении уголовного правонарушения, то для ее установления проводятся следующие действия: направление требования учреждениям, предприятиям, организациям о представлении документов или соответствующие данных и др. Эти действия должны быть выполнены в срок, не превышающий 7 дней. При неподтверждении во время проверки обстоятельств, свидетельствующих о совершении уголовного правонарушения, в соответствии с п. 1 или 2 ч. 1 ст. 284 УПК Украины принимается постановление о закрытии уголовного производства». Тем самым в практику деятельности вернулось то, что составляло ранее (а в России составляет и сейчас) содержание стадии возбуждения уголовного дела – формализованная следственная проверка¹.

Объяснение простое. «Замысел при обсуждении концепции нового УПК Украины был глобальный: перейти на евростандарты, в соответствие с которыми все заявления и сообщения, поступающие в органы охраны общественного порядка, подлежат регистрации в ЕРДР, факт которой означает начало расследования. Но финансово-экономическую

¹ В последующем приказе от 25.04.2013 № 54 данный пункт был исключен в силу явного противоречия подзаконного акта закону – УПК Украины. Но данное обстоятельство все равно не позволяет отказываться от минимальной, в рабочем порядке, предварительной проверки поступившего заявления или сообщения, для чего у прокурора и должностных лиц следствия по закону имеется 24 часа.

сторону вопроса, по большому счету, не исследовали и не просчитали. Для народного хозяйства (промышленность, транспорт и т.д.) – просчитали – переход на евростандарты потребует затрат на астрономическую сумму – 165 млрд. евро. Первые месяцы применения нового УПК показали, что реформирование правосудия по западному образцу требует также звездных расходов»¹, которые финансово-бюджетно не обеспечены.

Этот урок требует от отечественной уголовно-процессуальной науки, особенно в условиях объявленной государством экономии бюджетных расходов на предстоящие годы, привлечения к участию в исследованиях по обозначенной проблеме специалистов иных наук и подготовки итоговых рекомендаций для законодателя во взаимосвязи с ними. И это не благое пожелание, а необходимость, обоснованная следующими обстоятельствами.

По данным МВД РФ только в 2012 г. в органы внутренних дел страны поступило и было зарегистрировано 26,4 млн заявлений и сообщений о преступлениях, по результатам рассмотрения которых возбуждено 1,9 млн уголовных дел. По данным СК РФ за тот же период в его подразделения поступило 985,6 тыс заявлений и сообщений о преступлениях после проверки которых возбуждено 132 тыс уголовных дел. Ученые Института повышения квалификации Следственного комитета РФ 23.10.2013 в докладе во время круглого стола «Проблемы взаимоотношений следственных органов и суда» привели следующие данные: «В Следственном комитете РФ как монофункциональной системе, основным предназначением которой является расследование преступлений, расчет себестоимости уголовных дел может быть произведен самым простым способом, а именно путем деления суммы бюджетных средств, израсходованных за год (25.381.459.188 руб. за 2012 г.), на количество оконченных за тот же период уголовных дел (102023). Таким образом, средняя себестоимость одного уголовного дела в 2012 г. составила 248781 рубль» (А.М. Багмет, Ю.А. Цветков). С учетом этого, если представить, что аналогичные показатели будут относительно стабильными, ежегодно будем иметь 27,39 млн (округленно) заявлений о преступлениях и происшествиях, по которым в случае упразднения стадии возбуждения уголовного дела автоматом будет проводиться расследование, а цена вопроса составит не менее 6 814,2 млрд руб. (без учета иных министерств и ведомств страны, где имеются следственные подразделения). Между тем, согласно проекту рассматриваемого в Государственной Думе Федерального Собрания РФ закона «О федеральном бюджете на 2014 год и на плановый период

¹ Розовский Б.Г. Когда проблему ищут не там, где она действительно есть (заметки всем недовольного человека) // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2014. № 1. (в печати).

2015 и 2016 годов» запланированы расходы федерального бюджета в суммах 13960,1 млрд рублей на 2014, 15361,5 – на 2015 и 16392,2 на 2016 г. Иными словами, те кто предлагают и обосновывают возможное упразднение стадии возбуждения уголовного дела, а также те, кто готов продвигать законопроект об этом, должны понимать, что цена вопроса равна половине расходов госбюджета страны на ближайшие годы. Принимать решение об этом без всестороннего, на междисциплинарном уровне изучения и исследования проблемы – авантюра, обреченная на неминуемый провал.

В-шестых, результаты научных исследований могут иметь разный характер. Важнейшими из них для практики, на наш взгляд, являются нормативные правовые документы различного уровня, в том числе законопроекты и обосновывающие их документы, комментарии к действующему законодательству, следственной и судебной практике, планы работы, учебники, а также информационные письма, методические инструкции и рекомендации, т.д. Но для их реализации должны быть обеспечены благоприятные условия, проведена многократная опытная проверка в различных условиях и при наличии всех необходимых основных и вспомогательных материалов. Примером, правда из прошлого, как следует обеспечивать наиболее благоприятные условия реализации в следственной практике новых достижений юридических наук является создание ведущими отечественными учеными «Руководства для следователя» и некоторых других работ, востребованных практикой.

Особый характер, по нашему мнению, носят такие результаты научных исследований как отдельные программы обучения и переподготовки следователей. Речь идет не о программах общего уровня, а о программах специализированного обучения. Например, научные исследования различных аспектов противодействия компьютерным преступлениям свидетельствуют, что эта работа требует наличия следственного аппарата, специализирующегося на раскрытии и расследовании преступлений в сфере высоких технологий. Ибо комплекс технических и юридических вопросов, вызванных преступлениями, связанными с применением компьютеров, требует наличия лиц, специально занимающихся их расследованием. Такие следователи необходимы для усиления работы местных следственных органов при расследовании таких преступлений. Они также должны первыми выходить на контакт со своими зарубежными коллегами в случае расследования дел о преступлениях, связанных с использованием сегментов глобальных компьютерных сетей за рубежом¹.

¹ Волеводз А.Г. Противодействие компьютерным преступлениям: правовые основы международного сотрудничества. М., 2002. С. 213-216.

Аналогичные потребности специализации возникают и в подготовке следователей к расследованию уголовных дел о многих преступлениях экономической направленности. Ибо, как минимум, невозможно без специальной подготовки обучить следователя работе по анализу больших массивов банковской и иной хозяйственной документации.

В-седьмых, специфика внедрения в следственную практику результатов научных исследований, необходимость их творческого применения в соответствии с конкретными условиями уголовного судопроизводства предъявляют большие требования к профессиональному отбору и подготовке следователей, руководителей органов следствия и дознания. Среди многих факторов, свидетельствующих о пригодности человека к следственной деятельности, на одно из первых мест следует поставить наличие способностей к самообучению и творческой деятельности. Это обусловлено тем, что труд следователя предполагает умение не только применять известные нормы права, но глубоко понимать как букву, так и дух законов. Следователь должен не только уметь применять известные тактические приемы и методики расследования, но и совершенствовать их; критично подходить к оценке своего опыта, анализировать и проверять его, чтобы двигаться вперед. Никогда не забывая о своем профессиональном предназначении и долге. От качества подготовки будущего следователя именно к творческой работе зависит успех или неуспех внедрения в следственную практику новейших достижений уголовно-процессуальной и других наук антикриминального цикла.

Безусловно, это не единственное обстоятельство, которое следует учитывать при подготовке и повышении квалификации следователей. Но все-таки отметим, что показателями творческого мышления следователя следует считать высокий уровень мыслительных операций (анализ, синтез, обобщение, абстрагирование), гибкость мышления (решение возникающих в ходе следствия задач несколькими способами, преобразование задач), предвидение и проектирование возможных результатов воздействия на участников уголовного процесса.

В-восьмых, понятно, что подготовка к творческой деятельности требует хороших знаний по юридическим наукам. Наукам, которые, пусть и достаточно консервативны, тем не менее, постоянно развиваются, добывают новые знания, получение которых следователями – важнейшее условие соответствия их уровню решаемых задач.

Согласно ст. 34 Федерального закона от 28.12.2010 № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации»¹ в целях обеспечения высокого профессионального уровня сотрудников Следственного комитета ныне действует формирующаяся система их подготовки, переподготовки и повышения квалификации.

¹ СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 15.

Учитывая характер решаемых задач и требования к порядку их реализации, в идеале следователь должен постоянно учиться. Поэтому на первый план выдвигаются самостоятельная научно-исследовательская работа и связанные с нею вопросы самообразования следователей. При этом особую значимость для внедрения в практику актуальных достижений уголовно-процессуальной науки имеет психологическая и практическая готовность следователя к чтению юридической литературы.

Монографические работы, методические пособия, научные сборники и т.д. являются одним из каналов внедрения достижений наук антикриминального цикла в практику, в силу чего они должны быть постоянным спутником следователя. Однако значительная часть следователей научную литературу не читает или почти не читает. В этом изначально повинны сами научные работники. Ибо не всегда книги доступны следователям, особенно в отдаленных районах. Имеет существенное значение их стоимость и ограниченные тиражи такой литературы. Порой – перегруженность работ теоретизированием без увязки теории с практическими потребностями. Авторы слабо пропагандируют свои работы, редко изучают их влияние на следственную практику.

Вместе с тем в этом вопросе нельзя недооценивать роли, с одной стороны, высшей школы и системы послевузовского образования, а с другой – руководителей органов следствия.

Интерес к чтению серьезных исследований по наукам антикриминального цикла и смежным наукам безусловно следует прививать еще на студенческой скамье, а также в рамках курсов переподготовки и повышения квалификации. Одновременно совершенствование традиционных форм и методов работы следователей по внедрению достижений науки в практику должны стать предметом особого внимания и заботы руководителей предварительного следствия всех уровней.

В-девятых, значительное место в системе внедрения достижений юридической, в частности, уголовно-процессуальной науки, в практику занимают современные периодические издания, на страницах которых до сведения широкой юридической общественности оперативно доводятся новейшие результаты научных исследований. На сегодняшний день в РФ выходит широкий круг таких журналов, но они, преимущественно, являются информационными или научно-практическими. Данная особенность «диктует» издателям требования по ограничению объемов публикуемых материалов, углубленной специализации изданий не только по отраслям юридических наук, но даже по отдельным институтам права, субъектам правоотношений и иным основаниям.

Между тем, чтобы на современном уровне развивать антикриминальную составляющую юридической науки и успешно внедрять полученные результаты в практику, необходимо обеспечить взаимодействие специалистов, проводящих исследования во многих ее отраслях – уголовном праве и процессе, криминологии и криминалистике, орга-

низации правоохранительной деятельности и судебной статистике, международном уголовном праве и процессе, а также тех, кто формирует современную методологию юридической науки. Ведь прорывные исследования в этих отраслях юридической науки уже и сами по себе идут на стыке разных отраслей знания.

Данные обстоятельства предопределили учреждение в конце 2011 г. издательством «Юрлитинформ» нового научного издания, которое стало продолжателем издающейся с конца прошлого столетия и хорошо известной как научной общественности, так и следователям книжной серии «Библиотека криминалиста».

Речь идет об издании «Библиотека криминалиста. Научный журнал»¹. Его главной особенностью является междисциплинарный характер, в силу чего он предназначен для публичного освещения всего комплекса проблем юридических наук антикриминального цикла, результатов новых актуальных научных исследований в этой сфере, имеющих важное значение для развития юридической науки, законодательства и правоприменительной практики.

Традиции отечественного научного книгопечатания предопределили формат нового издания – это «толстый» журнал, что позволяет не возводить формальные барьеры и излишне не ограничивать объемы публикаций. Ведь хорошо известно, что в отличие от точных наук, где царит мир кратких формул, право порой требует весьма пространных изложений.

Не смотря на молодость издания (в свет вышло лишь 10 номеров) нашими авторами и читателями уже стали известные ученые и исследователи, научные работники и преподаватели вузов, практические работники, аспиранты и студенты юридических учебных заведений – все те, кто заинтересован в освещении и применении новых научных достижений юридической науки.

Журналу удалось вернуть на страницы периодических научных изданий такой подзабытый жанр публикаций, как научная дискуссия. В рубрике «Дискуссионная трибуна» были опубликованы материалы широких научных дискуссий посвященных определению сущности предмета познания криминалистики (№ 3-2012), проблеме истины в современном уголовном судопроизводстве (№ 4-2012), проблемам соотношения уголовного и административно-деликтного права (№ 2-2013). К опубликованию в № 1-2014 года готовятся материалы дискуссии по проблеме правового регулирования стадии возбуждения уголовного дела. Увидевший свет в октября 2013 г. новый номер стал первым тематическим выпуском издания, посвященным широкому кругу проблем борьбы с компьютерными преступлениями.

¹ Сайт издания. URL: <http://bkrim.ru>.

С 2013 г. от «Библиотеки криминалиста» отпочковался самостоятельный научный журнал «Библиотека уголовного права и криминологии»¹, который сейчас набирает силу.

Приглашая к сотрудничеству с нашими журналами широкий круг исследователей, мы надеемся, что его авторами станут все те, кто заинтересован в формировании действенной системы внедрения достижений юридической, и в частности, уголовно-процессуальной науки, в практику.

И по большому счету – в реализации принципа конгруэнтности теории и практики в уголовном судопроизводстве.

А также представителей следственных органов, которым, безусловно, есть что представить на суд читателей. Ибо на сегодняшний день владение современными знаниями, умениями и навыками в области уголовного процесса значительно повышает конкурентоспособность следователя. Руководители и иные участники уголовного судопроизводства отдают свое предпочтение грамотным специалистам, которые без труда могут использовать теоретические знания для ежедневного решения практических задач.

А.Ф. Волынский

**Судебно-экспертная и технико-криминалистическая
виды деятельности: современное состояние,
перспективы совершенствования**

Исторически сложилось так, что судебная экспертиза как отрасль научного знания и вид деятельности зарождалась и первоначально развивалась в рамках криминалистики. Наиболее наглядно это проявилось в становлении криминалистической экспертизы, которая фактически до 80-х гг. XX в. рассматривалась в системе криминалистических знаний. Соответственно, в структуре правоохранительных органов, прежде всего органов внутренних дел, формировалась система экспертно-криминалистических подразделений (ЭКП ОВД), призванных на практике обеспечивать реализацию криминалистических и иных специальных знаний в раскрытии и расследовании преступлений.

Сотрудники этих подразделений изначально совмещали в своей деятельности функции экспертов и специалистов-криминалистов, предопределив тем самым их название – экспертно-криминалистические. Хотя, это важно отметить, в разное время данные подразделения в системе МВД нашей страны назывались и научно-технические (НТО), и оперативно-технические (ОТО). При этом судебная (криминалистическая) экспертиза, как одно из составляющих их деятельности, остава-

¹ Сайт издания. URL: <http://bkrim.ru>.

лась как бы «в тени». Не без связи с этими обстоятельствами в теории криминалистики практически постоянно обсуждается вопрос о двойственной природе, и о двух направлениях развития этой науки – «криминалистики для следователей» и «криминалистики для экспертов». Начало этой дискуссии проявилось еще у истоков криминалистики. Свой знаменитый труд Ганс Гросс так и назвал «Handbuch für Untersuchungsrichter» (Руководство для судебных следователей), а Р.А. Рейсс свое не менее известное сочинение озаглавил «Manuel de Police Scientifique» (Руководство для научной полиции). В конечном итоге это выразилось в создании в ряде западно-европейских стран организационно обособленных научной полиции (эксперты) и технической полиции (специалисты-криминалисты).

В нашей стране решение этой проблемы приобрело характер затяжной и, в общем-то, пока бесплодной дискуссии. Хотя на современном этапе развития криминалистики, а в ее рамках технико-криминалистической и судебно-экспертной видов деятельности, стало более очевидным не только то, что их объединяет, но и то особенное, что характерно для их предмета, объекта, решаемых ими задач, используемых методов и средств, для организационного и правового обеспечения реализации ими своих социальных и служебных функций. Результаты исследований последних десятилетий в области судебно-экспертной теории и практики (работы Т.В. Аверьяновой, А.М. Зинина, Ю.Г. Корухова, Н.П. Майлис, Е.Р. Россинской и др.) окончательно утвердили в сознании ученых-криминалистов право судебной экспертизы на «звание» самостоятельной отрасли научного знания, которая, обслуживает уникальную в своем роде практическую деятельность в сфере судопроизводства, основы которой определены в Федеральном законе «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (2001 г.).

Вместе с тем, в Федеральном законе «О полиции» (2011 г.) в перечне основных направлений деятельности органов внутренних дел указана «экспертно-криминалистическая деятельность» (п. 12 ст. 2). И в этой связи возникает вопрос о сущности, содержании и задачах этой деятельности, о ее соотношении с судебно-экспертной деятельностью. Можно, конечно, сослаться на терминологические нюансы, допущенные по этому поводу в названных федеральных законах. Но не все так просто, если посмотреть на эту «загадку» в историческом аспекте и по существу.

Действительно, длительное время название «экспертно-криминалистические подразделения» соответствовали содержанию их деятельности. Они оказывали помощь следователям и сотрудникам оперативных аппаратов в обнаружении, фиксации и изъятии следов преступлений – источников розыскной и доказательственной информации, а затем по их поручению исследовали такие следы – предвари-

тельно или в форме криминалистической экспертизы. Однако, еще в 60-80-х гг. прошлого века наглядно проявилась тенденция расширения сферы деятельности этих подразделений, в частности, за счет освоения ими производства не только новых (нетрадиционных) криминалистических, но и иных видов судебных экспертиз.

Строго говоря, ЭКП ОВД никогда не были сугубо судебно-экспертными и давно уже перестали быть только криминалистическими. В настоящее время ими выполняется около 30 видов судебных экспертиз, из которых только треть собственно криминалистические. Их сотрудники, как и прежде, кроме проведения судебных экспертиз, традиционно выполняют функции специалистов-криминалистов, участвуя в проведении осмотров мест происшествий, иных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. Таким образом, «экспертно-криминалистическая деятельность», объективно обусловленная особенностями организации и правовой системы борьбы с преступностью в советское время, фактически включает в себя два вида деятельности: судебно-экспертную и технико-криминалистическую.

Безусловно, оба эти вида деятельности направлены на общую конечную цель – использование современных достижений науки и техники в раскрытии и расследовании преступлений, однако имеют существенные различия:

- по тактическим целям (собираание следов преступлений – их экспертное исследование);
- по месту и особенностям работы (инициативный поиск неизвестного в полевых условиях – исследование определенного объекта в лабораторных условиях по заранее разработанной методике);
- по специализации сотрудников (универсальная, технико-криминалистическая – узкопредметная, по виду экспертизы);
- по объектам деятельности (различные по природе и механизму образования следы – отдельные виды следов);
- по средствам деятельности (различные по функциональным возможностям и конструктивным особенностям технические средства, реагенты, материалы – исследовательские приборные комплексы).

При этом необходимо учитывать возросшую технoемкость деятельности правоохранительных органов, которая объективно обуславливает специализацию не только в области судебно-экспертной, но и технико-криминалистической деятельности. А пока анализ сложившейся в этом отношении ситуации приводит только к одному выводу, что в борьбе с преступностью XXI в. достижения научно-технического прогресса реализуются в организационных формах начала XX в. Но сегодня совершенно иной стала наша страна; резко и негативно, количественно и качественно изменилась наша преступность; революционными достижениями, особенно в области компьютерной техники и информационных технологий, характеризуется научно-технический

прогресс – источник обогащения не только судебно-экспертных, но и технико-криминалистических знаний, методов и средств их практической реализации.

Особо следует отметить, что в настоящее время криминалистическая техника собирания следов преступлений, использования получаемой из них информации, в том числе в режиме текущего времени, уже достигла того уровня развития по ее функциональным возможностям и той степени сложности по ее конструктивным особенностям и решаемым с ее применением задачам, когда как необходимость проявилась потребность в организации технико-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений как самостоятельного вида деятельности правоохранительных органов, наряду с государственной судебно-экспертной деятельностью.

Сложившаяся в своей основе почти сто лет назад организация деятельности ЭКП ОВД в современных условиях оказалась ущербной с точки зрения не только научной организации труда но и формальной логики. Эксперты этих подразделений, осуществляя поиск и изъятие следов преступлений, участвуя в качестве специалистов в осмотрах мест происшествий и в производстве иных следственных действий, фактически сами себе создают и, соответственно, «регулируют» объем будущей собственно экспертной работы, разумеется, далеко не в интересах следствия. Можно, конечно, уповать на их ответственность, чувство служебного долга и т.п. Однако, реалии практики вносят свои коррективы в их отношение к решению возложенных на них задач.

Не трудно себе представить, в чем это выражается, если учесть, что в каждом третьем территориальном ОВД работает по одному сотруднику этой службы, а в других – небольшие группы экспертов-криминалистов (2-5 человек), у каждого из них лежат неисполненными 3-4, а то и больше экспертиз, а они, оказавшись на месте происшествия, обязаны искать еще и еще объекты... для новых экспертных исследований. Не этим ли объясняется тот факт, что в среднем с одного места происшествия, осматриваемого с участием специалистов ЭКП ОВД, изымается всего один след преступления?

Не менее противоречивая ситуация наблюдается в ЭКЦ на уровне МВД, ГУВД, УВД субъектов Федерации, где сосредоточено примерно 40% экспертов ЭКП ОВД от их общей штатной численности. Здесь трудятся эксперты не только криминалисты, но и химики, физики, биологи, автотехники, бухгалтеры и т.п., а их деятельность организована на основе узкой экспертной специализации. Они, в общей массе, имеют естественно-техническое образование, в большинстве своем являются великолепными экспертами в определенной узкопредметной отрасли знания, но не имеют элементарной, криминалистической подготовки, не говоря уже о системной, универсальной, что требуется для осмотра места происшествия, если иметь в виду обнаружение, фикса-

цию и изъятие не отдельного следа (для отчета о результативном осмотре) а «картины следов», причем различных по природе и механизму образования; не формальную их фиксацию, а криминалистический анализ в целях установления механизма преступления, моделирования действий преступников, их внешне проявляющихся признаков и свойств, наконец, использование полученной таким образом информации в раскрытии преступлений по горячим следам.

К решению таких задач сегодня, по большому счету, не готовы не только эксперты названных «побочных» специальностей, но и эксперты-криминалисты ЭКЦ на уровне субъектов Федерации: по причине все той же узкой экспертной специализации и их общей ориентации, прежде всего, на проведение экспертиз. В этой связи не более как миф оказывается утверждение, что лица, имеющие экспертную подготовку и практику, эффективней выступают в роли специалистов-криминалистов при осмотрах мест происшествий. Такие примеры, безусловно, есть, но в данном случае речь идет о системе.

Проблема технико-криминалистического и судебно-экспертного обеспечения деятельности правоохранительных органов явно обострилась в связи с тем, что вместо ранее существовавшей их моносистемы (МВД – КГБ), была создана полисистема – известное множество министерств и ведомств. Естественно, каждое из них нуждается в таком обеспечении. Наблюдается тенденция формирования «своих», ведомственных экспертно-криминалистических служб. И вновь возникают вопросы, какими должны быть эти службы, какие задачи они должны будут решать – судебно-экспертные или только технико-криминалистические и каким должно быть их отношение с другими судебно-экспертными учреждениями?

Вопросы далеко не риторические, если только представить себе техническое оснащение современных криминалистических и судебно-экспертных лабораторий, их содержание, стоимость, окупаемость и т.д. и т.п. Ясно, что приобретать и содержать необходимые для их деятельности уникальные приборные комплексы, обеспечить эффективную реализацию их возможностей каждому правоохранительному ведомству экономически расточительно, а организационно не оправдано.

Полагаю, что на данную проблему следует посмотреть и в аспекте продолжающейся реформы правоохранительных органов, в том числе органов внутренних дел. Освоение и внедрение в практику их деятельности современные достижения науки и техники, включая современные информационные технологии – одна из ключевых задач этой реформы. В настоящее время вполне реально возможности обеспечить такой уровень технического оснащения правоохранительных органов, при котором можно будет непосредственно с места происшествия проверять по информационным системам розыскную информацию, осуществлять закрепление процессуальных действий в форме электронно-

го документа-оборота, широко применяя средства аудио-и видеозаписи.

Однако при этом, естественно, возникает вопрос, а кто сегодня в системе правоохранительных органов, какие специалисты способны обеспечить эффективную реализацию таких возможностей? Наивно полагать, что с этим могут справиться эксперты ЭКП ОВД, даже если и в дальнейшем увеличивать штатную численность этих подразделений, осуществлять их дополнительное финансирование и т.д. Очевидно что, экстенсивный путь их развития бесперспективен, он себя окончательно исчерпал.

Очевидно и другое, что самая современная и совершенная техника будет определять лишь потенциальную возможность совершенствования технико-криминалистической деятельности и не оправдает возлагаемых на нее надежд без профессионально владеющих ею: а) специалистов-криминалистов, способных обеспечивать должное количество и качество собираемых следов преступлений-источников розыскной и доказательственной информации; б) специалистов-системщиков, электронщиков, гарантирующих формирование и функционирование информационно-поисковых систем с использованием этой самой информации.

В этой связи просто напрашивается вывод о необходимости поиска принципиально, качественно иного подхода к организации в системе правоохранительных органов как судебно-экспертной, так и технико-криминалистической деятельности. Это одна из тех ситуаций, в ее философском понимании, когда форма (организация) оказалась в жестком противоречии с содержанием (современные возможности науки и техники), сдерживает его дальнейшее развитие и практическую реализацию его потенциальных возможностей. К тому же, еще ни кто не опроверг известной (по К. Марксу) закономерности: «Уровень развития техники определяет систему организации производства».

Признавая исключительную актуальность проблемы, ставшей предметом обсуждения на семинаре, его участники обозначили и возможные варианты ее решения, анализ которых положен в основу следующих выводов и предложений.

1. Действительно, существующая система организации деятельности ЭКП ОВД противоречива в своей основе и низкоэффективна. Она не соответствует современному уровню развития криминалистической техники, не отвечает вызовам современной преступности, не удовлетворяет в должной мере реальные потребности следственной практики.

2. В части организации технико-криминалистической и судебно-экспертной видов деятельности наиболее оптимальным представляется:

2.1. Переориентировать экспертно-криминалистические центры (ЭКЦ) на уровне МВД, ГУВД, УВД субъектов федерации и ЭКП

наиболее крупных городов в основном на производство судебных экспертиз для всех правоохранительных органов, вне зависимости от их ведомственной принадлежности. Иначе говоря, создать для этих органов общую систему судебно-экспертных учреждений (подразделений), сохраняя, развивая и используя уже накопленный в этом отношении потенциал.

2.2. Для участия в расследовании тяжких и наиболее тяжких преступлений сформировать в структуре этих же (судебно-экспертных) подразделений организационно обособленные подразделения специалистов-криминалистов. Таким образом, будут обеспечены, что очень важно, преемственность в организации технико-криминалистической деятельности и системное взаимодействие следователей, дознавателей с судебными экспертами.

2.3. На эти же подразделения следовало бы возложить обязанности по обеспечению: круглосуточного функционирования технико-криминалистических информационно-поисковых систем и ведения иных криминалистических учетов; оказания методической и научно-технической помощи специалистам-криминалистам, работающим непосредственно в службах правоохранительных органов; проведения занятий в форме служебной подготовки со следователями и дознавателями по вопросам технико-криминалистической деятельности.

Разумеется, что для участия в осмотрах мест происшествий и в производстве других следственных действий следователь может приглашать и судебных экспертов (это его право), но непременно с учетом их специализации и обстоятельств преступления. Более того, в отдельных наиболее сложных случаях следователь вправе пригласить и комиссию специалистов, включая судебных экспертов.

2.4. Для системного технико-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений необходимо ввести должности специалистов-криминалистов непосредственно в штаты хотя бы наиболее крупных следственных подразделений и органов дознания, вменив им в обязанность оказание помощи следователям и дознавателям в собирании следов преступлений, в реализации возможностей их предварительного исследования, «электронного закрепления» и проверки по информационным системам. На их долю будет приходиться участие, примерно в 75% осмотров мест происшествий (по не тяжким и менее тяжким преступлениям) и технико-криминалистическое обеспечение производства всех иных следственных действий.

2.5. Во всех следственных подразделениях и органах дознания следовало бы за счет их штатных возможностей выделить сотрудников и обеспечить их технико-криминалистическую подготовку (по примеру следователей-криминалистов в Следственном комитете России). Однако это не исключает более основательную подготовку в области криминалистической техники всех следователей и дознавателей, начиная с

образовательных учреждений системы МВД России и других правоохранительных ведомств.

В этом докладе представлены лишь контуры возможного совершенствования организации судебно-экспертной и технико-криминалистической деятельности в системе правоохранительных министерств и ведомств. При этом открытыми остаются вопросы перераспределения штатной численности ЭКП ОВД по обозначенным направлениям деятельности; о правовом положении и техническом оснащении специалистов-криминалистов в следственных подразделениях и органах дознания; о доказательственном значении фактов, устанавливаемых ими в порядке предварительного исследования следов преступлений; о профессиональной в том числе криминалистической подготовке таких специалистов, как и самих следователей, а также о задачах в этом отношении профессиональных образовательных учреждений правоохранительных министерств и ведомств и т.д.

Очевидно, что решение этих вопросов требует обстоятельного и всестороннего анализа всех обстоятельств, характеризующих современное состояние ЭКП ОВД, и факторы, обуславливающие их реорганизацию. Полагаем, что это одна из тех проблем, которая заслуживает особого внимания в системе мер реформирования МВД России. По самым скромным расчетам конкретные меры в этом отношении позволят в разы увеличить производительность труда экспертов и повысить эффективность деятельности специалистов-криминалистов, что неизбежно проявится в расширении и укреплении доказательственной базы по уголовным делам, в целом на результатах раскрытия и расследования преступлений.

Б.Н. Воскресов

Правовая природа и содержание наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью

Любой вид уголовного наказания имеет своё карательное содержание – определенные законом лишения и (или) ограничения прав и свобод осужденного и свои целевые установки – восстановление социальной справедливости, исправление осужденного, предупреждение новых преступлений. Не является исключением и такой вид уголовного наказания как лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Уголовный закон определил, что лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью состоит в запрещении занимать должности на государственной службе, в органах местного самоуправления либо заниматься определенной профессиональной или иной деятель-

ностью.

В уголовно-правовой доктрине принято считать, что данный вид наказания включает в себя два самостоятельных наказания: 1) лишение права занимать определенные должности и 2) лишение права заниматься определенной деятельностью¹. Пленум Верховного Суда РФ обращает внимание на то, что совершение одного и того же преступления осужденному не могут быть назначены одновременно лишение права занимать определенные должности и лишение права заниматься определенной деятельностью².

Например, Поздняков был признан виновным и осужден за совершение преступления, предусмотренного п. «а» ч. 5 ст. 290 УК, наряду с основным наказанием ему было назначено дополнительное наказание в виде лишения права занимать должности, связанные с осуществлением функций представителя власти на государственной службе и в органах местного самоуправления, а также заниматься частной охранной деятельностью сроком на три года.

Кассационная инстанция оставила приговор без изменения.

Между тем суд, назначая Позднякову наряду с основным дополнительное наказание в виде лишения права занимать должности, связанные с осуществлением функций представителя власти на государственной службе и в органах местного самоуправления, а также заниматься частной охранной деятельностью, не учел, что по смыслу уголовного закона (ст. 47 УК) за одно и то же преступление осужденному не может быть назначено одновременно лишение права занимать определенные должности и заниматься определенной деятельностью. Учитывая вышеизложенное, Президиум ВС РФ исключил назначенное Позднякову дополнительное наказание в виде лишения права заниматься частной охранной деятельностью³.

«Лишение» согласно толковому словарю русского языка подразумевает полную утрату, потерю, в отличие от частичного ограничения каких-либо прав⁴.

Государственная служба РФ в соответствии со ст. 1 Федерального закона от 27.05.2003 № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации»⁵ – это профессиональная служебная деятельность граждан РФ по обеспечению исполнения полномочий:

¹ Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник для вузов / под ред. В.С. Комиссарова, Н.Е. Крыловой, И.М. Тяжковой. М., 2012. С.112.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.10.2009 № 20 «О некоторых вопросах судебной практики назначения и исполнения уголовного наказания» // СПС «Консультант Плюс».

³ Постановление Президиума ВС РФ от 01.07.2009 № 54 П09 // Архив ВС РФ.

⁴ URL: <http://www.vedu.ru/expdic>.

⁵ Российская газета. 2003. 31 мая.

- Российской Федерации;
- федеральных органов государственной власти, иных федеральных государственных органов;
- субъектов РФ;
- органов государственной власти субъектов РФ, иных государственных органов субъектов РФ;
- лиц, замещающих должности, устанавливаемые Конституцией РФ, федеральными законами для непосредственного исполнения полномочий федеральных государственных органов;
- лиц, замещающих должности, устанавливаемые конституциями, уставами, законами субъектов РФ для непосредственного исполнения полномочий государственных органов субъектов РФ.

Система государственной службы представляет собой государственную гражданскую службу, военную службу и правоохранительную службу.

Органами местного самоуправления согласно Федеральному закону «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» являются: выборные органы, образуемые в соответствии с федеральным законодательством, законами субъектов Федерации и уставами муниципальных образований (например, городская дума), а также другие органы, образуемые в соответствии с уставами муниципальных образований (например, мэрия, администрация города).

В соответствии с разъяснениями, данными в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29.10.2009 № 20 «О некоторых вопросах судебной практики назначения и исполнения уголовного наказания» лишение права заниматься определенной деятельностью состоит в запрете на занятие профессиональной или иной деятельностью лицом, совершившим преступление, характер которого связан с этой деятельностью (например, педагогической, врачебной деятельностью, управлением транспортом, охотой).

В соответствии с ч. 2 ст. 47 УК РФ, данное наказание устанавливается на срок от одного года до пяти лет в качестве основного вида наказания и на срок от шести месяцев до трех лет в качестве дополнительного вида наказания. Причём Федеральным законом от 27.07.2009 № 215-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» осужденным за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних данное наказание в качестве дополнительного может назначаться на срок до двадцати лет. За квалифицированное использование рабского труда (ч. 2 ст. 127.2 УК РФ) предусмотрен пятнадцатилетний предел данного наказания.

Поддерживая данную тенденцию, стоит поддержать и мнение Е.С. Крыловой, которая предлагает предусмотреть в законодательстве возможность бессрочного назначения права занимать должности на госу-

дарственной службе и службе в органах местного самоуправления за совершение тяжких или особо тяжких преступлений с использованием должности¹. Хотя в данном случае возникает ряд неразрешенных вопросов, связанных со сроками судимости.

Особенность данного наказания заключается в том, что оно может назначаться в качестве дополнительного вида наказания и в случаях, когда оно не предусмотрено соответствующей статьей УК РФ в качестве наказания за соответствующее преступление либо указано в санкциях в качестве одного из основных видов наказаний (например, наряду с лишением свободы в ч. 1 ст. 286 УК РФ), если с учетом характера и степени общественной опасности совершенного преступления и личности виновного суд признает невозможным сохранение за ним права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

Предусмотренные ст. 47 УК РФ виды наказаний могут быть назначены и тем лицам, которые выполняли соответствующие служебные обязанности временно, по приказу или распоряжению вышестоящего уполномоченного лица либо к моменту постановления приговора уже не занимали должности и не занимались деятельностью, с которыми были связаны совершенные преступления.

То обстоятельство, что к моменту вынесения приговора лицо не занимало определенной должности или не занималось определенной деятельностью, не лишает суд права назначить данное наказание².

Карательное содержание данного наказания довольно слабо изучено в теории уголовного и уголовно-исполнительного права, его исправительно-предупредительный потенциал не в полной мере используется в отечественной судебной практике. Хотя по меткому замечанию А.Л. Цветиновича, данное наказание призвано существенно ограничить трудовую правоспособность осужденного, препятствовать его дальнейшей преступной деятельности³.

Справедливо и утверждение Е.С. Литвиной: «Реализация данного наказания не позволяет осужденному совершать новые преступления с использованием определенной должности или конкретного рода деятельности. Его профилактические возможности состоят в его избирательном воздействии на определенные проявления и свойства лично-

¹ Крылова Е.С. Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью как вид уголовного наказания по законодательству России и зарубежных стран: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002. С. 8.

² Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. В.М. Лебедев. М., 2013. С.165.

³ Цветинович А.Л. Дополнительные наказания: функции, система, виды / науч. ред. Л.Л. Кругликов. Саратов, 1989. С. 82.

сти преступника, способствовавшие совершению преступления. Это особенно актуально в условиях социально-экономических изменений в стране, развития общественных отношений в научно-технической сфере, относительной распространенности неосторожных преступлений, совершаемых с использованием технических средств, а также преступлений, совершаемых с использованием служебного положения»¹.

Стоит дополнить, что именно определенные должностные функции или род деятельности детерминируют и позволяют совершать коррупционные преступления, преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних и ряд других опасных преступлений.

Несмотря на то, что данному наказанию уже более 100 лет (первые упоминания о подобном наказании можно встретить в Уголовном Уложении 1903 г), а также на то, что в УК РФ оно предусмотрено более чем в 130 санкциях различных составов преступлений, суды назначают его довольно редко.

Так, по данным судебного департамента России в 2012 г. к данному виду наказания в качестве основного было приговорено всего 448 человек (0,06% от количества всех осужденных), а в качестве дополнительного – 11947 осужденных (1,6%). При этом, только за коррупционные преступления было осуждено 6014 человек².

При этом в большинстве санкций законодатель, вводя данное наказание в качестве дополнительного, указывает суду на право его назначения или не назначения используя формулировку – «или без такового», в тоже время в санкциях ряда статей (ч. 4 ст. 122, ч. 5 ст. 131, ч. 5 ст. 132, ч. 6 ст. 134, ч. 5 ст. 135, ч. 2 ст. 205.2, ст. 280, ст. 282, коррупционные преступления и т.д.) данное наказание должно обязательно присоединяться к основному. Изучение судебной практики назначения анализируемого вида наказания позволило выявить странную тенденцию, что суды не всегда назначают данное обязательное дополнительное наказание и при этом не ссылаются на ст. 64 УК РФ, позволяющей при наличии исключительных обстоятельств выходить за рамки указанного предписания.

Теряется эффективность данного наказания, безусловно, и потому, что законодатель не предусмотрел правовых последствий при уклонении и невыполнении запрета суда на занятие определенной деятельностью и занимать определенные должности. В соответствии со ст. 38 УИК представители власти, государственные служащие, служащие органов местного самоуправления, служащие государственных или муниципальных учреждений, коммерческих или иных организаций,

¹ Литвина Е.С. Наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью: дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2003. С. 8.

² URL: <http://www.cdep.ru>.

злостно не исполняющие вступившие в законную силу приговор суда, решение суда или иной судебный акт о лишении права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, несут ответственность по ст. 315 «Неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта» УК. В тоже время сами осужденные к данной мере при уклонении или неисполнении предписаний суда могут быть либо привлечены к административной ответственности, либо контролирующий орган в лице уголовно-исполнительных инспекций ФСИН РФ не засчитает в срок указанного наказания время, в течение которого осужденный занимал запрещенные для него должности либо занимался запрещенной для него деятельностью.

**Ю.В. Даровских
Д.А. Григорьев**

Предупреждение экстремизма в сети Интернет (постановка проблемы)

В настоящее время трудно представить современную жизнь без использования сети Интернет. Так, по данным аналитической компании TNS¹ на февраль 2013 г., хотя бы раз в месяц в Интернет выходит 76,5 млн. россиян (или 53% от всего населения страны). Во всех федеральных округах России удельный вес интернет-аудитории также превышает 50% от численности населения»².

Таким образом, можно сделать вывод о том, что каждый второй гражданин РФ является пользователем Интернета.

«Следует признать, что Всемирная паутина – информационно-телекоммуникационная сеть Интернет является не только бесспорным достижением современности, она впитала в себя многие известные пороки общества и уже начала создавать новые формы и виды преступной деятельности»³, в числе которых, использование сети Интернет для распространения наркотиков, детской порнографии, совершение иных правонарушений, распространение экстремизма.

Мировое сообщество уже давно и всерьез озабочено распространением идей экстремизма во всемирной паутине.

¹ TNS (Taylor Nelson Sofres) – подсчитывает количество пользователей интернета городских жителей возраста старше 12 лет, проживающих в городах с населением от 100 тыс. и более.

² Количество пользователей интернета в России и другие показатели веб – аудитории. URL: <http://www.bizhit.ru>.

³ Полякова Т.А. Вопросы ответственности за использование информационно-телекоммуникационных систем в террористических и экстремистских целях // Российский следователь. 2008. № 1; СПС «Консультант Плюс».

Так, выступая на международной конференции в Париже (сентябрь 2010 г.), глава Интерпола Рональд Ноубл сообщил, что если в 1998 г. так называемых экстремистских интернет-сайтов насчитывалось всего 12, то к 2006 г. их стало около 4,5 тыс. По его словам, сеть Интернет усложняет борьбу с радикализацией настроений общества, поскольку многие действия там уголовно ненаказуемы¹.

Являясь проблемой международного масштаба, распространение идей экстремизма через Интернет может угрожать и национальной безопасности РФ.

О такой угрозе указано в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, утвержденной указом Президента РФ от 12.05.2009 № 537. В частности, в п. 37 указанной Стратегии сказано, что основными источниками угроз национальной безопасности в сфере государственной и общественной безопасности, в том числе являются: «...экстремистская деятельность националистических, религиозных, этнических и иных организаций и структур, направленная на нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации, дестабилизацию внутривнутриполитической и социальной ситуации в стране...»².

«В статье 38 указанной стратегии в числе главных направлений государственной политики в сфере обеспечения государственной и общественной безопасности на долгосрочную перспективу указана и борьба с экстремизмом»³.

Об угрозе экстремизма национальной безопасности РФ высказывался и министр внутренних дел РФ В. Колокольцев. Так, в рамках своего выступления на заседании Совета Федерации В. Колокольцев назвал экстремистские проявления «угрозой безопасности, которой мы последовательно противодействуем»⁴.

Нельзя сказать, что мировое сообщество в целом, и РФ, в частности, не предпринимают мер к снижению проявлений экстремизма в Интернете. Так, например, одной из мер, направленных на борьбу с экстремизмом в сети Интернет, является блокировка (принудительное закрытие) Интернет-сайтов, содержащих экстремистские материалы. Однако работа эта носит несистемный характер и не может считаться эффективной.

¹ Сухаренко А. Интернет на службе террористов / ЭЖ-Юрист. 2012. № 46; СПС «Консультант Плюс».

² Указ Президента РФ от 12.05.2009 № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // СЗ РФ. 2009. № 25. Ст. 2444.

³ Тамаев Р.С. Экстремизм и национальная безопасность: правовые проблемы; монография. М., 2011. С. 4.

⁴ МВД предлагает ввести уголовную ответственность за экстремизм в Сети. URL: <http://www.securitylab.ru>.

А. Сухаренко по этому поводу указал следующее. «В 2009-2010 годах на территории стран – членов Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) была проведена спецоперация «Прокси». Ее цель заключалась в противодействии распространению в национальных сегментах Интернета информации, наносящей политический ущерб, включая идеи терроризма, религиозного фундаментализма и экстремизма, используемой для обучения основам диверсионно-террористической деятельности, сбора финансовых средств и поиска сторонников. Всего в ходе операции было выявлено 1,7 тыс. сайтов, в том числе более 30, использовавшихся для распространения информации, наносящей политический ущерб национальным и союзническим интересам, 16 – для распространения информации, разжигающей национальную и религиозную рознь, 100 – для распространения информации, предназначенной для террористических и экстремистских организаций. В результате была приостановлена деятельность более 600 сайтов и возбуждено около тысячи уголовных дел»¹.

Вместе с тем, Д.П. Мельникова по поводу указанной статистики справедливо заметила, что указанные «цифры внушительные, но обычный пользователь без особого труда может найти интересующую его интернет-страницу. Он может свободно войти на сайты самых известных экстремистских организаций мира: ИДУ, турецких религиозных радикалов, кавказских сепаратистов и террористов, Хизб ут-Тахрир и многих других.

Приходится констатировать, что спецслужбы не справляются с объемом работы в интернет-пространстве. И это несмотря на помощь со стороны судов и прокуратуры, которые в соответствии с обращениями граждан ежегодно принимают самостоятельные решения о блокировке десятков сайтов»².

По оценкам Национального антитеррористического комитета (НАК), в зарубежных сегментах сети Интернет функционирует свыше 7 тысяч сайтов террористической и экстремистской направленности, из них около 500 – русскоязычные³.

Частью экстремистской деятельности в соответствии с п. 1 ст. 1 Федерального закона от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» является совершение преступлений экстремистской направленности.

В соответствии с п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» «к числу преступлений

¹ Сухаренко А. Указ. соч.

² Мельникова Д.П. Правовое регулирование экстремистской деятельности в сети Интернет. URL: <http://www.scienceforum.ru>.

³ Сухаренко А. Указ. соч.

экстремистской направленности относятся преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, предусмотренные соответствующими статьями Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (например, статьями 280, 282, 282.1, 282.2 УК РФ, пунктом «л» части 2 статьи 105, пунктом «е» части 2 статьи 111, пунктом «б» части 1 статьи 213 УК РФ), а также иные преступления, совершенные по указанным мотивам, которые в соответствии с пунктом «е» части 1 статьи 63 УК РФ признаются обстоятельством,отягчающим наказание»¹.

Таким образом, специальными составами преступлений экстремистской направленности, являются преступления, предусмотренные гл. 29 УК РФ (преступления против основ конституционного строя и безопасности государства), а именно: ст. 280 УК РФ (Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности); ст. 282 УК РФ (Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства); ст. 282.1 УК РФ (Организация экстремистского сообщества); ст. 282.2 (Организация деятельности экстремистской организации).

В качестве недостатка правовой конструкции указанных статей следует отметить отсутствие квалифицирующих признаков, указывающих на повышенную общественную опасность совершения указанных преступлений с использованием сети Интернет. Представляется, что «такое уточнение» могло бы активизировать внимание правоохранительных структур по выявлению фактов экстремистских проявлений и их предупреждению в сети Интернет. Вместе с тем, случаи использования сети Интернет при совершении указанных преступлений, не часто, но встречаются в судебной практике.

Так, «в феврале 2003 г. Верховный Суд России признал экстремистскую группировку Хизб-ут-тахрир аль Ислами террористической организацией и запретил ее деятельность на территории России. В Самаре сотрудниками областного УФСБ были задержаны двое граждан Киргизии и гражданин России. Все они были членами указанной организации. При проведении обыска у них были обнаружены граната, около 200 книг и брошюр, более 700 листовок на русском, узбекском и арабском языках, руководство по вербовке агентов. Как установило следствие, в состав группировки входили 15 человек. Они вели отчет о проделанной работе и поддерживали связь с членами организации в других странах, в том числе и через интернет. По этому факту было

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 8.

возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 282 УК РФ»¹.

По другому уголовному делу установлено следующее. «Зимой 2006 г. было совершено нападение на прихожан синагоги в г. Москве. В результате девять человек получили ранения. Нападавший был задержан. Зимой 2006 г. в рамках расследования уголовного дела о нападении на синагогу в г. Москве прокуратура возбудила дело о распространении в Интернете информации экстремистского характера. По данному факту прокуратурой было возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 282 УК РФ (возбуждение национальной или религиозной вражды). В ходе следствия по этому делу прокуратурой разбирались обстоятельства распространения литературы экстремистского содержания и были приняты меры по выявлению источников и пресечению ее распространения в г. Москве»².

В мае 2008 г. в Санкт-Петербурге прошла Международная парламентская конференция «Информационная безопасность как фактор борьбы с международным терроризмом», на которой было сказано, что в том числе и с помощью интернета в прошлом году было совершено 15 тыс. террористических актов, в ходе которых погибли 22 тыс. человек, что радикальный джихад вышел на свое максимальное развитие в своих двух ипостасях: джихад мечем и джихад словом³.

Действительно, за последние годы стабильно возрастает количество зарегистрированных преступлений экстремистской направленности, в том числе, с использованием ресурсов сети Интернет. Так, за 2008 г. было зарегистрировано 460 преступлений экстремистской направленности, в 2009 г. – 548, в 2010 г. – 656, в 2011 г. – 622, в 2012 г. – 696, а за январь-октябрь 2013 г. уже зарегистрировано 787 таких преступлений.⁴

Учитывая изложенное, следует считать правильным предложение министра МВД РФ В. Колокольцева, который «считает, что власти государства должны активно бороться с экстремистскими группами в глобальной сети, так как сейчас интернет является основной средой общения молодых людей. Большое профилактическое значение будет иметь принятие проекта федерального закона, предусматривающего уголовную ответственность за совершение преступлений экстремист-

¹ Тамаев Р.С. Указ соч. С. 94.

² Смолина Л.В. Комментарий к Федеральному закону от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (постатейный) // СПС «КонсультантПлюс».

³ Власов В.И. Экстремизм, терроризм, сепаратизм: политико-правовое осмысление в условиях глобализации: лекция. М., 2009. С. 40.

⁴ Статистические данные: официальный сайт МВД России.

ской направленности с использованием интернет-пространства»¹. Между тем, следует отметить, что работа по мониторингу ресурсов Интернет на предмет их системного использования в распространении экстремизма, как впрочем, и других правонарушений и преступлений (мошенничество, детская порнография, наркомания и др.) находится не на должном уровне. Фактически механизм этой работы до настоящего времени еще не отлажен и требует серьезного внимания не только со стороны правоохранительных органов, но и общества в целом.

Относительно совершенствования правовой конструкции норм и, соответственно, формирования механизма противодействия экстремизму, полагаем целесообразным в каждое из указанных четырех составов преступлений (ст. 280, 282-282.2 УК РФ) ввести квалифицирующий признак – Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»).

Введение такого квалифицирующего признака согласуется с необходимостью ведения подобного признака не только в обозначенные составы преступлений, но в статьи, предусматривающие уголовную ответственность за организованные формы соучастия. Так, подобный квалифицирующий признак требуется внести и в ст. 210 УК РФ (Организация преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней)).

Сказанное объясняется, например, тем, что в последнее время встречаются случаи участия в воровских сходках не физически, а посредством сети Интернет. Так, например, по данным информационно-аналитического портала «Грузия ONe-liNe» стало известно о том, что по интернет-программе «Skype», обеспечивающей голосовую и видеосвязь, был коронован титулом «вор в законе» Д.Х.²

Данные действия при наличии соответствующих признаков могут быть квалифицированы как «участие в собрании организаторов, руководителей (лидеров) или иных представителей организованных групп в целях совершения хотя бы одного из указанных в ч. 1 ст. 210 РФ преступлений (ч. 1 ст. 210 УК РФ). Однако такие случаи, а также подобные случаи совершения преступлений экстремистской направленности, на наш взгляд, не смогут получить должной уголовно-правовой оценки без квалификации по специальному квалифицированному составу преступления, предусматривающему уголовную ответственность за совершение преступления с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»).

¹ МВД предлагает ввести уголовную ответственность за экстремизм в Сети. URL: <http://www.securitylab.ru>.

² Первая в Грузии за последние 7 лет коронация «вора в законе» состоялась по Skype. URL: <http://www.apsny>.

На основании изложенного, вполне обоснованно можно утверждать о насущной потребности в разработке правового механизма, позволяющего своевременно выявлять и предупреждать факты использования сети Интернет в целях совершения правонарушений и преступлений, особенно тех, которые имеют повышенную общественную опасность и составляют угрозу безопасности Российской Федерации.

Л.А. Дмитриева

Качество жизни как социально-психологическая категория реализации конституционных прав и свобод личности сотрудников Следственного комитета Российской Федерации

Конституция Российской Федерации (ст. 7) гласит: «Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека». Защита этих условий непосредственно обуславливает уровень социально-психологического самочувствия граждан и их субъективное ощущение удовлетворенности качеством жизни.

По определению Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), качество жизни – это восприятие индивидами их положения в жизни в контексте культуры и системе ценностей, в которых они живут, в соответствии с целями, ожиданиями, нормами и заботами¹. Качество жизни определяется физическими, социальными и эмоциональными факторами жизни человека, имеющими для него важное значение и на него влияющими. Качество жизни – это уровень внутреннего и общественного комфорта человека. Согласно мнению ООН, социальная категория качества жизни включает 12 параметров, из которых на первом месте стоит здоровье.

С целью получения качественного и независимого инструмента оценки качества жизни людей вне зависимости от социального, культурного, демографического и политического контекста Всемирной организацией здравоохранения был разработан Опросник качества жизни ВОЗ (ВОЗКЖ-100). В течение 5 лет опросник создавался одновременно на основных мировых языках в 15 центрах ВОЗ во всех частях света, в странах с различным экономическим уровнем и культурными традициями (WHOQOL – World Health Organization's Quality of Life) по единой методологии. Из более чем 1500 вопросов, предложенных в начале работы, было выбрано 100 лучших. Выборка составила 4500 человек. Опубликованная на сегодняшний день версия датирована 2003 годом. Каждая языковая версия опросника тщательно апробирована на предмет валидности и соответствия менталитету страны. Вопросами адап-

¹ Энциклопедия психодиагностики. URL: <http://psylab.info>.

тации теста в России занимается региональный центр ВОЗ – НИИ им. Бехтерева.

ВОЗКЖ-100 является многомерным инструментом, позволяющим получить как оценку качества жизни респондента в целом, так и частные оценки по отдельным сферам и субсферам жизни. Каждая субсфера – физическая, психологическая, уровень независимости, социальные взаимоотношения, окружающая среда, духовная сфера – вносят равный вклад в общую оценку категории качества жизни.

С целью выявления уровня социально-психологического самочувствия сотрудников СК России в сентябре текущего года был проведен пилотажный этап оценки ими качества жизни. Выборку исследования составили слушатели ИПК СК России – руководители следственных отделов СК России численностью 31 человек. Средний возраст обследуемых – 38,5 лет; 96,8 % – мужчины; 90,3 % состоят в браке; 67,7 % имеют детей (из них 52 % – двоих).

Ниже представлены результаты пилотажного опроса респондентов по выборочным шкалам Опросника ВОЗКЖ-100 (см. табл.).

Шкала «Жизненная активность, энергия и усталость» исследует энергию, энтузиазм и выносливость, с которыми индивид выполняет необходимые задачи повседневной жизни, а также иные виды деятельности, избираемые им самим. Усталость может обуславливаться любой соматической или психологической причиной.

Шкала «Сон и отдых» выявляет проблемы сна – трудности засыпания, ночные пробуждения, раннее утреннее пробуждение, сопровождающееся неспособностью заснуть вновь, а также отсутствие ощущения отдыха от сна.

Шкала «Положительные эмоции» исследует диапазон и частоту испытываемых индивидом позитивных чувств (удовлетворение, внутреннее равновесие (гармония), покой, счастье, надежда, радость и удовольствие). Важным аспектом данной субсферы являются мысли и чувства человека относительно своего будущего.

Шкала «Мышление, обучаемость, память и концентрация» выявляет мнение индивида о собственном мышлении, способности усваивать новое (обучаться), памяти, способности к концентрации внимания и к принятию решений. Перечисленное предполагает скорость мышления и ясность мысли.

Шкала «Самооценка» исследует представление индивида относительно самого себя как личности, его самоотношение и самопринятие. Испытывает ли он чувство собственной ценности и ощущение быть способным к эффективному функционированию и самоконтролю?

Шкала «Образ тела и внешность» выявляет мнение индивида о своём теле. Как он воспринимает внешний вид своего тела – позитивно или негативно? Внимание фокусируется на чувстве удовлетворённости индивида тем, как он выглядит, и на том, как это влияет на его общее

мнение о себе.

Шкала «Отрицательные эмоции» исследует, в какой мере индивид испытывает негативные чувства (уныние, печаль, вину, чувствительность, отчаяние, тревогу и опустошенность).

Шкала «Способность выполнять повседневные дела» выявляет операциональный ресурс индивида – его деловые умения и навыки. Это включает также заботу о себе и о своей собственности. Степень, в которой человек в своих обычных ежедневных делах зависит от помощи других лиц, безусловно, влияет на его качество жизни.

Шкала «Работоспособность» выявляет психофизиологический ресурс индивида, используемый им в работе.

Шкала «Личные отношения» исследует способность и возможность индивида любить, быть любимым, устанавливать и поддерживать эмоциональную и физическую близость с другими людьми. В какой степени он чувствует возможность разделить горе или радость с близкими? Испытывает ли он физические аспекты эмпатии и доброжелательности (прикосновение или объятие)? Субсфера включает также удовлетворенность индивида своей помощью другим людям или его ощущение перегруженности подобными обязанностями.

Шкала «Практическая социальная поддержка» выявляет, в какой степени индивид ощущает возможность получения практической помощи со стороны семьи и друзей. Насколько его семья и друзья разделяют с ним ответственность и сотрудничают в решении проблем, в какой степени индивид ощущает одобрение и воодушевление от семьи и друзей?

Шкала «Свобода, физическая безопасность и защищённость» исследует осознание индивидом ресурсов, обеспечивающих ему чувство безопасности.

Шкала «Окружающая среда дома» оценивает качество жилья: насколько комфортабельным и безопасным оно является (площадь жизненного пространства; чистота; удобства; качество конструкции здания).

Шкала «Финансовые ресурсы» исследует степень удовлетворения индивидом потребности в здоровом и комфортабельном стиле жизни. Может ли индивид приобретать то, что оказывает влияние на качество его жизни? Вопросы включают также аспект (не)зависимости, которую обеспечивает ему его материальный статус.

Шкала «Медицинская и социальная помощь» (доступность и качество) выявляет оценку индивидом доступности этих служб, а также качество и полноту той помощи (заботы), которую он ожидает получить.

Шкала «Возможности для отдыха и развлечений и их использование» исследует способность, возможность и желание индивида принимать участие в проведении досуга. Вопросы охватывают все формы

свободного времяпрепровождения, отдыха и восстановления сил (встречи с друзьями, занятия спортом, чтение, просмотр телепередач и т.д.).

Шкала «Духовность / религия / личные убеждения» выявляет направленность личных убеждений индивида. Структурируют ли они его опыт, обеспечивая чувство благополучия? Для многих людей религия и духовность являются источниками комфорта, безопасности, осмысленности, принадлежности к некой общности, целеустремлённости и силы. Однако некоторые люди чувствуют, что религия оказывает на их жизнь негативное влияние. Вопросы шкалы позволяют выявить и этот аспект субсферы.

Психологическая сфера характеризуется нормализованным значением по ряду шкал (F4 + F5 + F6 + F7 + F8). Ее общее среднее значение по выборке составляет 222,4 балла, что в весьма умеренной степени уступает максимально возможному значению (255,2 балла).

Духовная сфера включает только одну шкалу (F24) и оценивается как удовлетворяющая на две трети субъективно ощущаемого ресурса.

Табл. 1. Оценка выборочных шкал Опросника ВОЗКЖ-100 руководителями следственных отделов СК России (n=31)

Код шкалы	Наименование шкалы	Оценка по шкалам, баллы (сред. знач.)
F2	Жизненная активность, энергия и усталость	2,0
F3	Сон и отдых	2,9
F4	Положительные эмоции	14,3
F5	Мышление, обучаемость, память и концентрация	14,3
F6	Самооценка	14,4
F7	Образ тела и внешность	1,6
F8	Отрицательные эмоции	-9,0
F10	Способность выполнять повседневные дела	2,4
F12	Работоспособность	16,2
F13	Личные отношения	9,8
F14	Практическая социальная поддержка	14,5
F16	Физическая безопасность и защищенность	7,0
F17	Окружающая среда дома	14,6
F18	Финансовые ресурсы	1,4
F19	Медицинская и социальная помощь	10,7
F21	Возможности для отдыха и их использование	14,6
F24	Духовность/религия/личные убеждения	15,9

Пилотажный этап исследования выявил факторы риска социально-психологической дезадаптации сотрудников СК России:

- жизненная активность, энергия и усталость,
- сон и отдых,
- образ тела и внешность,
- способность выполнять повседневные дела,
- физическая безопасность и защищенность,
- финансовые ресурсы.

Полученные эмпирические данные обозначают актуальность дальнейшего исследования социально-психологического феномена качества жизни как интегральной характеристики сферы конституционных прав и свобод личности. В восприятии сотрудников СК России эта категория приобретает особое социальное значение, обусловленное высокой значимостью и сложностью их профессиональной миссии.

О.А. Зайцев

Конституция Российской Федерации как гарант обеспечения личной безопасности участников уголовного судопроизводства

Конституция Российской Федерации в целом выстроена по международным принципам и стандартам, суть которых – цивилизованный компромисс, разумный гуманизм, верховенство нравственности. Определяя основы конституционного строя нашей страны, Основной закон установил: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью». Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства (ст. 2). Указанные положения являются отправной точкой разработки и принятия комплекса мер, направленных на обеспечение государственной защиты участников уголовного процесса¹.

Особую роль для реализации мер безопасности личной безопасности в судебно-следственной практике играет принцип законности, закрепленный в ч. 1 ст. 15 и провозглашающий, что Конституция имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации². Это положение прямо предписывает обязанность должностных лиц судебных и правоохранительных органов руководствоваться принципами и идеями основного закона в тех случаях, когда отраслевое законодательство вступает с ним в противоречия или содержит определенные пробелы.

¹ Доля В. Новая Конституция РФ и уголовно-процессуальная деятельность // Рос. юстиция. 1994. № 4. С. 18.

² См. также ст. 18 Конституции.

Чрезвычайно важное значение для законодательных реформ и правоприменительной практики в рассматриваемой области имеют конституционные установления о том, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры РФ являются составной частью ее правовой системы (ч. 4 ст. 15). Следует отметить, что некоторые авторы являются противниками применения термина «общепризнанные», так как, по их мнению, правила и принципы, рекомендуемые международными актами, довольно не определены, не отражают всего мирового опыта, в связи с чем возникает сомнение пригодности для включения их в систему внутригосударственного законодательства¹. Поэтому в настоящее время перед учеными и законодателем стоит задача разрешения проблем взаимодействия российской правовой системы и международного права², в том числе и в сфере государственной защиты участников уголовного процесса.

В соответствии со ст. 15 Конституции при коллизии между требованиями международного договора и закона государства применению подлежат правила международного договора. Тем самым в России конституционно установлен приоритет международного договора, открывающий дорогу непосредственному применению нормы права в различных областях внутригосударственной деятельности, в том числе при защите участников уголовного процесса. Потерпевший, свидетель или другое лицо, вовлеченное в сферу судопроизводства, может непосредственно пользоваться своим «правом человека» и находиться под защитой той или иной нормы международного права, прямо не предусмотренной внутренним законодательством, если государство подписало или ратифицировало конвенцию или пакт, содержащие данную норму³.

Особое значение Конституция придает правам и свободам человека и гражданина, которые признаются и гарантируются согласно общепризнанным принципам и нормам международного права. Эти права и свободы неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения (ст. 17), являются непосредственно действующими (ст. 18).

Согласование содержания прав и свобод на международном и национальном уровнях хорошо выражено в регламентации права на жизнь (ст. 20), защиту достоинства личности (ст. 21), свободу и лич-

¹ Российская правовая система и международное право: современные проблемы взаимодействия // Гос. и право. 1996. № 3. С.28; Кузнецова Н.Ф. Конституция Российской Федерации и уголовное законодательство // Вестн. Моск. ун-та. Право. 1994. № 5. С.42.

² Гуценко К.Ф. Конституция Российской Федерации и вопросы уголовного судопроизводства // Вестн. Моск. ун-та. Право. 1994. № 5. С. 38.

³ Блищенко И.П., Солнцева М.М. Мировая политика и международное право. М., 1991. С. 94.

ную неприкосновенность (ст. 22), неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени (ст. 23), неприкосновенность жилища (ст. 25), защиту собственности (ст. 35), получение квалифицированной юридической помощи (ст. 48) и др.

Права и свободы человека и гражданина составляют основу правового статуса личности в РФ (ст. 64). Исходя из этого конституционного положения, а также признавая концепцию уголовно-процессуального статуса личности, предложенную В.М. Корнуковым¹, можно сделать вывод о том, что закрепленные Конституцией права и свободы являются ключевыми для правового статуса любого участника уголовного судопроизводства, в каком бы процессуальном качестве он не выступал. Указанные конституционные записи направлены на повышение роли уголовно-правовых и уголовно-процессуальных норм и институтов в защите основ правового статуса лиц, вовлеченных в сферу судопроизводства, от общественно опасных и противоправных действий².

Существенное значение для исследуемой области имеют конституционные положения следующего содержания: «Государственная защита прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации гарантируется» (ст. 45); «Каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод» (ст. 46). При всем разнообразии интересов лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве, основной закон предполагает равную для всех защиту прав, признаваемых и поддерживаемых уголовно-процессуальным правом³. Таким образом, государство принимает на себя обязательство защитить любого субъекта уголовно-процессуальных отношений, добросовестно выполняющего свой гражданский долг. Анализируя указанные положения Конституции, А.М. Ларин справедливо отметил, что право на защиту должно быть обеспечено обвиняемому, но не только оспаривающему обвинение, но и сотрудничающему с обвинителем, а также потерпевшему, свидетелям, защитникам и другим участникам процесса вплоть до судей, следователей, прокуроров, их родственников и др., которые должны быть надежно ограждены от угроз и насилия, с целью повлиять на их показания или позицию, от мести и т.п.⁴

¹ Корнуков В.М. Теоретические и правовые основы положения личности в уголовном судопроизводстве: дис. ... докт. юрид. наук. Саратов, 1987.

² Воеводин Л.Д. Конституция Российской Федерации и правовые отрасли: проблемы соотношения // Вестн. Моск. ун-та. Право. 1994. № 5. С.34.

³ Корнуков В.М. Правовой статус личности в уголовном судопроизводстве // Проблемы правового статуса личности в уголовном процессе. М., 1981. С. 41; Куцова Э.Ф. Вопросы применения закона и перспектив развития уголовно-процессуального законодательства России // Вестн. Моск. ун-та. Право. 1994. № 5. С. 46.

⁴ Конституция Российской Федерации и совершенствование юридических механизмов защиты прав человека // Гос. и право. 1994. № 10. С. 16.

Исходными, базовыми для регламентации правового статуса жертв преступлений и обеспечения их прав являются положения ст. 52 Конституции, где сказано, что права потерпевших от преступлений охраняются законом. Государство обеспечивает данным участникам процесса доступ к правосудию и компенсацию причиненного вреда.

Приняв основной национальный закон, Россия официально заявила, что рассматривает себя как часть мирового сообщества, в котором все его члены добровольно берут на себя обязательство закрепить в законодательстве общепризнанные принципы права, фундаментальные права и свободы человека, а также последовательно их реализовывать¹.

Приведенные положения Конституции являются основой для разработки новых подходов к проблемам защиты участников уголовного процесса, поскольку они находятся в прямой зависимости с защитой прав и свобод человека и гражданина. Не случайно в последние годы выявляются и анализируются более совершенные гуманитарно-правовые средства и способы усиления защищенности различных субъектов уголовно-процессуальных отношений.

А.А. Ильюхов

Механизм реализации конституционного права граждан на доступ к осуществлению правосудия, по уголовным делам, рассмотренным судом с участием присяжных заседателей

Рассматривая положения ст. 47 Конституции РФ, дающие право гражданам на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом, а также право на рассмотрение его дела судом присяжных заседателей, в случаях, предусмотренных федеральным законодательством, попытаемся исследовать возможности реализации указанных конституционных прав в уголовном процессе.

Реализация указанных прав становится возможным на этапе окончания предварительного следствия, когда следователь в порядке ч. 5 ст. 217 УПК РФ разъясняет обвиняемому и его защитнику право на рассмотрение уголовного дела в суде с участием присяжных заседателей, в случаях, предусмотренных п. 1 ч. 3 ст. 31 УПК РФ.

В тоже время судебная и следственная практика указывает, что со стороны следователей в ходе реализации им положений ч. 5 ст. 217 УПК РФ порой встречается формальное отношение к выполнению требований указанной нормы уголовно-процессуального закона. Формальный подход проявляется в том, что следователи, либо не выполняют требования ч. 5 ст. 217 УПК РФ, либо ограничиваются лишь со-

¹ Конституция Российской Федерации. Комментарий. М., 1994. С. 7.

ставлением бланка процессуального документа, содержащего формулировку ч. 3 ст. 31 УПК РФ, однако сами не разъясняют особенности судебного разбирательства данным составом суда и правовые последствия от принятого обвиняемым решения. Такие факты объясняются как недостаточным представлением со стороны следователя особенностей указанной формы отправления правосудия, так нежеланием рассмотрения уголовного дела судом с участием присяжных заседателей.

Причины нежелания рассмотрения уголовного дела указанным составом суда кроются в том числе, и негативным отношением следователей к суду присяжных, что вызвано не столько тем, что он не способен выносить обоснованные вердикты, сколько усиленным контролем со стороны прокуратуры и суда к качеству проведенного расследования. Контроль качества расследования и обоснованность принятых следователем процессуальных решений со стороны руководителя следственного органа, прокурора и суда обоснован, поскольку в судах с участием присяжных заседателей рассматриваются тяжкие преступления, нередко вызывающие большой общественный резонанс, а значит притягивающие к себе более пристальное внимание, как со стороны общественности, так и надзирающих органов. Следственная практика показывает, что прокуратура и суд, по малейшим основаниям, предусмотренным ст. 221, 237 УПК РФ, возвращают материалы по данной категории уголовных дел. Так, в целом ежегодно в период с 2007 г. по 2012 г. от 43 до 51 тыс. уголовных дел возвращались прокурорами следователям для дополнительного расследования¹, что также подтверждается результатами изучения архивных материалов уголовных дел с участием присяжных заседателей. В основном причинами возврата явилась неполнота и односторонность предварительного следствия, а также несоблюдение требований норм уголовно-процессуального законодательства, в том числе и положений ч. 5 ст. 217 УПК РФ.

Изучение материалов уголовных дел только подтверждают обоснованность сделанного вывода. Так, из общего объема изученных автором материалов уголовных дел (151 уголовное дело) за период с 2007 г. по 2012 г. было установлено, что по 12 из них следователи допустили нарушения требований ч. 5 ст. 217 УПК РФ, что составило 5% от общего их количества. Несоблюдение требований положений ч. 5 ст. 217 УПК РФ также явилось одним из оснований возвращения прокурором следователю материалов уголовных дел в порядке п. 2 ч. 1 ст. 221 УПК РФ для устранения выявленных недостатков.

Так, по уголовному делу по обвинению Ш. по п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ обвиняемому не были разъяснены не только особенности рассмотрения дела судом с участием присяжных заседателей, но и сам процессуальный порядок проведения такого судебного разбирательства, а

¹ Справка о работе свердловского областного суда за 2007-2009 гг.

также его возможные правовые последствия, (ч. 5 ст. 217 УПК РФ)¹.

По другому уголовному делу Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ отменила приговор Оренбургского областного суда с участием присяжных заседателей от 5.08.2006 в отношении П., М., К. и С. Отмена приговора ввиду нарушений уголовно-процессуального закона явилась причиной того, что при ознакомлении обвиняемых с материалами уголовного дела М. заявил ходатайство о рассмотрении дела судом с участием присяжных заседателей, однако данное ходатайство органами предварительного следствия и судом рассмотрено не было².

Представляет определенный научный и практический интерес позиция Верховного Суда РФ. В постановлении от 22.11.2005 № 23 Пленум дал соответствующие разъяснения, отметив, что следователь при ознакомлении обвиняемого с материалами уголовного дела обязан разъяснить ему не только его право ходатайствовать о рассмотрении уголовного дела судом с участием присяжных заседателей, но и особенности его рассмотрения, его права в судебном разбирательстве и порядок обжалования судебного решения. При решении вопроса о выделении материалов уголовного дела в отношении того или иного лица в отдельное производство по причине отказа других обвиняемых от рассмотрения уголовного дела судом с участием присяжных заседателей следователь мотивирует свое решение. При отсутствии такого постановления, подчеркивает Пленум, дело подлежит возвращению прокурору³.

В указанном Пленуме, по сути, речь идет о реализации конституционного права граждан на доступ к правосудию, соблюдение которого является составным элементом достижения целей уголовного судопроизводства. В тоже время, реализация положений ч. 1 ст. 47 Конституции РФ законодателем в п. 1 ч. 5 ст. 217 УПК РФ в полной мере не достигнута.

В указанной норме отмечается, что в случае ознакомлении с материалами уголовного дела, когда один или несколько обвиняемых отказываются от суда присяжных заседателей, то следователь решает вопрос о выделении уголовных дел в отдельное производство. При невозможности такого выделения уголовное дело рассматривается судом с участием присяжных заседателей. Аналогичное предписание содержится ч. 5 ст. 325 УПК РФ, которая обязывает суд принять решение о

¹ Уголовное дело № 1-12/2007 // Архив Владимирского областного суда.

² Суд присяжных. Судебная практика 1994-2005 гг. М., 2008. С. 494-495.

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2005 № 23 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса РФ, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей» // Российская газета. 2005. 2 декабря.

рассмотрении дела в составе коллегии присяжных заседателей даже в том случае, когда один из обвиняемых отказался от рассмотрения его дела данным составом суда. Теоретически нежелание одного из обвиняемых или группы обвиняемых, чтобы уголовное дело рассматривалось судом с участием присяжных заседателей, выясняется, но оно зачастую не учитывается и не всегда имеет юридическое значение. По результатам исследований 151 материала уголовного дела было выявлено лишь одно уголовное дело, рассмотренное Краснодарским краевым судом, материалы которого были выделены в отдельное производство.

В то же время указанными законодательными предписаниями нарушается конституционное право гражданина на рассмотрение его дела в том суде и тем составом суда, к подсудности которого оно отнесено законом. Кроме того, указанные нормы также входят в противоречие с п. 3 ч. 2 ст. 30 УПК РФ, закрепляющим право обвиняемого в совершении тяжкого и особо тяжкого преступления ходатайствовать о рассмотрении его дела коллегией из трех судей федерального суда общей юрисдикции. Таким образом, ч. 2 ст. 325 и п. 1 ч. 5 ст. 217 УПК РФ входят в противоречие с Конституцией РФ и другими нормами уголовно-процессуального законодательства.

Для разрешения указанной правовой коллизии целесообразно ввести самостоятельную персональную подсудность для уголовных дел, рассмотренных судом с участием присяжных заседателей, о чем свидетельствуют и приведенные результаты исследования. При этом, исходя из судебной практики, необходимо определить ту категорию уголовных дел, которая наиболее часто рассматриваются краевыми, областными судами, судами городов федерального значения, судами автономной области, автономного округа с участием присяжных заседателей. Судебная практика и результаты исследования показывают, что данным составом суда наиболее часто рассматриваются такие составы, как ст. 105, 131, 132, 210 УК РФ.

Одним из вариантов разрешения указанного правового спора между обвиняемыми, также может послужить предложение о разъяснении им права на рассмотрение уголовного дела с участием присяжных заседателей либо на этапе уведомления о подозрении, либо в ходе первоначального предъявления обвинения, что позволит следователю заранее решить вопрос о выделении материалов уголовного дела в отдельное производство, в отношении лица, заявившего данное ходатайство.

Результаты исследования, проведенного автором, показали, что повышенный контроль за качеством следствия привел не только к его улучшению, но и к тому, что следователи стараются избегать квалификации деяний, подлежащих рассмотрению областными, краевыми и приравненными к ним судами, с целью избежать возможного рассмотрения уголовного дела судом с участием присяжных заседателей.

**Нестабильность уголовно-процессуального и уголовного
законодательства как препятствие защите
конституционных прав граждан России**

Современное уголовно-процессуальное и уголовное законодательство нашли свое концентрированное выражение в Уголовно-процессуальном и Уголовном кодексах. Известно, что УК и УПК РФ действуют не очень давно: первый 16 лет, а второй – более 10. Однако их с полным правом можно считать очень нестабильными, поскольку изменяются они практически ежемесячно. Если бы даже все изменения шли во благо, то и тогда руководствоваться ими в повседневной работе следователям было бы очень затруднительно.

В этой связи уточним, что изменений, дополнений, изъятий, внесенных законодателем в УПК РФ, было более полутора тысяч. Для этого с 29.05.2002 по 7.12.2011, т.е. за 9 с половиной лет, Государственной Думой было принято 97 Федеральных законов, да еще Конституционный Суд 10 раз заседал, пытаясь устранить неконституционность целого ряда положений УПК.

Если отбросить каникулярное время, то получается, что в среднем один раз в месяц законодатель вносил в УПК какие-либо изменения, уточнения, дополнения. Подсчитать точное их количество нет уже никакой возможности. Даже если бы законодатели вносили изменения в правила некой несложной игры, то и тогда бы ее участники схватились за голову. А тут уголовное судопроизводство, раскрытие и расследование преступлений. Особенно негативно эта нестабильность отразилось на состоянии следственного корпуса страны, из которого ушли, увы, лучшие¹.

С рвением, достойным лучшего применения, вновь избранные депутаты Государственной Думы продолжили «совершенствование» УПК РФ. Изменения и дополнения опять сыплются, как из дырявого мешка. За период с 1.03.2012 по 19.02.2013, то есть за неполных 12 месяцев, принято 13 ФЗ. Их общее количество уже перевалило за 110. Но, по мнению практических работников, лучше от этого УПК не стал, да и едва ли станет в обозримом будущем. На практике это убедительно доказывается обилием в нем явно бессмысленных бюрократических процедур; падением производительности труда следователей, ухудшением защиты конституционных прав граждан страны сразу по нескольким направлениям.

¹ Ищенко Е.П. Следственный аппарат России: современное состояние и проблемы преодоления негативных тенденций //Академический юридический журнал. 2009. № 2 (36). С. 37-43.

Но законодатель опять пошел по пути сделок и компромиссов. В дополнение к главам 40 и 40.1 Федеральным законом от 4.03.2013 № 23-ФЗ в раздел VIII УПК РФ была внесена глава 32.1 «Дознание в сокращенной форме». В девяти ее статьях совершенствование уголовного процесса путем его упрощения активно продолжено. Особенно ярко это отразилось на содержании ст. 226.5, регламентирующей особенности доказывания при производстве дознания в сокращенной форме.

В соответствии с ней дознаватель вправе: не проверять доказательства, если они не были оспорены подозреваемым, его защитником, потерпевшим или его представителем; не допрашивать лиц, от которых в ходе проверки сообщения о преступлении были получены объяснения; не назначать судебную экспертизу по вопросам, ответы на которые содержатся в заключении специалиста; не проводить иные следственные и процессуальные действия, направленные на установление фактических обстоятельств, сведения о которых содержатся в материалах проверки. На все дознавателю отводится не более 15 суток, после чего он составляет обвинительное постановление, утверждаемое начальником органа дознания. Судебное разбирательство, конечно же, тоже производится в упрощенном режиме. А как же с равенством прав подсудимого и потерпевшего перед законом, с правом потерпевшего на судебную защиту? А вот так.

Достижение цели эффективного функционирования российского уголовного процесса на традиционно континентальном пути развития представляется более вероятным. Оно вполне осуществимо при затратах, намного меньших, нежели поддержание жизнеспособности нынешнего гибридного уголовного процесса, и не требует коренной ломки общественного правосознания¹.

Уголовный кодекс РФ, вступивший в действие с 1.01.1997, имеет небольшую – 16-летнюю, но насыщенную историю своего развития (инволюции). Проследить всю ее подробно в короткой статье не представляется возможным, ибо за истекший промежуток времени было принято более 120 ФЗ, внесших в него самые различные изменения, дополнения, поправки, изъятия.

Нет нужды доказывать, что очень частое изменение закона приводит к его незнанию, неправильному толкованию, порождает нигилистическое отношение к законности и правопорядку. Все это время законодатель принимал столь значительное количество правовых актов, что постоянно возникала проблема не только правильного их осмысления и применения, но и элементарного ознакомления, которую не смогли разрешить даже быстродействующие электронные справочные системы.

¹ Ищенко Е.П., Ищенко П.П. Можно ли устранить недостатки действующего УПК РФ? // Уголовное судопроизводство. 2007. № 2. С. 2-9.

В этой связи нельзя не напомнить, что любой закон, если иное не оговорено в его тексте, вступает в силу с момента официального опубликования. Поэтому следователь, дознаватель, прокурор, судья и другие правоприменители должны сразу им руководствоваться, даже не прочитав, не уяснив его содержания.

Давая общую оценку содеянного законодателем, приходится с сожалением констатировать, что если первоначальный текст УК РФ представлял собой достаточно системный нормативный правовой акт, отличающийся внутренним единством и непротиворечивостью составляющих его частей и норм, то в настоящее время он окончательно утратил качество системности. Его уровень как кодифицированного закона резко снизился, вследствие чего он уже не в состоянии выполнять те задачи по борьбе с преступностью, которые перед ним первоначально ставились. По подсчетам ученых, нетронутым осталось около 18% его первоначального содержания.

Возьмем для примера только одно из направлений: сохранение материальных и духовных ценностей общества, являющееся важнейшим условием обеспечения его безопасности, гарантированной Конституцией. Основной такой ценностью, представляющей совокупность материального и духовного, выступает здоровье населения, ибо только здоровое во всех смыслах общество способно обеспечить собственное прогрессивное развитие.

Однако состояние совокупного здоровья российского населения в настоящее время едва ли можно признать удовлетворительным. При этом нельзя не указать на неуклонный рост масштабов наркотизации российских граждан, распространение СПИДа и других опасных заболеваний, недостатки в сфере санитарного благополучия населения, массовые факты производства и сбыта пищевой продукции, не отвечающей требованиям безопасности.

Федеральный закон от 7.03.2011 №26-ФЗ очень существенно изменил подход законодателя к построению санкций. В 72 санкциях им исключена нижняя граница такого наказания, как арест. Представляется, что эта правка закона совершенно бессмысленна. Арест ведь относится к наказаниям, которые не введены в действие. В этой связи менять сроки ареста по такому громадному массиву санкций не было никакой необходимости.

Но и на этом законодатель не успокоился. В 44 санкциях этот ФЗ снял нижние границы такого наказания, как исправительные работы, хотя и в этом не было никакой нужды. Но самая главная и самая неоднозначная, по-настоящему одиозная, правка УК этим законом состоит в исключении нижних границ лишения свободы в 62 санкциях. Изменения здесь коснулись всех категорий преступлений, за исключением деликтов небольшой тяжести, наверное, потому, что они и раньше там не были предусмотрены.

Так, в составах преступлений средней тяжести исключены нижние границы лишения свободы в 10 санкциях, в составах тяжких преступлений – в 45 санкциях, а в составах особой тяжести – в 7. Границы лишения свободы по многим составам преступлений стали воистину необозримыми. Исключение нижних границ санкций в виде лишения свободы привело к тому, что пределы судейского усмотрения расширились необозримо, а значит, в уголовном законе резко увеличилось количество криминогенных норм. Продолжает действовать воистину парадоксальная ситуация: уголовный закон содержит нормы, порождающие преступность.

Волей законодателя судья превращен во властителя судеб, решающего карать, т.е. назначать максимум лишения свободы или близкое к нему наказание, или миловать, то есть применять низшую границу лишения свободы (2 месяца) или близкую к ней. Абсолютно ясно, что коррупционная составляющая новых законодательных пределов санкций очень велика, а количество лиц, пытающихся найти финансовые подходы к судьям для принятия «правильного» решения, возрастет астрономически. Точно так же возрастет и количество судей, которые эти финансовые стимулы примут, – обоснованно считает Н.А. Лопашенко¹.

Но и этого законодателю показалось мало. Федеральным законом от 7.12.2011 № 420-ФЗ пределы судейского усмотрения были еще более расширены. Часть 6 ст. 15 «Категории преступлений» теперь звучит так: «С учетом фактических обстоятельств преступления и его общественной опасности суд вправе при наличии смягчающих наказание обстоятельств и при отсутствии отягчающих наказание обстоятельств изменить категорию преступления на менее тяжкую, но не более чем на одну категорию преступления». Далее перечисляются условия, при которых это возможно.

В связи с выше изложенным, говорить о законности и справедливости принимаемых судебных решений теперь можно с еще большей натяжкой. Законодатель в буквальном смысле слова толкает судей на путь издоимства, расширяя пределы судейского усмотрения до умопомрачительных границ. К чему это в конечном итоге приведет, спрогнозировать нетрудно. Коррупционная составляющая приговоров резко возрастет.

Анализируя те изменения, которым подвергся в последние годы УК РФ, нельзя не отметить отсутствие у законодателя системного подхода.

¹ Лопашенко Н.А. Проблемность уголовно-правового регулирования как неотъемлемая составляющая современной российской криминализации // Пробелы в законодательстве и пути их преодоления: сб. науч. статей. Н. Новгород, 2008. С. 342-361.

Поэтому однозначно необходим подход, требующий согласованности в процессе всей законотворческой деятельности.

Совершенно немыслимая нестабильность уголовно-процессуального и уголовного законодательства, его внутренняя противоречивость и несогласованность не могут рассматриваться в отрыве от состояния следственного корпуса страны. Следователи, работающие в системе МВД России, – это на 52% – молодые женщины. Третья часть следователей МВД не имеют высшего юридического образования, работают по специальности до 3 лет. Следователи СК РФ имеют такое образование, однако более половины среди них – новички на этом поприще. Даже у юридически очень грамотного, многоопытного следователя такая законодательная вакханалия может вызвать оторопь. Чего же ждать от основной массы следователей? Отнюдь неспроста текучесть среди следователей всех ведомств доходит до 10% в год.

В этой связи нельзя не поддержать точку зрения, согласно которой следует переосмыслить некоторые аспекты доктрины прав и свобод человека и гражданина, поставленной ныне во главу угла. «Необходимо перейти от доктрины индивидуализма и установления гарантий для отдельного индивида к доктрине приоритета обеспечения национальной безопасности РФ, т.е. обеспечения прав большинства населения, всего российского государства, без чего невозможно гарантировать права каждого отдельного человека»¹.

Подводя итог предпринятому краткому анализу взаимосвязи между нестабильностью уголовно-процессуального и уголовного законодательства и обеспечением конституционных прав граждан РФ на жизнь, свободу, охрану здоровья, безопасность, можно заключить, что она затрудняет их соблюдение и защиту, существенно ухудшает раскрываемость преступлений, негативно отражается на работе следственного корпуса страны и даже является мощным криминогенным фактором, стимулирующим рост преступности в стране.

**В.А. Казюлин
Ф.П. Васильев**

Современная единая политика обеспечения реализации конституционных требований в области обеспечения транспортной безопасности в России

В пункте «и» ст. 71 Конституции РФ обозначено, что в ведении Российской Федерации находятся федеральные энергетические систе-

¹ Мельниченко А.Б. Противодействие преступности – важное направление реализации уголовной политики в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Современные проблемы уголовной политики: мат-лы II Междунар. науч.-практ. конф. В 2-х т. Краснодар, 2011. Т. II. С. 33.

мы, ядерная энергетика, расщепляющиеся материалы; федеральные транспорт, пути сообщения, информация и связь; деятельность в космосе. И в целях реализации государственной политики в области транспорта (объектов, безопасности) законодателями, Президентом и Правительством России по существу предпринимаются определенные меры, прежде всего административно-правовые механизмы.

Современные высокие технологические процессы в глобальном мире (оборот и потребление) по существу требуют параллельно соблюдения применения международных стандартов, а также обеспечения соответствующих видов безопасностей. Необходимостью являются не только процессы производства и их оборота, но и наличие присутствия прямой угрозы террористических актов, диверсий, различных человеческих, природных и техногенных факторов.

С другой стороны, в настоящее время эксплуатация (потребление) любых видов технических средств (транспортных и иных – технологий) для любого государства (общества) является как необходимое средство (способ) существования. И в целях реализации и соблюдения этих и других жизненно-необходимых явлений издаются соответствующие нормативные правовые акты (далее – НПА), одним из которых является ФЗ от 09.02.2007 № 16 «О транспортной безопасности» и в целях единого толкования и применения (с том числе разработки НПА) вопросов обеспечения транспортной безопасности законодателями закреплены основные понятия, термины и определений. Тем более транспорт ныне выступает также как объект (источник) повышенной опасности.

В настоящее время определены государством и законодателями цели и задачи обеспечения транспортной безопасности. Ими являются устойчивое и безопасное функционирование транспортного комплекса, защита интересов личности, общества и государства в сфере транспортного комплекса от актов незаконного вмешательства. А основными задачами обеспечения транспортной безопасности являются: нормативное правовое регулирование в области обеспечения транспортной безопасности; определение угроз совершения актов незаконного вмешательства; оценка уязвимости объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств; категорирование объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств; подготовка специалистов в области обеспечения транспортной безопасности; осуществление федерального госконтроля (надзора) в области обеспечения транспортной безопасности; информационное, материально-техническое и научно-техническое обеспечение транспортной безопасности; разработка и реализация: требований по обеспечению транспортной безопасности; мер по обеспечению транспортной безопасности.

Ныне основными принципами обеспечения транспортной безопасности являются: законность; соблюдение баланса интересов личности, общества и государства; взаимная ответственность личности, общества и государства в области обеспечения транспортной безопасности; непрерывность; интеграция в международные системы безопасности; взаимодействие субъектов транспортной инфраструктуры, органов государственной власти и органов местного самоуправления.

Обеспечение транспортной безопасности объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств в России возлагается на субъекты транспортной инфраструктуры, если иное не установлено законодательством страны. Все объекты транспортной инфраструктуры и транспортные средства, обеспечение транспортной безопасности которых осуществляется исключительно федеральными органами исполнительной власти (скажем, Правительством, Минтрансом и его федеральными агентствами и службами, ФСБ и МВД России и др.), определяются федеральными законами, НПА Правительства России.

Основным видом технологии обеспечения безопасности по существу выступает оценка уязвимости объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств от актов незаконного вмешательства. Порядок проведения этих работ устанавливается федеральным органом исполнительной власти (далее – ФОИВ), осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере транспорта, по согласованию с ФСБ и МВД России. В данном случае следует например также учитывать Административный регламент Росжелдора предоставления госуслуги по утверждению результатов оценки уязвимости объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств в установленной сфере деятельности, утвержденный приказом Минтранса России от 9.08.2012 № 292.

Оценка уязвимости объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств проводится специализированными организациями в области обеспечения транспортной безопасности, организациями и подразделениями ФСБ России и МВД России (ГУТ МВД России и его территориальные подразделения), с учетом требований по обеспечению транспортной безопасности на основе публичного договора по тарифам, устанавливаемым ФСТ России на товары (услуги) и госконтроль (надзор) за их применением. Например, они изложены в Административном регламенте ФСТ России по исполнению госфункции по установлению тарифов на услуги по проведению оценки уязвимости объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств, утвержденном приказом ФСТ России от 10.11.2010 № 534-а, а также в Методическом указании по расчету тарифов на услуги по проведению оценки уязвимости объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств, утвержденном приказом ФСТ России от 4.10.2010 № 477-а.

Результаты проведенной оценки уязвимости объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств утверждаются компетентными органами в области обеспечения транспортной безопасности. Все сведения о результатах проведенной оценки уязвимости объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств являются информацией ограниченного доступа. Сведения о результатах проведенной оценки уязвимости объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств, указанных в названном ФЗ, являются сведениями, составляющими гостайну.

Если оценка уязвимости морского судна включает в себя оценку охраны морского судна и проводится с учетом требований, установленных международными договорами РФ по охране судов и портовых средств, ФЗ о транспортной безопасности, а также принимаемыми в соответствии с ними иными НПА РФ. То, оценка уязвимости морского терминала, акватории морского порта включает в себя оценку охраны соответствующего портового средства и проводится с учетом требований, установленных международными договорами страны по охране судов и портовых средств, названным ФЗ, а также принимаемыми в соответствии с ними иными НПА РФ. Особенности оценки уязвимости акватории морского порта устанавливаются Минтрансом по согласованию с ФСБ и МВД России (ГУТ МВД России - основной субъект).

Госконтроль (надзор) за применением регулируемых государством цен (тарифов) на услуги по оценке уязвимости объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств также является основным способом регулирования вопросов безопасности на объектах транспортной инфраструктуры. ФСТ России. А к отношениям, связанным с осуществлением госконтроля (надзора) за применением регулируемых государством цен (тарифов) на услуги по оценке уязвимости объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств, организацией и проведением проверок специализированных организаций, осуществляющих деятельность по оценке уязвимости объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств, применяются положения ФЗ от 26.12.2008 № 294 «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» с учетом особенностей организации и проведения проверок, установленных ФЗ о транспортной безопасности.

Предметом проверки является соблюдение специализированной организацией в процессе осуществления своей деятельности установленных в соответствии с названным ФЗ тарифов на выполняемые (оказываемые) работы (услуги) по оценке уязвимости объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств. Основанием для проведения плановой проверки является истечение одного года со дня: госреги-

страции специализированной организации; окончания проведения последней плановой проверки.

Одним из способов обеспечения транспортной безопасности является категорирование объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств. Так, количество категорий и критерии категорирования объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств устанавливаются в порядке, определяемом Минтрансом России, по согласованию с ФСБ России, МВД России, и Минэкономразвитием России.

Данная работа осуществляется компетентными органами в области обеспечения транспортной безопасности, в последующем категорированные объекты включаются в реестр объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств, ведение которого осуществляют компетентные органы в области обеспечения транспортной безопасности в порядке, устанавливаемом Минтрансом России. Например, Приказ Минтранса России от 29.01.2010 № 22 (ред. от 27.08.2012) «О Порядке ведения Реестра категорированных объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств».

Кроме того, следует учитывать параллельно уровни безопасности объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств, т.е. в целях принятия мер по обеспечению транспортной безопасности устанавливаются различные уровни безопасности в транспортном комплексе. Они определены в Приказе Минтранса России от 08.02.2011 № 40 «Об утверждении Требований по обеспечению транспортной безопасности, учитывающих уровни безопасности для различных категорий объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств воздушного транспорта». А перечень уровней безопасности и порядок их объявления при изменении степени угрозы совершения акта незаконного вмешательства в деятельность транспортного комплекса например, установлены Постановлением Правительства РФ от 01.02.2011 № 42 (ред. от 16.02.2013) «Об утверждении Правил охраны аэропортов и объектов их инфраструктуры».

С учетом пересмотра вопросов безопасности в июле 2013 г. законодателями пересмотрены требования по обеспечению транспортной (в том числе требования к антитеррористической защищенности объектов (территорий), учитывающие уровни безопасности, предусмотренные названным ФЗ, для различных категорий объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств устанавливаются Правительством России по представлению Минтранса России, по согласованию с ФСБ России, МВД России, и Минэкономразвитием России. Указанные требования являются обязательными для исполнения всеми субъектами транспортной инфраструктуры.

На основании вышеизложенного и анализа ФЗ о транспортной безопасности следует отметить, что планирование и реализация мер по

обеспечению транспортной безопасности объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств выступает как обязательная форма проведения госполитики в области безопасности.

На основании результатов проведенной оценки уязвимости объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств субъекты транспортной инфраструктуры разрабатывают планы обеспечения. Планы предусматривают систему мер по обеспечению транспортной безопасности и порядок их разработки устанавливается Минтрансом России, по согласованию с ФСБ и МВД России. Все планы утверждаются компетентными органами в области обеспечения транспортной безопасности. А сведения, содержащиеся в планах обеспечения транспортной безопасности объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств, являются информацией ограниченного доступа. Сведения, содержащиеся в планах обеспечения транспортной безопасности объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств, указанных в ФЗ (ч. 2 ст. 4), являются сведениями, составляющими гостайну. Реализация планов осуществляется субъектами транспортной инфраструктуры, а в случаях, предусмотренных законодательством РФ, субъектами транспортной инфраструктуры совместно с органами госвласти или органами местного самоуправления либо исключительно органами госвласти. При этом, реализация плана транспортной безопасности акватории морского порта осуществляется капитаном морского порта. Или же план обеспечения транспортной безопасности морского судна является планом охраны морского судна, предусмотренным международными договорами страны в области охраны судов и портовых средств, и разрабатывается с учетом требований, установленных международными договорами РФ по охране судов и портовых средств, названным ФЗ, а также принимаемыми в соответствии с ними иными НПА РФ. А также план обеспечения транспортной безопасности морского терминала является планом охраны соответствующего портового средства, предусмотренным международными договорами РФ в области охраны судов и портовых средств, и разрабатывается с учетом требований, установленных международными договорами страны по охране судов и портовых средств, названным ФЗ, а также принимаемыми в соответствии с ними иными НПА РФ. И план обеспечения транспортной безопасности акватории морского порта является планом охраны соответствующего портового средства, предусмотренным международными договорами страны в области охраны судов и портовых средств, и разрабатывается с учетом требований, установленных международными договорами РФ по охране судов и портовых средств ФЗ о транспортной безопасности, а также принимаемыми в соответствии с ними иными НПА РФ.

С учетом присутствия человеческих факторов (угроза) в области обеспечения безопасности, названный нами ФЗ устанавливает ограни-

чения при приеме на работу, непосредственно связанную с обеспечением транспортной безопасности. Так, на работу, непосредственно связанную с обеспечением транспортной безопасности, не принимаются лица: имеющие непогашенную или неснятую судимость за совершение умышленного преступления; состоящие на учете в учреждениях органов здравоохранения по поводу психического заболевания, алкоголизма или наркомании; досрочно прекратившие полномочия по государственной должности или уволенные с государственной службы, в том числе из правоохранительных органов, органов прокуратуры или судебных органов, по основаниям, которые связаны с совершением дисциплинарного проступка, грубым или систематическим нарушением дисциплины, совершением проступка, порочащего честь госслужащего, утратой доверия к нему, если после такого досрочного прекращения полномочий или такого увольнения прошло менее чем 3 года; в отношении которых по результатам проверки, проведенной в соответствии с ФЗ «О полиции», имеется заключение ОВД о невозможности допуска этих лиц к осуществлению деятельности, связанной с объектами, представляющими повышенную опасность для жизни или здоровья человека, а также для окружающей среды.

При этом, по мнению авторов (Ф. Васильева), ввиду того, что большинство НПА Минтрансом России (его федеральными агентствами и службами) оценочные работы и разработка приказов подготавливаются (не совместные) без ведома МВД России, тогда как данный орган в соответствии с ФЗ о транспортной безопасности также обязан участвовать в разрешении определенных вопросов (и является субъектом обеспечения безопасности!). В связи с чем органам прокуратуры (Генеральной прокуратуре и даже СК России) следует провести анализ изданных НПА, в которых не участвовали (не с ведома, согласование) с МВД России. Ибо на практике еще не прослеживается об информировании Минтрансом о причинности и последствиях, а также о принятых мерах по «итогам» тех или иных ЧС (резонансных происшествий), допущенных по вине Минтранса России (Росжелдора, Росавтодора и др.). Кроме того, периодически необходимо выяснить все ли высокотехнологические электронные приборы безопасности установлены (приобретены) по согласованию с представителями ФСБ и МВД России. Ибо когда присутствует верховенство и независимость одного ведомства в области обеспечения той или иной безопасности, то невозможно говорить не только о верховенстве права, но и о государственных (конституционных) гарантиях.

Категория «иммунитет» в системе правового неравенства

Статья 19 Конституции Российской Федерации закрепляет принцип равенства перед законом и судом: «1. Все равны перед законом и судом. 2. Государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств». В Декларации прав и свобод человека, принятой 5.09.1991 и провозгласившей этот принцип, подчеркивается, что никакие лица, социальные слои и группы населения не могут пользоваться преимуществами и привилегиями, противоречащими закону (ст. 3)¹. Закрепляя принцип равенства граждан перед законом и судом, Конституция РФ одновременно содержит нормы, предусматривающие исключения из этого правила – относительно неприкосновенности и ответственности Президента РФ, членов Совета Федерации, депутатов Государственной Думы, судей (ст. 91, 98, 122). Нормы, содержащиеся в указанных статьях Конституции РФ, а также детализирующие их положения федерального законодательства, в литературе нередко рассматриваются как отступление от конституционного принципа равенства граждан перед законом и судом². Однако, во-первых, правовые иммунитеты – не единственные изъятия из принципа равноправия, поскольку в качестве таких изъятий могут рассматриваться также льготы и привилегии, во-вторых, такие изъятия являются необходимыми и легальными, поскольку направлены на решение задач, стоящих перед государством и обществом.

Правовая система использует значительное количество средств правового неравенства – правовые льготы, иммунитеты, привилегии, ограничения прав. При этом помимо различной правовой природы эти категории отличает также и неоднозначное отношение к их существованию со стороны общественного мнения и обыденного сознания – ряд средств правового неравенства, такие как льготы, например, воспринимаются достаточно благосклонно, другие – правовые иммунитеты – зачастую рассматриваются как нарушение конституционных и законодательных положений, хотя, как это ни парадоксально, устанавливают-ся такие средства правового неравенства легально путем закрепления в

¹ Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1991. № 37. Ст. 1083.

² Руднев В.И. Иммуитеты в уголовном судопроизводстве // Рос. юстиция. 1996. № 8. С. 28.

Конституции или законе. Какова же природа этих правовых средств, насколько являются они неотъемлемым элементом правовой системы.

Правовой иммунитет, как общеправовая категория, представляет собой правомерное изъятие в сфере юридической ответственности, устанавливаемое в специальных нормах в целях повышенной правовой защиты строго определенного круга лиц для обеспечения эффективности их деятельности по выполнению государственно и общественно значимых функций¹. Термин «иммунитет» используется и в общепотребительном смысле, и в общеправовом, кроме того, в каждой из разделов юридической науки он имеет свои особенности. Ф.А. Агаев и В.Н. Галузо справедливо полагают, что определение понятия иммунитета не может сводиться лишь к выборке существенных признаков этого понятия, предлагаемых энциклопедическими словарями и словарями современного русского литературного языка. Понятие иммунитет используется для обозначения правовой категории и поэтому оно имеет юридический смысл и значение, а также соответствующие правовые признаки. Следовательно, раскрыть понятие иммунитета, значит, выявить не только и не столько его общепотребительный смысл, сколько его правовые признаки, а в силу преходящего характера всякого правового явления – и его этимологию, происхождение².

Правовой иммунитет как юридическая категория с изменяющимся социально-историческим содержанием, претерпевшим существенную трансформацию при сохранении терминологии, сегодня в общеправовом смысле трактуется как освобождение определенного круга субъектов права из-под действия общих норм³, как исключительное право не подчиняться некоторым общим законам, предоставленное лицам, занимающим особое положение в государстве⁴. А.В. Малько и С.Ю. Суменков определяют правовой иммунитет как самостоятельное правовое средство государства, через которое оно предоставляет исключительное право лицам, занимающим особое положение в межгосударственных, государственных и общественных отношениях, не подчиняться некоторым общим законам⁵. С.С. Лампадова определяет институт юридического иммунитета «как совокупность взаимосвязанных по предметно-функциональному принципу правовых норм, регулирующих и охраняющих общественные отношения, складывающиеся в про-

¹ Сопельцева Н.С. Иммунитеты в конституционном праве Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2003. С. 8.

² Агаев Ф.А., Галузо В.Н. Иммунитеты в российском уголовном процессе. С. 5.

³ Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских. М., 2001. С. 220; Всемирная история государства и права: Энциклопедический словарь / под ред. А.В. Крутских. М., 2001. С. 138.

⁴ Словарь иностранных слов. М., 1989. С. 192-193.

⁵ Малько А.В., Суменков С.Ю. Правовой иммунитет: теоретические и практические аспекты // Журн. рос. права. 2002. № 2. С. 16.

цессе реализации отдельными субъектами права особых международных, государственных или общественных обязанностей»¹. Наделяя определенные категории лиц (дипломатов, консулов, депутатов и др.) правовым иммунитетом, государство тем самым подчеркивает особую значимость роли указанных лиц в государственных, межгосударственных и общественных отношениях.

Исходя из приведенных определений, можно обозначить некоторые черты правового иммунитета, требующие содержательного обсуждения: во-первых, иммунитет является самостоятельным правовым средством²; во-вторых, это своеобразное изъятие, правомерное исключение для конкретных лиц; в-третьих, иммунитет устанавливается в специальных юридических нормах.

Решение вопроса о правовой природе иммунитетов, требует, прежде всего, остановиться на таком аспекте проблемы как соотношение понятий «иммунитет», «привилегия», «льгота», поскольку иммунитет – это не единственное средство правового неравенства, и названные категории в совокупности составляют систему изъятий из общих норм, являются элементами специального правового статуса, средствами дополнения основных прав и свобод субъекта особыми, специфическими возможностями юридического характера. В юридической литературе названные понятия нередко рассматриваются почти как тождественные. Однако при всей их близости нельзя не обратить внимания на смысловые различия между ними. Полагаем, разграничение этих категорий необходимо в рамках полноценного научного анализа особенностей юридической природы иммунитетов как общеправовой категории.

Понятие льгота в словарях определяется как преимущественное право, облегчение, предоставляемое кому-нибудь как исключение из общих правил³, как предоставление кому-либо преимуществ, частичное освобождение от выполнения установленных правил, обязанностей или облегчение условий их выполнения⁴.

В юридической литературе можно встретить различные подходы к характеристике льгот. Ряд авторов под льготой понимают разновидность специальных прав граждан, предоставляемых некоторым груп-

¹ Лампадова С.С. Институт юридического иммунитета в системе российского права // Актуальные проблемы теории и истории государства и права: мат-лы межвуз. научн.-теоретич. конф. (19.12.2002) / под ред. В.П. Сальникова, Р.А. Ромашова. СПб., 2003. С. 172.

² Понятие правовых средств см., напр.: Алексеев С.С. Правовые средства: постановка проблемы, понятие, классификация // Совет. государство и право. 1987. № 6; Малько А.В. Правовые средства как общетеоретическая проблема // Правоведение. 1999. № 2; Шундилов К.В. Юридические средства реализации правовой политики // Правоведение. 1997. № 4.

³ Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1991. С. 334.

⁴ Большой энциклопедический словарь. М., 1993. С. 735.

пам населения, или же более высокий уровень прав для отдельных групп по сравнению с общим уровнем¹. Также льгота понимается как способ компенсации социально уязвимых групп или отдельных членов общества². По мнению В.М. Баранова, льготы – это поощрительное освобождение участника общественной жизни от некоторых установленных нормами права обязанностей³. А.В. Малько, используя понятие «правовая льгота», предлагает понимать под ней правомерное облегчение положения субъекта, позволяющее ему полнее удовлетворять собственные интересы и выражающееся как в предоставлении дополнительных, особых прав (преимуществ), так и в освобождении от обязанностей⁴. В свою очередь И.С. Морозова определяет правовые льготы как юридическое средство, с помощью которого создается режим наибольшего благоприятствования для удовлетворения интересов и потребностей субъектов, имеющее для последних компенсационное, стимулирующее либо гарантирующее значение⁵.

Исследуя проблемы правовых льгот А.В. Малько, выделяет депутатскую неприкосновенность как разновидность льгот, так называемые политические льготы⁶. Для подобного подхода имеются достаточные основания, – льготы и иммунитеты действительно обладают рядом общих признаков. Во-первых, они создают особый юридический режим, позволяют облегчать положение соответствующих субъектов, расширяют возможности по удовлетворению тех или иных интересов. Во-вторых, являются правостимулирующими средствами, побуждающими к определенному поведению и обозначающими положительную правовую мотивацию. В-третьих, названные средства являются гарантиями социально полезной деятельности, способствуют осуществлению тех или иных обязанностей. В-четвертых, выступают своеобразными изъятиями, правомерными исключениями, установленными в специальных нормах. В-пятых, это формы проявления дифференци-

¹ Лившиц Р.З. Социальная политика и ее правовое опосредование // Правовая система социализма. Т. 1. М., 1986. С. 198; Панкин М.Е. Льготы рабочим и служащим. М., 1979. С. 4; Витрук Н.В. Правовой статус личности в СССР. М., 1985. С. 83.

² Власть, демократия, привилегии. Материалы «круглого стола» // Вопросы философии. 1991. № 7. С. 47.

³ Баранов В.М. Поощрительные нормы советского социалистического права. Саратов, 1978. С. 66.

⁴ Малько А.В. Льготы: политико-правовой анализ // Общественные науки и современность. 1996. № 3. С. 48.

⁵ Морозова И.С. Льготы в российском праве: проблемы эффективности // Правоведение. 2001. № 4. С. 40.

⁶ Малько А.В. Льготы в праве: общетеоретический аспект // Правоведение. 1996. № 1.

ции юридического упорядочения социальных связей¹.

В то же время анализ правовых средств – льгот и иммунитетов позволяет говорить не только о наличии общих признаков, но и о существенных различиях между ними. Исходя из этого, А.В. Малько, исследовавший проблемы соотношения льгот, привилегий и иммунитетов, в более поздних работах при характеристике правовых иммунитетов обращается к занимающей, по его мнению, промежуточное положение категории «привилегия» и определяет иммунитет как особый вид привилегии, который наделяет своих обладателей единственным, но весьма значительным преимуществом – правовой неприкосновенностью; или же как «особые льготы и привилегии, преимущественно связанные с освобождением конкретно установленных в нормах международного права, Конституции и законах лиц от определенных обязанностей и ответственности, призванные обеспечивать выполнение ими соответствующих функций. Этимология термина привилегия следующая: латинское слово «privilegium» образовано от privus – отдельный, единичный и lex – право, закон, что означает соответственно «специальный закон для особого лица», исключительное право, преимущество, предоставленное кому-либо².

Исследование правовой природы иммунитетов через категорию «привилегия», является перспективным занятием в научном плане и, на наш взгляд, требует внести некоторые уточнения. Представляется, что категория «привилегия» понимается в юридической литературе как минимум в трех значениях.

Во-первых, привилегии могут пониматься как негативное явление, противозаконные преимущества отдельных категорий лиц, при этом за понятием привилегии не признается никакого позитивного правового содержания³. Во-вторых, термин «привилегия» может употребляться как синоним понятий «права и свободы», либо «гарантии прав и свобод»⁴. И, в-третьих, привилегия понимается как средство правового неравенства – категория, имеющая юридическую природу и позитивное правовое содержание⁵. Н.С. Бондарь и Ю.В. Капранова, признавая,

¹ Малько А.В., Суменков С.Ю. Правовой иммунитет: теоретические и практические аспекты // Журн. рос. права. 2002. № 2. С. 16.

² Словарь иностранных слов. М., 1988. С. 399; Словарь синонимов русского языка. М., 1986. С. 411.

³ Власть, демократия, привилегии. Материалы «круглого стола» // Вопросы философ. 1991. № 7. С. 47.

⁴ Конституция Российской Федерации: Проблемный комментарий / отв. ред. В.А. Четвернин. М., 1997. С. 255.

⁵ Власть, демократия, привилегии. Материалы «круглого стола» // Вопросы философ. 1991. № 7. С. 46-67; Малько А.В., Морозова И.С. Привилегии как специфическая разновидность правовых льгот // Правоведение. 1999. № 4. С.

что и льготы, и привилегии представляют собой преимущества, исключения из правил, улучшающие положение субъекта, предлагают разграничивать эти понятия по целям правового воздействия на общественные отношения, а также по достигнутым результатам установления соответствующего преимущества (в виде льготы или привилегии)¹.

Определение правового иммунитета как разновидности привилегий характерно для британской доктрины. М.И. Левина отмечает, что «...права, принадлежащие членам парламента (или то, что в современной языке называется «депутатскими иммунитетами»), различались как «привилегии» и «свободы»². При этом в работах Э. Мэя, например, содержится определение парламентский привилегий «как суммы особых прав, без которых невозможно осуществление функций и которые принадлежат каждой палате в целом как составной части Высокого Суда Парламента (High Court of Parliament) и членам палат в отдельности»³.

В отечественной юридической литературе существует мнение, что строгого разграничения иммунитетов, льгот и привилегий – изъятий из общего правила в международной договорной практике, а равно и во внутреннем законодательстве не проводится. Это объясняется тем, что «отдельные разновидности иммунитетов и привилегий представляют собой совокупности правил, обладающих признаками иммунитета в собственном смысле и признаками привилегий». Так, например, правило получения согласия на дачу дипломатическим агентом свидетельских показаний представляет собой льготу (дополнительную гарантию), которая служит целям обеспечения эффективного и беспрепятственного выполнения агентом своих функций, что является признаком иммунитета. Вместе с тем, само право отказаться от дачи свидетельских показаний также представляет изъятие из общего правила обязанности всякого лица дать такие показания по требованию компетентных органов уголовного судопроизводства и является признаком привилегии. Совокупность иммунитета и привилегии вместе с некоторыми другими льготами и изъятиями образуют правовой институт, который в международной доктрине и в теории уголовного процесса именуется свидетельским иммунитетом. Следовательно, каждый иммунитет и каждая привилегия не существуют в «чистом» виде, пред-

143-156; Суменков С.Ю. Привилегия как политико-правовая категория // Право и политика. 2002. № 5.

¹ Бондарь Н.С., Капанова Ю.В. Конституционное измерение равноправия граждан Российской Федерации. С. 50.

² Левина М.И. Парламентское право Великобритании XVII – начала XIX в. М., 2000. С. 39.

³ May, Sir Thomas Erskine. Treatise on the Law, Privileges Proceedings and Usage of Parliament. 16 edition. London, 1957. – Op. cit. P. 42. – Цит. по: Левина М.И. Парламентское право Великобритании XVII – начала XIX в. М., 2000. С. 39.

ставляя собой совокупность правил, обладающих признаками, как иммунитета, так и привилегии в собственном значении. Это дает ряду авторов основание утверждать, что термин «иммунитеты» является собирательным понятием, включающим: «иммунитеты в собственном значении этого слова или особые права, льготы, преимущества» и «привилегии, определяемые в международном праве как изъятия из общих правил юрисдикции»¹.

На наш взгляд, при исследовании правовой природы иммунитетов, как изъятий из общих правил, не стоит допускать подобного расширения толкования этого понятия за счет распространения отдельных свойств иммунитетов на те изъятия, которые имеют иные цели и выполняют иные функции в системе правового неравенства. Поэтому, признавая, что привилегия и иммунитет имеют целый ряд общих признаков, которые, с одной стороны, свидетельствуют о единой природе данных категорий, а с другой – вызывают трудности при их разграничении, мы считаем, что понятие «иммунитет» имеет самостоятельное правовое значение, обладает специфическими признаками, свидетельствующими о самостоятельной юридической природе и позволяющими выделить иммунитет в качестве отдельной правовой категории², отграничив от льгот и привилегий, что необходимо как для теории, так и для юридической практики.

В качестве таких признаков А.В. Малько и С.Ю. Суменков предлагают рассматривать цель иммунитета, круг лиц, на которых распространен иммунитет, а также так называемую «отрицательность» иммунитета. Мы предлагаем, определяя иммунитет как самостоятельное правовое средство выделять такие характеризующие его признаки, как функции и срок предоставления правовых иммунитетов.

Во-первых, иммунитет можно отграничить от льгот и привилегий по такому критерию, как социальное назначение и цель предоставления. Целью правового иммунитета является обеспечение выполнения соответствующими субъектами международных, государственных и общественных функций, служебных обязанностей. Эта характеристика сближает правовые иммунитеты с привилегиями, которые, как справедливо отмечается в литературе, «в основном сориентированы на политическую элиту, на властные органы и должностные лица»³, «могут распространяться лишь на тех, кто находится у власти и вершит

¹ Агаев Ф.А., Галузо В.Н. Иммунитеты в уголовном процессе. С. 105.

² Малько А.В., Суменков С.Ю. Правовой иммунитет: теоретические и практические аспекты // Журн. рос. права. 2002. № 2. С. 16.

³ Малько А.В., Морозова И.С. Привилегии как специфическая разновидность правовых льгот // Правоведение. 1999. № 4. С. 146.

власть»¹. В ст. 6 Четвертого протокола к Генеральному соглашению о привилегиях и иммунитетах Совета Европы, от 16.12.1961 подчеркивается, что «привилегии и иммунитеты предоставляются судьям не для их личной выгоды, а с целью обеспечить независимое осуществление их функций»².

Конституционный Суд РФ не раз подтверждал такую позицию. Так, в постановлении Конституционного Суда РФ от 20.02.1996 № 5-П по делу о проверке конституционности положений ч. 1 и 2 ст. 18, ст. 19 и ч. 2 ст. 20 Федерального закона от 8.05.1994 «О статусе депутата Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» было установлено, что неприкосновенность (парламентский иммунитет), закрепленная в ст. 98 Конституции РФ – важнейшая правовая гарантия деятельности парламентария. Она не является личной привилегией, а имеет публично-правовой характер, призвана служить публичным интересам, обеспечивая повышенную охрану законом личности парламентария в силу осуществляемых им государственных функций, ограждая его от необоснованных преследований, способствуя беспрепятственной деятельности парламентария и тем самым – парламента, их самостоятельности и независимости³.

Эта же позиция была подтверждена Конституционным Судом РФ в отношении неприкосновенности судей в постановлении от 7.03.1996 № 6-П «О проверке конституционности пункта 3 статьи 16 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» в связи с жалобами граждан Р.И. Мухаметшина и А.В. Барбаша»⁴. Конституционный Суд РФ установил, что конституционное положение о неприкосновенности судьи, закрепляющее один из существенных элементов статуса судьи и важнейшую гарантию его профессиональной деятельности, направлено на обеспечение основ конституционного строя, связанных с разделением властей, самостоятельностью и независимостью судебной власти (ст. 10 и 120 Конституции РФ). Конституционный Суд РФ подчеркнул, что судейская неприкосновенность является не личной привилегией гражданина, занимающего должность судьи, а средством защиты публичных интересов, и, прежде всего интересов правосудия. Судья призван осуществлять свои полномочия независимо от чьих-либо пристрастий и посторонних влияний. В этих целях Конституция РФ закрепляет специальные требования, предъявляемые к кандидатам на должности судей и порядку их назначения, гарантирует несменяе-

¹ Власть, демократия, привилегии. Материалы «круглого стола» // Вопросы философии. 1991. № 7. С. 55.

² Глогов С.А. Право Совета Европы и Россия. Краснодар, 1996. С. 145.

³ Вестник Конституционного Суда РФ. 1996. № 2.

⁴ СЗ РФ. 1996. № 14. Ст. 1549.

мость, независимость и неприкосновенность судей.

Во-вторых, признаком, характеризующим правовые иммунитеты, является круг лиц, на которых распространяется иммунитет. Иммунитеты предусматриваются, как уже отмечалось, исключительными нормами, что предполагает их распространение только на тех лиц, которые прямо предусмотрены в нормах международного права, Конституции и законах, и только в том объеме и в тех пределах, в которых они очерчены международным договором или законодательным актом.

В литературе правовой иммунитет традиционно связывается с лицами, занимающими те или иные должности, и рассматривается как совокупность особых правовых преимуществ, предоставляемых в соответствии с нормами международного права и конституцией страны определенному кругу лиц в силу занимаемой ими должности¹. Однако, будучи преобладающей, эта точка зрения не является единственной. Так, например, А.Д. Бойков не связывает правовой иммунитет исключительно с лицами, занимающими определенные должности, полагая, что иммунитет выводит «из-под действия общего законодательства отдельные государственные образования, профессиональные группы, должностных лиц»². С этой позицией трудно согласиться, поскольку, на наш взгляд, здесь происходит смешение понятия иммунитета как элемента специального правового статуса конкретного лица, занимающего особое положение в межгосударственных, государственных и общественных отношениях, и преимуществ, привилегий, предоставляемых в определенных случаях государственным образованиям или профессиональным группам.

Следует отметить, что существует так называемый свидетельский иммунитет, предусмотренный ч. 1 ст. 51 Конституции РФ: «Никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников, круг которых определяется федеральным законом». Наличие такого вида иммунитета, не связанного с определенным кругом лиц, занимающими ту или иную должность, позволяет отдельным авторам делать вывод, что иммунитет «более широкое понятие, которое охватывает юридические средства, содействующие осуществлению не только международных и государственных, но и общественных функций»³. Действительно наделение свидетельским иммунитетом происходит не в силу занимаемой должности, а в конкретных случаях, предусмотренных законом (свидетельским иммунитетом может

¹ Мирошник С.В. Правовые стимулы в российском законодательстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-н/Д, 1997. С. 15.

² Бойков А.Д. Иммунитет депутатский // Прокурорская и следственная практика. 1998. № 1. С. 159.

³ Малько А.В., Суменков С.Ю. Правовой иммунитет: теоретические и практические аспекты // Журн. рос. права. 2002. № 2. С. 17.

обладать любое лицо, обязанное давать свидетельские показания), однако, все остальные виды иммунитета четко увязаны с занимаемой должностью или выполняемой общественной функцией, что позволяет говорить о свидетельском иммунитете как определенном исключении.

В-третьих, правовой иммунитет может быть ограничен от правовых льгот и привилегий по выполняемым функциям. Правовые льготы и привилегии выполняют главным образом компенсаторную функцию. Как отмечают А.В. Малько и И.С. Морозова, льготы и привилегии «служат специфическими компенсационными мерами, устанавливаемыми за осуществление конкретных функциональных обязанностей»¹; и льготы для ветеранов, и привилегии для должностных лиц «пытаются определенными «доходами» возместить те «расходы», которые были затрачены в процессе их трудовой и иной деятельности»².

В отличие от льгот, правовой иммунитет, в силу ограниченной сферы своего действия – только сфера реализации юридической ответственности, – не призван выполнять компенсаторную функцию. Основная функция правового иммунитета – обеспечение повышенной охраны законом определенного круга лиц в силу осуществляемых ими государственных обязанностей в интересах всего общества.

В-четвертых, из признания правового иммунитета не личной привилегией гражданина, а средством защиты публичных интересов, следует, что иммунитет должен устанавливаться на конкретный срок, равный сроку исполнения должностных обязанностей. За пределами исполнения таких обязанностей теряется юридический смысл иммунитета. Например, иммунитет Президента РФ устанавливается на срок пребывания его на посту главы государства, который, согласно ч. 1 ст. 92 Конституции РФ, начинается с момента принесения Президентом РФ присяги и прекращается с момента принесения присяги вновь избранным Президентом РФ.

В-пятых, по сравнению с льготами и привилегиями, правовой иммунитет имеет достаточно узкую сферу применения, поскольку предоставляет дополнительные права, либо освобождает от обязанностей только в сфере реализации юридической ответственности. В свою очередь сфера применения таких средств правового неравенства как льготы и привилегии достаточно широка и охватывает многие сферы общественной жизни.

А.В. Малько и С.Ю. Суменков предлагают выделять такую отличительную черту правового иммунитета, как его отрицательность, сущность которой, по их мнению, заключается в том, что иммунитеты, также как льготы и привилегии, являются изъятиями из общих норм,

¹ Малько А.В., Морозова И.С. Привилегии как специфическая разновидность правовых льгот // Правоведение. 1999. № 4. С. 145.

² Там же. С. 145.

однако, если привилегии в большей мере воплощаются в преимуществах, так называемых положительных льготах, то иммунитеты, наоборот, проявляются в виде отрицательных льгот (освобождении от выполнения отдельных обязанностей – уплаты налогов, пошлин, освобождении от ответственности)¹.

Совокупность названных признаков, на наш взгляд, позволяет, во-первых, отграничить иммунитет от льгот и привилегий, и тем самым определить место правовых иммунитетов в системе правового неравенства, а во-вторых, свидетельствует о самостоятельной юридической природе иммунитетов. Общеправовая категория «иммунитет» может быть определена как самостоятельное правовое средство государства, через которое оно предоставляет исключительное право лицам, занимающим особое положение в межгосударственных, государственных и общественных отношениях, не подчиняться некоторым общим нормам в сфере юридической ответственности. Обладая общими признаками с иными средствами правового неравенства (правостимулирующий характер; гарантия социально полезной деятельности; правомерное исключение, установленное в специальных юридических нормах; форма проявления дифференциации юридического упорядочения социальных связей), правовой иммунитет может быть отграничен от льгот, привилегий, иных преимуществ по таким признакам, как: цель предоставления иммунитета; круг лиц, обладающих иммунитетом; «отрицательность» иммунитета как специфический способ достижения цели правового иммунитета; функции правового иммунитета в системе правового неравенства; срок предоставления правовых иммунитетов.

Именно с таких позиций, на наш взгляд, необходимо рассматривать правовые иммунитеты, предусмотренные законодательством РФ, в том числе и конституционно-правовые иммунитеты. Мы согласны с мнением тех авторов, которые полагают, что в условиях отсутствия прочных демократических правовых традиций в нашем обществе, отказ от уголовно-процессуального или административного иммунитета, или их существенное ограничение представляют реальную опасность².

Т.В. Клименко

Конституционные пределы допустимости раскрытия врачебной тайны (в аспекте последних законодательных новелл)

Последние годы с целью обеспечения и защиты конституционных прав гражданина, с одной стороны, и обеспечения безопасности обще-

¹ Малько А.В. Правовые иммунитеты // Правоведение. 2000. № 6. С. 14.

² Терехин В.А. Судейская дисциплина и ответственность – гарантия прав и свобод граждан // Журн. рос. права. 2001. № 8. С. 31.

ства, с другой стороны, объем информации о состоянии здоровья гражданина, защищенный врачебной тайной, стал пересматриваться как в сторону ее расширения, так и в аспекте ее ограничения.

Врачебная тайна – многогранное медицинское, правовое, социально-этическое понятие, которое закреплено в Федеральном законе от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в РФ» (далее – ФЗ-323), согласно которому «сведения о факте обращения гражданина за оказанием медицинской помощи, состоянии его здоровья и диагнозе, иные сведения, полученные при его медицинском обследовании и лечении, составляющие врачебную тайну» (ч. 1 ст. 13 ФЗ-323), разглашение которой не допускается «...и после смерти человека» (ч. 2 ст. 13 ФЗ-323).

Конфиденциальность сведений, составляющих врачебную тайну, закреплена также в Семейном кодексе РФ, п. 2 ст. 15 которого декларирует, что «результаты обследования лица, вступающего в брак, составляют медицинскую тайну и могут быть сообщены лицу, с которым оно намерено заключить брак, только с согласия лица, прошедшего обследование».

Врачебная тайна является одним из аспектов персональных данных, конфиденциальность которых защищена федеральным законом от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (далее – ФЗ-152), целью которого является обеспечение защиты прав и свобод человека и гражданина при обработке его персональных данных, в том числе защиты прав на неприкосновенность сведений о состоянии его здоровья.

В ст. 4 ФЗ-323 соблюдение врачебной тайны отнесено к основным принципам охраны здоровья. Указом Президента РФ от 06.03.1997 г. № 188 сведения, составляющие врачебную тайну, включены в перечень сведений конфиденциального характера, доступ к которым ограничен в соответствии с Конституцией РФ и федеральными законами.

Основы защиты врачебной тайны заложены в ст. 23 и 24 Конституции РФ, которыми каждый гражданин наделен правом на неприкосновенность частной жизни, на личную и семейную тайну. В соответствии с этими конституционными принципами российское законодательство устанавливает уголовную, административную, дисциплинарную и гражданско-правовую ответственность за разглашение врачебной тайны.

Хранителем сведений в рамках врачебной тайны помимо работников медицинского учреждения могут стать иные лица, допущенные к сведениям, содержащим врачебную тайну в силу своих служебных обязанностей – работники государственных органов (органов здравоохранения, правоохранительных органов), страховых медицинских организаций. Они также как и медицинские работники с учетом причиненного гражданину ущерба несут установленную законом ответственность за разглашение врачебной тайны. При этом обязанность

сохранения врачебной тайны возложена законом не только непосредственно на работника медицинской или иной организации, к ней допущенного в силу своей служебной или профессиональной деятельности, но и на руководителе данного учреждения.

Все обстоятельства, при которых допускается передача сведений, составляющих врачебную тайну, без согласия пациента или его законного представителя перечислены в ст. 13 ФЗ-323 и связаны и возрастом или психическим состоянием лица, не позволяющим выразить осознанно свою волю, с ситуациями, когда это противоречит интересам общества, при проведении разного рода экспертных исследований и освидетельствований, при расследовании несчастных случаев на производстве и при оказании медицинской помощи потерпевшим от противоправных действий, а также «по запросу органов дознания и следствия, суда в связи с проведением расследования или судебным разбирательством, по запросу органа уголовно-исполнительной системы в связи с исполнением уголовного наказания и осуществлением контроля за поведением условно осужденного, осужденного, в отношении которого отбывание наказания отсрочено, и лица, освобожденного условно-досрочно». Согласно ФЗ-152 обработка специальных категорий персональных данных без согласия гражданина также допускается только в оговоренных законом случаях, когда это «...необходимо для защиты его жизни, здоровья или иных жизненно важных интересов либо жизни, здоровья или иных жизненно важных интересов других лиц».

Сравнительно недавно законодательно был введен запрет на указание медицинского диагноза в листах временной нетрудоспособности, справках и иных медицинских документах, выдаваемых третьим лицам или самому пациенту для предъявления третьим лицам. Широко известен случай из судебной практики, когда был удовлетворен судебный иск к психоневрологическому диспансеру за нарушение врачебной тайны от гражданина, которому был выдан для предъявления по месту работы больничный лист, содержащий штамп и круглую печать лечебного учреждения, в данном случае – психоневрологического диспансера.

Наряду с ужесточением законодательных требований к сохранению конфиденциальности сведений о состоянии здоровья гражданина последние годы в федеральное законодательство были внесены изменения, существенно расширяющие границы конфиденциальности в рамках врачебной тайны.

23.07.2013 был принят Федеральный закон № 205-ФЗ «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с уточнением полномочий органов прокуратуры Российской Федерации по вопросам обработки персональных данных» (далее – ФЗ-205), которым внесены дополнения в Федеральный закон «О про-

куратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 № 2202-1 (далее – ФЗ-2202-1), в ФЗ-152 и ФЗ-323, согласно которым допускается предоставление сведений, составляющих врачебную тайну и являющихся персональными данными, по запросу органов прокуратуры в связи с осуществлением ими прокурорского надзора.

Еще до принятия ФЗ-205 региональные органы прокуратуры обращались в наркологические учреждения с требованием о предоставлении списков с персональными данными на всех лиц, находящихся на диспансерном учете или наблюдении в наркологическом учреждении. После принятия ФЗ-205 эти требования органов прокуратуры стали системными. Например, органы прокуратуры муниципальных образований Республики Саха (Якутия) требуют от наркологических организаций представлять им к 15 числу ежемесячно и без напоминаний персональные данные на всех лиц, состоящих на наркологическом учете у психиатра-нарколога, с отражением следующих данных: Ф.И.О., дата и место рождения, паспортные данные, адрес проживания (регистрации), телефон, семейное положение, профессия, специальность, занимаемая должность (при наличии), результаты медицинского обследования на предмет наличия зависимости от алкоголизма, наркомании и токсикомании. Горно-Алтайская городская прокуратура 5.08.2013 затребовала от психиатрической больницы республики Алтай списки лиц, состоящих на диспансерном учете у врача нарколога, «для проверки соблюдения законодательства о безопасности дорожного движения». На отказ администрации медицинской организации представить по данному запросу сведения со ссылкой на их незаконность прокуратурой было вынесено представление об административном правонарушении в отношении данной медицинской организации.

В связи с возникшей коллизией между органами прокуратуры и здравоохранения принципиальным является вопрос о сути прокурорского надзора и его полномочиях.

ФЗ-2202-1 предусматривает несколько форм прокурорского надзора: надзор за исполнением законов; за исполнением прав и свобод человека и гражданина; за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие; за исполнением законов администрациями органов и учреждений, исполняющих наказание и назначаемые судом меры принудительного характера, администрациями мест содержания задержанных и заключенных под стражу. При исполнении данных функций прокурорского надзора органы прокуратуры в рамках своих полномочий не подменяют иные государственные органы и должностных лиц, которые должны по закону осуществлять функции по контролю за соблюдением прав и свобод человека и гражданина.

В соответствии со ст. 21 ФЗ-2202-1 предметом прокурорского надзора является исполнение законов представительными (законода-

тельными) и исполнительными органами государственной власти субъектов РФ, органами контроля и их должностными лицами, органами управления и руководителями организаций. Соблюдение законодательства гражданами не включено в предмет прокурорского надзора. Кроме того, прокурорский надзор и проверки исполнения законов проводятся только на основании поступившей в органы прокуратуры информации о фактах нарушения законов, требующих принятия мер прокурором.

Таким образом, требования региональных и муниципальных органов прокуратуры о предоставлении персональных данных по всем лицам, которые находятся на диспансерном учете и под диспансерным наблюдением в наркологических учреждениях, и тем более возведение данной информации в статус ежемесячно отчетной, не подпадает ни под одну из форм прокурорского надзора, предусмотренного ФЗ-2202-1 и противоречат положениям ст. 13 ФЗ-323. В то же время в рамках проведения прокурорского надзора за соблюдением закона либо прав и свобод человека и гражданина в отношении конкретного лица, состоящего на диспансерном учете или диспансерном наблюдении в наркологическом учреждении, требования органов прокуратуры о предоставлении в отношении данного лица информации подлежат немедленному исполнению наркологическими организациями.

Усиление ответственности и увеличение количества удовлетворенных исков в связи с нарушением врачебной тайны неизбежно приведут к тому, что среди врачебного и среднего медицинского персонала вопросам сохранения врачебной тайны будет уделяться первоочередное значение наряду с охраной здоровья. Однако уже сейчас соблюдение основных законодательных и деонтологических положений должно стать важнейшим принципом медицинской деятельности, приближающим отечественную медицину к цивилизованным мировым стандартам.

А.С. Колесова

Конституция Российской Федерации как гарант прав и свобод человека и гражданина при расследовании насильственных преступлений в семье

В результате насильственных преступлений в семье нарушаются нормы Конституции РФ и международных актов. Так, Конституция РФ провозглашает право всех граждан на жизнь без насилия:

- п. 3 ст. 19: Мужчины и женщины имеют равные права и свободы, а также равные возможности для их реализации.

- п. 2 ст. 21: Никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию.

Это соответствует нормам Всеобщей Декларации прав человека, которая была принята Организацией Объединенных Наций в 1948 г.:

- ст. 1: Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах.

- ст. 5: Никто не должен подвергаться пыткам или жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство обращению и наказанию.

Проблема предотвращения насилия в условиях современной экономической и социальной ситуации в РФ чрезвычайно актуальна. Развитие негативных процессов в сложный для страны период обостряет дестабилизационные явления, негативно отражаясь в семейной сфере.

Реформирование экономического строя России сопровождается развитием целого ряда негативных процессов в социальной сфере, что, естественно, отражается и в области семейных отношений – современная российская семья переживает кризис. Разрушается ставший привычным уклад взаимоотношений между супругами: семья потеряла устойчивость, развод превратился из факта исключительного в обычный, ослабло родительское влияние. Отношения между мужчиной и женщиной часто не оформляются юридически, принимают форму партнерства, сожительства и т.п. Выяснение внутрисемейных отношений все чаще стали приобретать насильственный характер: от регулярных побоев до убийств.

В настоящее время насильственные преступления в семье занимают одно из лидирующих мест в числе значимых социальных проблем. Преступное поведение в семейно-бытовой сфере, в силу его значительной распространенности, причиняет обществу ощутимый вред.

Согласно данным МВД, от рук своих мужей, сожителей и родственников в России ежегодно погибает от 12 до 14 тыс. женщин, 2 тыс. женщин кончают жизнь самоубийством. Сотни тысяч получают увечья. Каждые 40 минут гибнет чья-то жена, сестра, мать¹. По данным международной правозащитной организации «Amnesty International» 70% российских женщин подвергаются психическому, сексуальному и физическому насилию со стороны своих мужей. Ассоциация кризисных центров в России установила, что 75 % мужей хотя бы раз ударили свою жену, и четверо из пяти на этом никогда не останавливаются². Насильственные преступления в семье приобретают все более жесткие формы и часто приводит к летальным исходам. Насильственным преступлениям в семье подвергаются не только женщины, но и дети, и престарелые люди, а также насилию могут подвергаться и мужья со

¹ URL: <http://www.svobodanews.ru>.

² Там же.

стороны своих жен. Насильственные преступления в семье существуют в разных формах, в разных проявлениях. Вдобавок, на сегодняшний день, многие случаи насилия были зарегистрированы между однополыми партнерами, потому что подобное поведение не присуще какой-то конкретной сексуальной ориентации.

Необходимость изложения данной проблемы определяется системообразующим значением семейно-бытовых отношений в сфере общечеловеческих ценностей, в самой истории человечества. Общеизвестно, что семья, являясь естественной и основной ячейкой общества, нуждается в надежной защите со стороны общества и государства.

Насильственные преступления в семье – это собирательное понятие, охватывающее: убийство; убийство малолетнего, лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии, женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности, совершенное с особой жестокостью; убийство, совершенное в состоянии аффекта; причинение смерти по неосторожности; доведение до самоубийства; причинение вреда здоровью различной степени тяжести; причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью в состоянии аффекта; побои; истязание; угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью; изнасилование; насильственные действия сексуального характера; понуждение к действиям сексуального характера; вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления и антиобщественных действий; неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего.

Насилие в семье – это процесс, состоящий из противоправного, виновного, систематического физического или психического воздействия на членов семьи со стороны одного из членов семьи, осуществляемое против их воли с целью вынудить людей совершить нежелательные для них действия путем причинения боли, обиды, физического стеснения (ограничения) как угроза или наказание.

Основанием для их объединения является совершение этих преступлений в кругу семьи (как официальной, так и неофициальной), в отношении членов семьи и они обусловлены деформированными семейными отношениями.

Специфика семейных отношений влечет за собой высокую латентность данных преступлений. Большинство выяснений отношений в семье, завершающиеся побоями, оскорблениями и т.д., так и остается за закрытыми дверями квартир – в поле зрения правоохранительных органов попадают только наиболее опасные преступления.

Механизм совершения насильственных преступлений в семье, обладает целым рядом сходных черт (объект посягательства, действия преступников, мотивы и т. д.), что, естественно, обуславливает выдвижение типичных одинаковых версий в процессе расследования и использование соответствующих им алгоритмов действий следователя по

их проверки, а также тактику проведения этих действий. Все это позволяет объединить рекомендации по расследованию преступлений, связанных с насилием в семье, в одну методику.

Анализ следственной и судебной практики показывает, что в процессе расследования преступлений, связанных с насилием в семье, допускается значительное число ошибок, упущений, просчетов и иных нарушений, которые отрицательно сказываются на ходе и результатах следствия.

Необходимым условием эффективной борьбы с преступностью вообще и насильственными преступлениями в семье, в частности является высокий уровень организации и деятельности следственного аппарата правоохранительных органов, повсеместное внедрение в следственную практику научных методов расследования. В свою очередь, это требует дальнейшего совершенствования теоретической базы раскрытия и расследования насильственных преступлений в семье, на основе глубокого анализа следственной и судебной практики и использования современных достижений юридических наук.

Г.В. Костылева

Некоторые проблемы досудебного соглашения о сотрудничестве

Федеральным законом от 29.06.2009 № 141-ФЗ были внесены изменения в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство, предусматривающие возможность заключения между сторонами обвинения и защиты соглашения о сотрудничестве, представляющего собой подачу обвиняемым (подозреваемым) через следователя письменного ходатайства о сотрудничестве на имя прокурора с указанием своих действий, которые обязуется совершить подозреваемый, обвиняемый в целях содействия следствию в раскрытии и расследовании преступлений, изобличения соучастников и розыска имущества добытого в результате преступления.

Внося соответствующие изменения в уголовно-процессуальное законодательство, связанные с порядком заключения досудебного соглашения о сотрудничестве и принятием судебного решения при его заключении, законодатель преследовал цели повышения эффективности деятельности правоохранительных органов по борьбе с организованной преступностью, раскрытия и расследования тяжких и особо тяжких преступлений, снижения уровня латентной преступности.

Н.Н. Апостолова по этому поводу справедливо пишет, что предусмотренный главой 40.1 УПК порядок принятия судебного решения имеет узкое специальное применение и является правовым инструментом эффективной борьбы с наиболее организованными, изощренными и опасными формами современной преступности. Как показывает ми-

ровой опыт, никаких других действенных способов борьбы с такого рода преступлениями и защиты от них законопослушных граждан, общества и государства пока придумать не удалось. Необходимо признать, что при всех своих недостатках особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве объективно востребован и необходим¹.

Вместе с тем, имеются и противоположные мнения, в частности Ю.В. Кувалдина пишет, что заключение досудебного соглашения о сотрудничестве с подозреваемым нежелательно. Свою позицию автор обосновывает тем, что объем обвинения, его квалификация, наличие отягчающих обстоятельств, от которых зависит возможность применения ч. 2 ст. 62 УК, а также размер содействия расследованию со стороны подозреваемого на первоначальном этапе расследования не ясны. Поэтому в соглашениях, заключенных прокурорами с подозреваемыми, обязательства последних прописаны схематично и сводятся к признанию ими своей вины в совершении преступления и даче показаний об обстоятельствах дела².

Полагаем, результативность и эффективность данного института зависит от сбалансированности правовой основы, регулирующей порядок его применения и реализации условий досудебного соглашения. Поэтому, как пишет А. Кучерена, невозможно согласиться с мнением, что введение в российское уголовное судопроизводство предусмотренного главой 40.1 УПК порядка принятия судебного решения повлечет только лишь негативные отрицательные последствия³.

Проведенный нами опрос респондентов относительно целесообразности введения в УПК института досудебного соглашения о сотрудничестве показал, что данное предложение поддерживают 47% следователей и прокуроров, нет – 43%; воздержались от ответа – 10%. По нашему мнению, отрицательные ответы были обусловлены тем, что нынешняя редакция закона, регламентирующая применение особого порядка принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, не совершенна и требует определенной корректировки.

Как представляется, особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве не должен

¹ Апостолова Н.Н. Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве необходимо совершенствовать // Российский судья. 2010. № 1. С. 14-17.

² Надзорные производства по уголовным делам № 201103029, № 201023512, № 200673723, № 201094622, № 201094200 // Архив Прокуратуры Самарской области.

³ Кучерена А. Ловушка для мафии или сделка с совестью? // Российская газета. 2009. 9 июня.

полностью подменять собой судебное разбирательство в общем порядке и использоваться в целях «экономии средств» (процессуальных, материальных и т.д.) упростить, ускорить процесс расследования преступлений и судебного разбирательства. Основополагающими ориентирами должны служить не стремление к удобству его применения для органов предварительного следствия, призванных осуществлять уголовное судопроизводство, а требование защиты прав участников уголовного судопроизводства — подозреваемого, обвиняемого и потерпевшего.

Предварительное расследование производится в форме предварительного следствия либо в форме дознания. Однако орган дознания не упоминается в УПК как участник досудебного соглашения о сотрудничестве. Несмотря на то, что данное положение было рассмотрено на заседании Пленума Верховного Суда РФ, который в своем постановлении от 28.06.2012 № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» разъяснил, что судам следует иметь в виду, что по смыслу положений ст. 317.1-317.4 УПК досудебное соглашение о сотрудничестве может быть заключено с обвиняемым (подозреваемым) при расследовании уголовного дела в форме предварительного следствия, в том числе и в случаях, предусмотренных в ч. 4 ст. 150 УПК¹, полагаем, это не исключает возможности заключать досудебное соглашение о сотрудничестве, в частности, по уголовным делам о преступлениях, совершаемых группой лиц по предварительному сговору. К таким преступлениям относятся преступления, расследование которых производится в форме дознания.

Согласно ч. 4 ст. 317.6 УПК положения главы 40.1 УПК не применяются, если содействие подозреваемого или обвиняемого следствию заключалось лишь в сообщении сведений о его собственном участии в преступной деятельности. Вместе с тем, судебная практика внесла свои коррективы в правила применения главы 40.1 УПК. Так, например, в практике применения судами Московской области норм главы 40.1 УПК об особом порядке принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве за 2010 г. и первое полугодие 2011 г. по уголовным делам о незаконном обороте наркотических средств досудебные соглашения о сотрудничестве были заключены с единственным обвиняемым по уголовному делу (11 дел). По указанным делам обвиняемые участвовали в проведении оперативно-розыскного мероприятия «проверочная закупка» и изобличали иных лиц, занимающихся сбытом наркотических средств. В таких случаях «продавец» и «покупатель» этих средств не являлись соучастниками —

¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 9.

они субъекты самостоятельных преступлений¹. Таким образом, складывающаяся следственная и судебная практика, выявила необходимость уточнения вопроса о том, возможно ли заключить такое соглашение с единственным обвиняемым по делу.

Считаем необходимым остановиться еще на одной проблеме. Так, С.С. Ключников отмечает, что по смыслу п. 61 ст. 5 УПК институт досудебного соглашения о сотрудничестве позиционируется законодателем исключительно как процессуальный. Об этом наглядно свидетельствует и терминология названного пункта (стороны обвинения и защиты, подозреваемый, обвиняемый и т.п.) и его содержание (соглашение между сторонами). Однако более тщательный анализ указанной дефиниции дает основание для вывода о том, что в основе рассматриваемого института лежат уже известные УК положения о явке с повинной, деятельном раскаянии и активном способствовании раскрытию преступления, изобличению других соучастников преступления и розыску имущества, добытого в результате преступления. Сюда же следует относить и специальные виды освобождения от наказания, предусмотренные Особенной частью УК. В связи с этим, по мнению указанного автора, не выдерживает критики и формулировка п. 61 ст. 5 УПК относительно того, что в ходе досудебного соглашения о сотрудничестве «...указанные стороны согласовывают условия ответственности». Свой тезис он аргументирует следующим. Во-первых, уголовная ответственность императивна по своей природе, а применительно к рассматриваемому институту она регламентирована в ст. 62, 64 и 75 УК. Во-вторых, в ст. 63.1 УК закреплено лишь последствие нарушения условий досудебного соглашения о сотрудничестве или его ненадлежащего исполнения – суд назначает наказание в общем порядке без применения положений ч. 2, 3 и 4 ст. 62 УК. В данном случае возникает вопрос: нет ли здесь оснований для усиления наказания, в силу проявления подозреваемым (обвиняемым) неуважения к органам следствия и суда? Кроме того, действующая редакция ст. 63.1 УК предоставляет подозреваемым (обвиняемым) дополнительную возможность для затягивания сроков предварительного следствия, оставаясь при этом, по сути, безнаказанными. В результате вместо повышения эффективности расследования преступлений возникнет противоположный эффект, т.е. цель введения анализируемого института остается изначально нереализованной².

Полагаем, в результате возникает парадоксальная ситуация, при ко-

¹ Официальный сайт Московского областного суда. URL: <http://www.mosoblsud.ru>.

² Ключников С.С. Проблемы законодательной регламентации института досудебного соглашения о сотрудничестве в РФ // Общество и право. 2010. № 3. С. 132-134.

торой и для стороны обвинения, и для стороны защиты заключение соглашения о досудебном сотрудничестве не является в ряде случаев целесообразным, поскольку несогласованность норм УК и УПК приводит к тому, что теряет свое практическое значение введение досудебного соглашения о сотрудничестве.

Особое процессуальное значение имеет представление прокурора об особом порядке проведения судебного заседания. Законодателем данное положение указано в качестве основания проведения судебного разбирательства в порядке главы 40.1 УПК. В этом случае, в отличие от особого порядка судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением, регламентированного главой 40 УПК, инициатива в применении сокращенной формы судебного разбирательства исходит не от обвиняемого и не является его волеизъявлением, влекущим определенные процессуальные последствия, а принадлежит прокурору и выражается в процессуальном решении, которое в соответствии с ч. 4 ст. 7 УПК должно быть законным, обоснованным и мотивированным. Если прокурором не будет вынесено соответствующего представления, например, в случае признания им ненадлежащего выполнения обвиняемым принятых на себя обязательств по досудебному соглашению о сотрудничестве, обвиняемый лишен возможности повлиять на проведение судебного разбирательства в порядке, установленном главой 40.1 УПК.

Кроме того, законодатель установил, что в случае утверждения обвинительного заключения прокурор выносит представление об особом порядке проведения судебного заседания и вынесения судебного решения по данному уголовному делу (ст. 317.5 УПК). Вместе с тем, порядок прекращения действия досудебного соглашения и вынесения постановления об отказе от вынесения представления об особом порядке проведения судебного заседания и вынесения судебного решения по уголовному делу предусмотрен не нормами УПК, а приказом Генеральной прокуратуры РФ от 15.03.2010 № 107 «Об организации работы по реализации полномочий прокурора при заключении с подозреваемыми (обвиняемыми) досудебных соглашений о сотрудничестве по уголовным делам» (п. 1.13-1.16)¹.

Думается, что решение этих вопросов потребует от законодателя внесения соответствующих изменений в закон и более четкой регламентации порядка заключения досудебного соглашения о сотрудничестве, предусмотренного главой 40.1 УПК, в которой будут предусмотрены гарантии обеспечения прав обвиняемого на защиту, давшего со-

¹ Приказ Генпрокуратуры РФ от 15.03.2010 № 107 «Об организации работы по реализации полномочий прокурора при заключении с подозреваемыми (обвиняемыми) досудебных соглашений о сотрудничестве по уголовным делам» // Законность. 2010. № 6.

гласие на сотрудничество со следствием. Полагаем, особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве должен будет побуждать подозреваемых, обвиняемых к признанию вины, к раскаянию в совершении тяжкого преступления, к оказанию содействия органам предварительного следствия в расследовании и раскрытии наиболее общественно опасных преступлений, что позволит более эффективно осуществлять защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод, а также назначение виновным справедливого наказания и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитации каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию.

С.В. Крашенинников

Особенности реализации презумпции невиновности на стадии предварительного расследования

Презумпция невиновности, понятие которой дано в ст. 49 Конституции РФ, является одной из гарантий прав и свобод человека и гражданина. Её закрепление преследует своей целью преодоление обвинительного уклона со стороны лица, осуществляющего предварительное расследование, и обеспечение защиты личности от незаконного и необоснованного ограничения ее прав и свобод. Конституционная дефиниция презумпции невиновности является основой для отраслевого законодательства, в том числе УПК РФ, в котором она закреплена отдельной нормой.

Изучение материалов судебной статистики показывает, что около трети от общего числа лиц, привлекавшихся к уголовной ответственности, не признаются судом виновными. Так, в 2009 г. из 1211476 лиц, привлеченных к уголовной ответственности, только 922779 были признаны судом виновными, в 2010 г. из 1197352 – 867822, в 2011 г. из 1111364 – 806728, в 2012 г. из 1055456 - 764263¹.

В связи с этим презумпция невиновности необходима для создания условий, способствующих независимому и беспристрастному расследованию уголовного дела и защите лиц, необоснованно подвергшихся уголовному преследованию. Верховный Суд РФ в своем постановлении указал, что «при рассмотрении уголовных дел должен соблюдаться закрепленный в ст. 49 Конституции РФ принцип презумпции невиновности, согласно которому каждый обвиняемый

¹ Сведения о работе судов общей юрисдикции за 12 месяцев 2009-2012 гг. URL: <http://www.cdep.ru>.

в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда»¹.

Очевидно, что целью презумпции невиновности в УПК РФ является исключение необоснованного привлечения к уголовной ответственности граждан. Законодатель искусственно закрепил в уголовное судопроизводство правовую презумпцию, по которой до вынесения обвинительного приговора лицо считается невиновным. В связи с этим, как гарантия прав и законных интересов граждан, она имеет большое значение, поскольку «исходит из вполне разумного и реального предположения, что лишь соблюдение уголовно-процессуальных гарантий истины и личности, предшествующее, согласно закону, вынесению решения по существу дела, обеспечивает достоверность вывода о виновности»².

Как представляется, сущность презумпции невиновности заключается не в том, что обвиняемый, подозреваемый является невиновным, а в том, что, пока нет вступившего в законную силу приговора суда, нет и виновного в совершенном преступлении. По этому поводу И.А. Либус отмечал, что в такой презумпции, «связь между фактами определяется в негативной форме: нет обвинительного приговора, вступившего в законную силу, значит, обвиняемый (подозреваемый) и подсудимый считаются невиновными»³.

Статья 171 УПК РФ определяет возможность привлечения лица в качестве обвиняемого только при наличии достаточных доказательств, дающих основание для обвинения. После этого в целях соблюдения прав обвиняемого следователь (дознатель) обязан допросить его по предъявленному обвинению (ч. 1 ст. 173 УПК РФ), а затем проверить доводы, противоречащие обвинению. Необходимость привлечения в качестве обвиняемого обусловлена имеющимися доказательствами. Поэтому с момента наделения лица этим статусом, следователь (дознатель) будет считать преступление раскрытым.

Как отмечал В.М. Савицкий, если никого ни в чем не обвиняют, то говорить в данном случае о презумпции невиновности просто

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.1995 № 8 (ред. от 06.02.2007) «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» // Бюллетень Верховного суда РФ. 1996. № 1.

² Петрухин И.Л. Внутреннее убеждение суда и правовые презумпции // Советское государство и право. 1964. № 3. С. 63.

³ Либус И.А. Презумпция невиновности и прекращение уголовных дел // Советское государство и право. 1981. № 7. С. 62.

бессмысленно¹. Именно поэтому, по мнению М.А. Дрягина, «в законе нельзя указать о невиновности обвиняемого, но можно констатировать, что он считается невиновным. Тем самым законодатель как бы предполагает, допускает возможность виновности лица, но указывает, что этого недостаточно, чтобы признать его виновным»².

Результаты проведенного опроса следователей (дознавателей) показывают, что на момент привлечения лица в качестве обвиняемого 57% опрошенных уверены в виновности лица, 30% – иногда уверены и лишь 13% – никогда не уверены. При составлении обвинительного заключения или обвинительного акта в виновности обвиняемого убеждены 70% – опрошенных, 25% – иногда убеждены, 5% не убеждены никогда.

Вместе с тем эти данные не свидетельствуют о том, что деятельность следователя (дознавателя) исключает установление ими обстоятельств, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания. Об этом же отмечается в постановлении Конституционного Суда РФ от 29.06.2004 № 13-п «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной думы», где указывается, что «исходя из предписаний статей 2, 18 и 45 (часть 1) Конституции Российской Федерации о том, что государственная защита прав и свобод человека и гражданина гарантируется, и именно права и свободы человека и гражданина определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти и обеспечиваются правосудием, дознаватель, следователь, прокурор и суд, осуществляя доказывание, обязаны принимать в установленных процессуальных формах все зависящие от них меры к тому, чтобы были получены доказательства, подтверждающие как виновность, так и невиновность лица в совершении инкриминируемого ему преступления»³.

Очевидно, что вывод о виновности или невиновности лица на стадии предварительного расследования делается следователем, дознавателем в обвинительном заключении, в обвинительном акте или обвинительном постановлении. Тем не менее, этот вывод является предварительным, окончательное решение остается за судом, тем самым закон не придает значения итоговому решению следователя (дознавателя).

¹ Савицкий В.М. По поводу уголовно-процессуальных гарантий прав невиновного на реабилитацию // Советское государство и право. 1965. № 9. С. 54.

² Дрягин М.А. Презумпция невиновности в российском уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2004. С. 95.

³ СЗ РФ. 2004. № 27. Ст. 2804.

В связи с этим нельзя согласиться с мнением отдельных авторов, которые считают, что презумпция невиновности действует только до привлечения лица в качестве обвиняемого, а следователь, прокурор и суд должны исходить из презумпции виновности¹.

Возможность признания лица виновным в совершении преступления, допустима только при наличии определенного порядка судебного производства, при котором происходит полное и всестороннее исследование всех обстоятельств дела.

Вместе с тем, следует учитывать, что презумпция невиновности, совсем не равнозначна утверждению о невиновности обвиняемого. В соответствии с ее положениями, необходимо относиться к лицу как к невиновному до тех пор, пока обратное не будет установлено судом. Это требование должно соблюдаться во всех случаях привлечения лица к уголовной ответственности.

Данная презумпция может быть опровергнута только вступившим в законную силу приговором суда, подтверждающим виновность обвиняемого. В связи с этим, представляется спорной точка зрения В.П. Нажимова, который считает, что «уголовно-процессуальный закон устанавливает необходимость неоднократного опровержения презумпции невиновности обвиняемого (как минимум она должна быть опровергнута трижды: на предварительном расследовании, у прокурора, потом в суде первой инстанции, а затем во всех случаях рассмотрения дела в вышестоящих инстанциях)»².

Неверным будет полагать, что презумпция невиновности прекращает свое действие с того момента, как орган следователь (дознатель) соберет доказательства, достаточные для признания обвиняемого виновным. Следует согласиться с мнением В.П. Божьева, который полагает, что «предположение о невиновности действует до тех пор, пока на основе достаточных, достоверных и объективных доказательств в предусмотренном законом порядке не будет установлена приговором суда виновность лица в совершении преступления»³.

В связи с этим полагаем, что на стадии предварительного расследования исследуемая презумпция не получает какого-либо опровержения.

¹ Либус И.А. Презумпция невиновности в советском уголовном процессе. Ташкент, 1981. С. 83.

² Нажимов В.П. Дискуссионные вопросы о принципах советского уголовного процесса // Вопросы организации суда и осуществления правосудия в СССР: труды кафедры правоведения Калининградского государственного университета. Вып. 4. Калининград, 1975. С. 34-35.

³ Божьев В.П. Уголовный процесс. М., 1998. С. 87.

Вместе с тем она не призвана сделать лицо, совершившее преступление, невиновным. Положения презумпции невиновности означают, что органы, производящие предварительное расследование, не должны относиться к подозреваемому (обвиняемому) с предубеждением в их заведомой виновности. Она также обязывает сторону обвинения выяснять все обстоятельства дела и, доказывая вину обвиняемого, не пренебрегать обстоятельствами, оправдывающими его.

А.С. Лукомская

Проблема реализации права на обжалование процессуальных действий и решений

Конституция РФ в ч. 2 ст. 46 закрепляет норму о праве на обжалование в суд решений и действий (или бездействий) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц.

Уголовное судопроизводство имеет своим назначением защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений.

Статья 19 УПК РФ содержит норму, регламентирующую право на обжалование процессуальных действий (бездействий) и решений органа дознания, дознавателя, начальника подразделения дознания, следователя, руководителя следственного органа, прокурора и суда.

Для реализации этого принципа уголовного судопроизводства в главе 16 УПК РФ сосредоточена совокупность норм, регулирующая порядок обжалования действий и решений суда и должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство.

Старая редакция ч. 1 ст. 125 УПК РФ закрепляла право обжаловать постановления дознавателя, следователя, руководителя следственного органа об отказе в возбуждении уголовного дела в районный суд по месту производства предварительного расследования. И тогда возникал вопрос, о каком предварительном расследовании идет речь, если уголовное дело не возбуждено.

Новая редакция ч. 1 ст. 125 УПК РФ с 3.08.2013 также провоцирует ряд вопросов. Один из них, например, связан с проблемой реализации права на обжалование процессуальных действий и решений. Так, постановление дознавателя, следователя, руководителя следственного органа об отказе в возбуждении уголовного дела может быть обжаловано в районный суд по месту совершения деяния, содержащего признаки преступления.

В этой связи интересным представляются понятие и содержание таких правовых категорий как «деяние, содержащее признаки преступ-

ления», «место совершения деяния, содержащего признаки преступления» и каков механизм реализации права на обжалование постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, если место совершения деяния, содержащего признаки преступления не установлено.

Законодатель еще с Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик использует понятие «деяние, содержащее признаки преступления» более тридцати лет, еще с Указа Президиума Верховного Совета СССР от 13.08.1981 «О внесении изменений и дополнений в Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик». С этого времени это понятие является дискуссионным, но до сегодняшнего дня единого понимания правовой природы этого словосочетания нет.

Следует различать понятие «деяния, содержащего признаки преступления», предусмотренного уголовно-процессуальным законодательством и близкое по значению, но не равнозначное понятие «деяния, содержащего все признаки состава преступления», которое выступает основанием уголовной ответственности согласно ст. 8 УК РФ.

Ситуация, когда остается не ясным в какой суд обжаловать постановление об отказе в возбуждении уголовного дела вынесенное дознавателем, следователем, руководителем следственного органа, если место совершения деяния, содержащего признаки преступления не установлено, нарушает конституционное право на обращение в суд с жалобой на решения и действия (или бездействие) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц и требует скорейшего разрешения.

Т.Н. Матюшева

Конституционные гарантии защиты права на образование детей-сирот в Российской Федерации

Постоянное внимание юридической науки к анализу конституционных гарантий защиты права на образование детей-сирот в РФ, ценностей гуманизма, свободы, социальной справедливости, равенства в механизме правового регулирования образовательных отношений, определяется значением образования для личности, гражданского общества, государства.

Как отмечает в «Российской газете» Председатель Следственного комитета Российской Федерации А.И. Бастрыкин, «Сиротская» статистика страшна. За прошедшие 5 лет только Следственный комитет расследовал 511 таких уголовных дел о преступлениях против детей-сирот. Более половины из них (300) уголовные дела о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности; 59 – о причинении тяжких телесных повреждений и убийстве детей; 23 –

о хищениях имущества несовершеннолетних; 3 – о вовлечение в занятия проституцией. Жертвами преступников стали 276 ребят»¹.

Действительно, сиротская статистика ужасает. Добавим: П. Астахов, Уполномоченный при Президенте РФ по правам ребенка, информировал, что на 1.10.2012 количество детей-сирот, зарегистрированных в России, превысило 660 тысяч. Из них на полном государственном обеспечении находится около 106 тысяч воспитанников, в том числе социальные сироты².

В дни, когда вся Россия отмечает 20-летие Конституции РФ, актуализируется анализ конституционных гарантий защиты права на образование детей-сирот, так как одним из путей минимизации сиротских бед, на наш взгляд, можно считать налаживание функционирования образования этих детей. Конституционные принципы, конституционный институт прав и свобод человека и гражданина, компетенционные нормы Конституции РФ, посвященные вопросам образования, цели и задачи реализации статуса личности, в нормах и институтах Основного Закона определяющие основы организации и функционирования системы образования – вот что позволяет считать: Конституции РФ принадлежит особая, фундаментальная роль в публично-правовом регулировании защиты не образовательных отношений в общем их числе, но, прежде всего, образовании детей-сирот.

Конституционная норма о признании человека высшей ценностью служит защите права на образование, будучи ориентиром для его совершенствования, оказывает определяющее влияние не только на его содержание, но и на всю систему образования, на ее потенциальные возможности. В основе процесса законодательного регулирования образовательных отношений должны быть положены конституционные ценности гуманизма, равенства, социальной справедливости, свободы выбора. Сбалансирование названных ценностей, если законодатель их не противопоставляет и не ставит под сомнение значимость хотя бы одной из них, достижимо в рамках социально-правовых условий развития образования. В этом случае сами ценности выступают в качестве определенных конституционно-правовых императивов нормативного регулирования образовательных отношений³. Универсальный характер конституционных принципов, распространяясь на все формы получения образования, не исключает установления определенных особенностей его реализации детьми-сиротами, детьми, оставшимися без попе-

1 Война в детском мире // Российская газета. 2013. 7 февраля.

2 Количество детей-сирот, зарегистрированных в России превысило 660 тысяч: URL: <http://www.webecon.ru>.

³ См. подробно: Матюшева Т.Н. Конституционные принципы – основа модернизации образования лиц со специальным правовым статусом // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 4. С. 35-38

чения родителей. Образовательно-правовой статус обучающихся определяется характеристиками, позволяющими выделить две наиболее общие категории – обычные обучающиеся (в отношении них нет необходимости разрабатывать особые правила защиты права на образование) и субъекты со специальным социальным статусом (в отношении них необходимо создание особых условий для реализации права на образование).

Смысловым ядром национального законодательства, регулирующего общественные отношения по реализации права на образование исследуемыми субъектами, выступает идея баланса конституционных ценностей; право на образование обязательно должно находиться в гармонии как с общественными, публичными (государственными) интересами, так и интересами субъектов-обучающихся, и при возникновении между ними противоречий последние должны разрешаться именно в пользу соблюдения интересов личности в целях осуществления ею права на образование. Закрепление в Конституции принципа социального государства полностью распространяется на детей-сирот, выделяя их в предмет особой заботы государства, что позволяет назвать их специальными субъектами социальной политики государств. Все нуждающиеся дети-сироты, дети, оставшиеся без попечения родителей, должны быть обеспечены общедоступным и бесплатным специальным образованием и иметь реальную возможность выбора образовательной организации.

Социальное государство, предоставляя возможность реализации права на образование субъектам со специальным статусом, создает определенную направленность всей общественной жизни. Имеющий реальную возможность получения образования человек и гражданин не только становится сознательным участником гражданского общества, но пользуется доверием государства, опирающегося на его умение сочетать личные и общегосударственные интересы в своих действиях. Субъектами со специальным социальным статусом являются дети-сироты, дети, оставшиеся без попечения родителей. Особенности статуса этих субъектов обусловлены влиянием на реализацию права на образование отсутствия родителей как конституционно обязанных субъектов, нахождением в специальных учебно-воспитательных организациях. Названные факторы не позволяют (либо делает нецелесообразным) применение к ним ряда общих положений, регламентирующих правовой статус иных обучающихся.

Дети-сироты, дети, оставшиеся без попечения родителей – специальный субъект социальной политики государства. Она декларирует две основные задачи: во-первых, защиты наиболее уязвимых слоев населения от жесткого воздействия формирующегося рынка и, во-вторых, содействия экономической активизации различных слоев населения и на этой основе – способствования освобождению государ-

ства от функции непосредственного «опекуна» своих граждан, преодоления советского наследия государственного патернализма в социальной сфере¹. Проблемы, возникающие при реализации конституционного права на образование детьми-сиротами, детьми, оставшимися без попечения родителей, можно решать только в совокупности с общими параметрами взаимответственности человека, общества и государства в деятельности по образованию; с очерчиванием границ деятельности государства по поводу вторжения в социальную сферу. Соотношение прав и обязанностей государства и личности предполагает активную роль государственно властных структур, осуществляющих на четкой конституционно-правовой основе защиту субъектов права на образование, гарантирование конституционно закрепленного права на образование, с одной стороны, и активизацию каждой личности по включению в образовательную деятельность, с другой.

На конституционных ориентирах основано становление институтов приемной семьи и патроната как форм устройства и средства оптимизации образования детей-сирот. Функционирование данных институтов имеет целью способствовать тому, чтобы, с одной стороны, в системе образования ее субъекты не дублировали друг друга по целям, задачам, функциям, с другой стороны, – созданию средствами системы образования возможностей реализации социальных функций государства. Расширение субъектного состава детей, получивших возможность для устройства в семью, за счет детей, свободных юридически, но имеющих мало шансов на усыновление позволяет сделать вывод о развитии и конкретизации конституционных норм, выраженных в ч. 2 ст. 7 об обеспечении государственной поддержки детства, ч. 1 ст. 38 о нахождении под защитой государства материнства и детства, семьи.

С 1.09.2013 вступил в силу Федеральный закон № 273 «Об образовании в Российской Федерации» (далее – ФЗ № 273)². Он является основополагающим нормативным правовым актом в сфере образования. Считаю важным подчеркнуть: ст. 36 исследуемого ФЗ содержит норму о назначении государственной социальной стипендии студентам, являющимся детьми-сиротами и детьми, оставшимися без попечения родителей, лицами из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Данный факт следует расценить как положительный. Положительно также расценивается невозможность (ст. 43) отчисления несовершеннолетних обучающихся детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, принимаемых, достигших возраста пятнадцати лет и не получивших основного общего образования, как меры дис-

¹ Бондарь Н.С. Конституционный Суд Российской Федерации – гарант социальных прав граждан // Право и власть. 2002. № 2.

² Федеральный закон РФ от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Российская газета. 2012. 31 декабря.

дисциплинарного взыскания, без согласия комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав и органа опеки и попечительства.

В соответствии с п. 3 ст. 63 ФЗ № 273 лица, находящиеся в организациях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, организациях, осуществляющих лечение, оздоровление и (или) отдых, или в организациях, осуществляющих социальное обслуживание, получают начальное общее, основное общее, среднее общее образование в указанных организациях, если получение ими данного образования не может быть организовано в общеобразовательных организациях. В соответствии с п. 3 ст. 65 ФЗ № 273 за присмотр и уход за детьми-инвалидами, детьми-сиротами и детьми, оставшимися без попечения родителей, а также за детьми с туберкулезной интоксикацией, обучающимися в государственных и муниципальных образовательных организациях, реализующих образовательную программу дошкольного образования, родительская плата не взимается. Названные выше положения не разнообразили права детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей и обязанности по сравнению с ранее действовавшим законом.

Гораздо печальнее сужение прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей в новом ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». В соответствии с п. 7 ст. 71 ФЗ № 273 право на прием на подготовительные отделения федеральных государственных образовательных организаций высшего образования на обучение за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета имеют дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, а также лица из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. В соответствии с п. 6 ст. 86 ФЗ № 273 дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, пользуются преимущественным правом приема в общеобразовательные организации, которые реализуют образовательные программы основного общего и среднего общего образования, интегрированные с дополнительными общеразвивающими программами, имеющими целью подготовку несовершеннолетних граждан к военной или иной государственной службе, в том числе к государственной службе российского казачества.

Права на поступление в вузы вне конкурса дети-сироты не имеют, хотя никто не будет спорить, что взаимная солидарная ответственность за результаты социального развития всех субъектов социальной политики: государства, его органов, в том числе следственных, неправительственных объединений, предпринимателей, граждан ведет к стимулированию (через создание правовых, финансово-экономических и организационных условий) активного участия детей-сирот, детей,

оставшихся без попечения родителей, в реализации права на образование.

Задачи государства и личности в сфере образования, таким образом, не только не исключают, но и взаимодополняют друг друга; сфера образования детей-сирот, в русле приведенной выше статистики, тесно связана с расследованиями Следственным комитетом уголовных дел о преступлениях против детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей; при этом государство не сможет обеспечить условия формирования личности, в частности, детей-сирот без обеспечения соблюдения конституционных принципов при расследовании преступлений.

А.О. Машовец

Состязательность и институт возвращения судом уголовного дела прокурору

Научные споры относительно содержания конституционно-правового принципа состязательности не утихают. Не менее спорными являются предложения по усовершенствованию системы гарантий установления истины по делу, восстановления справедливости и обеспечения прав личности, в том числе потерпевшего. В последнее время наметился поворот в дискуссиях о направлении дальнейшей судебной реформы – в связи со знаковыми изменениями, произошедшими в институте возвращения уголовного дела судом прокурору.

Надо специально отметить, что представители Следственного Комитета Российской Федерации (далее – СК России) последовательно и активно отстаивают публично-правовую позицию в подобного рода дискуссиях. Так, Председателем СК России А.И. Бастрыкиным была высказана идея о восстановлении института возвращения судом уголовного дела прокурору для дополнительного следствия¹. Данное предложение было частью концепции о внесении поправок в УПК РФ, пронизанных идеями объективной истины, справедливости, защиты прав потерпевших и иных участников процесса.

Несмотря на то, что соответствующий законопроект² не получил развития, сама идея оказалась востребованной. Частично она была реа-

¹ Родин И. Председатель СКР выдвинул неожиданную и неординарную идею. URL: <http://www.ng.ru/politics>; Козлова Н. Суть суда. Александр Бастрыкин предлагает вернуть в судебный процесс поиск объективной истины // Российская газета. 2012. 16 марта.

² О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу: проект Федерального закона // Официальный сайт СК России. URL: <http://www.sledcom.ru>.

лизована в Федеральном законе от 26.04.2012 № 64-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»¹, которым были модифицированы основания для возвращения уголовного дела прокурору, в том числе для предъявления более тяжкого обвинения при наступлении новых общественно опасных последствий, возникших после направления уголовного в суд.

Дальнейшее развитие инициатива СК России получила в постановлении Конституционного Суда РФ от 2.07.2013 № 16-П «По делу о проверке конституционности положений части 1 ст. 237 УПК РФ в связи жалобой гражданина Республики Узбекистан Б.Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда»² (далее – Постановление КС № 16-П). В данном постановлении Конституционный Суд РФ делает вывод, что суд вправе по ходатайству участника процесса, в том числе прокурора, потерпевшего, но также и по собственной инициативе вернуть уголовное дело прокурору на доследование, в том числе для усиления обвинения.

Надо отметить, что Конституционный Суд РФ в своем решении руководствовался во многом сходными мотивами, что и представители СКР, а именно: необходимостью обеспечения независимости и самостоятельности судебной власти, расширения полномочий судьи на устранение препятствий для вынесения правосудного, т.е. законного, обоснованного и справедливого решения.

Так же как и в свое время СК России Конституционный Суд РФ ссылается на справедливость и на необходимость защиты прав личности: «правосудие по самой своей сути может признаваться таковым лишь при условии, что оно отвечает требованиям справедливости и обеспечивает эффективное восстановление в правах». Как указывается в Постановлении КС № 16-П, «рассмотрение судом находящихся в его производстве дел предполагает наличие у него возможности самостоятельно, независимо от чьей бы то ни было воли, по своему внутреннему убеждению оценить обстоятельства конкретного дела, не вторгаясь в функцию обвинения, и выбрать подлежащую применению норму права».

Встав на защиту самостоятельности судьи в принятии решений по делу, Конституционный Суд РФ логично пришел к выводу о необходимости предоставления ему полномочия на возвращение уголовного дела прокурору для уточнения квалификации преступления. Можно согласиться с тем, что в этом судебном решении не надо видеть выполнение обвинительной функции, поскольку собирание доказательств в судебном следствии подчиняется закономерностям состязательного процесса, именно они и формируют у судьи внутреннее убеждение в

¹ Российская газета. 2013. 30 апреля.

² Российская газета. 2013. 12 июля.

совершении подсудным более тяжкого преступления, а это в свою очередь приводит к возвращению уголовного дела прокурору с учетом положений ст. 252 УПК РФ. При этом органам уголовного преследования не требуется проводить дополнительное расследование; они обязаны на основе всей совокупности, в том числе и судебных доказательств сформулировать усиленный обвинительный тезис. Вопрос о самостоятельности органов предварительного расследования не встает, она подчинена большему приоритету – свободе реализации внутреннего убеждения судей, самостоятельности судебной власти¹.

В свете позиций, сформулированных Конституционным Судом РФ в данном постановлении, мы делаем вывод, что суд, реализую сложившееся у него в ходе подготовки к судебному разбирательству или судебного разбирательства внутреннее убеждение в том, что (1) обвинение не соответствует собранной совокупности доказательств, (2) наличии в деянии обвиняемого (подсудимого) состава более тяжкого преступления, вправе возвратить уголовное дело прокурору – для усиления обвинения.

С учетом поправок, внесенных в ст. 237 УПК РФ самим законодателем, надо констатировать восстановление института возвращения уголовного дела произошло в полной мере. Таким образом, прогноз некоторых авторов о том, что институт возвращения дел на доследование не будет в полной мере восстановлен, оказался несостоятельным². Более того, на наш взгляд, произошла смена парадигмы теоретической и идеологической: активность суда признана большей ценностью, чем активность сторон. Это новое понимание смысла состязательности.

Системное толкование смысла ст. 237 УПК РФ (в ред. ФЗ № 64-ФЗ³) и анализируемого постановления Конституционного Суда РФ позволяет сделать следующие выводы:

- суд вправе самостоятельно принимать решение о правовой квалификации содеянного и не зависит в этом плане от обвинения, поэтому он вправе поставить вопрос о необходимости изменения обвинения в сторону ужесточения;

- суд по результатам рассмотрения дела может прийти к выводу о необходимости получения новых доказательств и не согласиться с фактической стороной обвинения;

- возвращение дела в досудебное производство может быть связано

¹ Николук В., Кальницкий В., Куряхова Т. Возвращение дела прокурору для усиления обвинения стало возможным // Уголовное право. 2013. № 4.

² Александров А.С., Лапатников М.В. К старому возврата больше нет // Уголовный процесс. 2013. № 7. С. 10-15.

³ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный Закон от 26.04.2012 № 64-ФЗ // Российская газета. 2013. 30 апреля.

с восполнением неполноты предварительного расследования;

- основанием для возвращения уголовного дела прокурору может быть выявившееся в ходе судебного следствия несоответствие обвинения фактическим обстоятельствам дела;

- суд по ходатайству стороны вправе вернуть дело, если после направления уголовного дела в суд наступили новые общественно опасные последствия инкриминируемого обвиняемому деяния, являющиеся основанием для предъявления ему обвинения в совершении более тяжкого преступления и ранее вынесенные по уголовному делу приговор, определение или постановление суда отменены в порядке, предусмотренном главой 49 настоящего Кодекса, а послужившие основанием для их отмены новые или вновь открывшиеся обстоятельства являются в свою очередь основанием для предъявления обвиняемому обвинения в совершении более тяжкого преступления (п. 1.2 ч. 1 ст. 237 УПК РФ).

По-видимому, изменение позиции Конституционного Суда РФ по вопросу о возможности возвращения уголовного дела органам публичного уголовного преследования для восполнения предварительного расследования и изменения обвинения в сторону усиления стало закономерным событием в развитии нашего уголовно-процессуального права и отвечает потребностям судебной практики. При этом остается в силе конституционное положение о состязательности отечественного уголовного судопроизводства, но уже в модифицированном («романо-германском», как принято сейчас говорить¹) смысле.

А.В. Мельников
М.Ю. Тарасов

Роль внутренних войск МВД России в обеспечении защиты конституционных прав граждан и обеспечения общественной безопасности

Необходимо отметить, что в целях совершенствования защиты законных интересов граждан, а также от иных противоправных действий законодателя (в том числе и Президент страны) периодически рассматривают не только полномочия военнослужащих внутренних войск (далее – ВВ), но и полномочия и обязанности регулирования деятельности подразделений, воинских частей в различных ситуациях. Помимо этого следует отметить, что институт ВВ в современный период интенсивно реформируется. А как показывает проведенный краткий научно-практический анализ о роли и значимости ВВ МВД, государ-

¹ Смирнов Г.К. УПК РФ: общее или континентальное право? // Уголовный процесс. 2013. № 7. С. 9.

ство всегда обращало особое внимание на внутренние войска в годы проведения реформ, как на внутреннюю стабилизирующую правоохранительную силу, обеспечивающую безопасность от внешних и внутренних угроз. Например, мы сегодня видим роль ВВ в предоставлении государственных услуг в области перевозки грузов или же исполнении государственных функций в области поддержания правопорядка (безопасности), т.е. принимают непосредственное участие в защите граждан и их безопасности.

Для реализации вышесказанного государством принят Федеральный закон от 6.02.1997 № 27-ФЗ «О внутренних войсках Министерства внутренних дел Российской Федерации»¹. В целом данный Закон определяет назначение, правовые основы, принципы деятельности, полномочия ВВ МВД России, порядок выполнения ими возложенных задач, устанавливает гарантии правовой и социальной защиты военнослужащих ВВ, граждан, уволенных с военной службы в указанных войсках, и членов их семей.

Исходя из сказанного, исследование о статусе и роли ВВ МВД России в области обеспечения безопасности (защиты граждан) может способствовать разработке предложений по совершенствованию законодательства его регламентирующего в более качественную сторону.

Е.И. Володиной² уделено особое внимание таким вопросам как: развитие законодательства о полномочиях ВВ; развитиям законодательств о деятельности ВВ; о роли ВВ в области ООП и обеспечения безопасности; система организации, основные задачи, обязанности и права ВВ; административно-правовые аспекты применения ВВ в разрешении межнациональных конфликтов; взаимодействие ВВ МВД России и ОВД в сфере охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности, пути его совершенствования и др.

В настоящее время ВВ МВД России имеют свою правовую характеристику и определенное правовое положение. Они входят в систему МВД России. Их задачи, права, обязанности, порядок прохождения в них службы закреплены в названном нами федеральном законе. Они предназначены для обеспечения безопасности личности, общества, государства, защиты конституционных прав и свобод гражданина от противоправных посягательств. Они принимают участие в основном в ситуациях возникновения масштабных угроз внутри государства и действуют, как правило, совместно с территориальными ОВД (больше всего полицией) и другими структурами в целях ликвидации подобных угроз, например, актов терроризма, захвата заложников и т.д. В насто-

¹ СЗ РФ. 1997. № 6. Ст. 711.

² Володина Е.И. Административно-правовой статус внутренних войск Министерства внутренних дел Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001.

ящее время ВВ выступают как резерв государства (Президента страны) на случай непредвиденных обстоятельств типа массовых беспорядков, резкого обострения оперативной обстановки в результате стихийного бедствия и даже военной угрозы. Примерами силового резерва в масштабе государства в других странах являются: роты республиканской безопасности в составе национальной полиции Франции (карабинеры), полиция готовности ФРГ, войсковые подразделения «мобиле» в Италии (жандармерия). В США такие войсковые формирования имеют местные территориальные образования – штаты.

По существу, сегодня ни одно государство в мире не обходится в своем развитии и обеспечении безопасности без ВВ. Они по-разному могут называться, но суть и предназначение их остаются неизменными – обеспечение внутренней безопасности государства, охраны общественного порядка (в составе комплексных сил – приданных, исполнение других охранительных функций).

В целом ныне ВВ в разные периоды своего развития в организационно-правовом отношении были представлены в различных структурных подразделениях органов исполнительной власти. В связи с этим важно понять и исследовать истоки зарождения института ВВ в России, что и сделано многими вышеуказанными ученым, как военной и правоохранительной силы, а также административно-правовые формы развития ВВ в различных органах исполнительной власти.

Следует отметить, что на современном этапе требуется более углубленное (комплексное) исследование правоохранительной деятельности ВВ не только в диссертационных исследованиях, но и в иных научных трудах. В результате реформирования допущено увеличение территориальных делений, но при этом территориальные органы внутренних дел на районных уровнях находятся в отдаленности от населения, в особенности в сельской местности. Тем самым возникают препятствия оперативного реагирования полицией на различные факты правонарушений, которые в последствии могут привести к статусу резонансных.

В связи с чем авторы считают, что вопросы комплексного использования сил и средств должны быть пересмотрены, прежде всего, руководителями территориальных органов по субъектам РФ и с учетом дислоцируемых подразделений как ВВ, так и территориальных органов МВД России районных уровней. Тем самым, по мнению авторов эти и другие проблемные вопросы по существу фактически не достаточно изучены. Так, если в ряде своих трудов (свыше 50) доктор юридических наук Ф.П. Васильев рассматривает вопросы об административном регламентировании деятельности МВД России, то в его фундаментальных трудах мы не заметим изложение современных проблемных во-

просов¹. Хотя эти недостатки закономерны в связи с тем, что разработанные МВД РФ приказы о комплексном использовании сил и средств или регламентирующие деятельности определенных подразделений еще не прошли госрегистрацию в Минюсте России. Или же М.Н. Дашко и Н.Ф. Бережкова в своих трудах, посвященных вопросам дачи и выполнения клятвы (присяги), достаточно конкретно (комплексно) уделяют вопросам как присяги, так и этическим нормам военнослужащих внутренних войск².

Эти и другие обстоятельства послужили основанием выбора темы о роли и деятельности ВВ в области обеспечения защиты граждан – правопорядка и безопасности на местах. Актуальность, сложность и многоплановость этих и некоторых других проблем являются определяющими факторами.

Что же касается объекта и предмета научных исследований в области деятельности внутренних войск, то в нашем случае, им (объектом) научного исследования является непосредственная деятельность (положение) ВВ, а также их деятельность по ООП и обеспечению безопасности. А предметом исследования (должны) являются нормативные правовые акты, обеспечивающие организацию служебной деятельности и полномочия внутренних войск в сфере защиты конституционных прав граждан (гарантированных).

При этом целью и задачами научных исследований должны являться также отдельные положения. Так, цель работы состоит в проведении комплексного исследования административно-правового положения ВВ МВД России и на этой основе должны разрабатываться предложения по его совершенствованию, которые могли бы послужить, теоретическими предпосылками для совершенствования не только законодательства его закрепляющего, но и деятельности территориальных ОВД по субъектам РФ и районных уровней.

В нашем случае достижение данной цели определило постановку и решение следующих задач: исследовать развитие законодательства, определяющего правовое положение ВВ, как звена правоохранительной системы страны; проанализировать особенности и причины, в силу которых организационно-правовая основа внутренних войск реформировалась и претерпевает в последнее десятилетие существенные изменения; выявить место и роль ВВ в современной правоохранительной системе страны; исследовать задачи и функции ВВ; исследовать со-

¹ В учебном пособии «Административное регламентирование деятельности МВД России» недостаточно уделено внимание деятельности ВВ. См. подробно: Васильев Ф.П. Административный регламент МВД России. Чебоксары, 2010.

² Бережкова Н.Ф., Дашко М.Н., Этические нормы военнослужащего внутренних войск МВД России // Полиция России: вчера, сегодня, завтра: мат-лы Межд. науч.-практич. конф. Т. 1. Нижний Новгород, 2012. С. 277-286.

временные проблемы деятельности ВВ (территориальных ОВД) высказать предложения по их разрешению; выявить перспективы совершенствования деятельности ВВ и определить приоритетные направления их развития; определить направления совершенствования деятельности ВВ в сфере ООП и безопасности; показать особенности взаимодействия внутренних войск и территориальных ОВД в сфере ООП и обеспечения безопасности и внести предложения по его совершенствованию и др.

Несомненно, исследование о деятельности и значимости ВВ позволяет сформулировать следующие основные выводы и на этой основе выдвинуть предложения по его совершенствованию. И вопросы совершенствования служебно-боевой деятельности во ВВ и территориальных органах МВД России предполагает также наличие действительного социального контроля за их действиями в разрешении не только межнациональных конфликтов и иных чрезвычайных ситуаций, который бы предупреждал и пресекал совершение противоправных действий со стороны военнослужащих ВВ, но и обыденные вопросы обеспечения правопорядка, в целях недопущения различных резонансного характера ЧС.

Привлечение подразделений ВВ к охране общественного порядка при проведении массовых мероприятий, охране общественного порядка в крупных городах страны вызывает потребность в повышении правовой культуры личного состава ВВ, твердого знания военнослужащими ВВ основных положений Конституции России и соответствующих нормативных правовых актов. Но при этом нельзя отказаться от применения и совершенствования высокотехнологической электронной техники, которая позволяет эффективно и качественно использовать соответствующие ресурсы, а также повышение безопасности самих военнослужащих ВВ и сотрудников полиции, охраняющих общественный порядок. Для этих целей целесообразно увеличить количество часов по юридическим дисциплинам при проведении служебной подготовки в частях ВВ МВД России.

А.В. Москаленко

Конституционные основы государственной защиты участников уголовного процесса

Государственная защита участников уголовного судопроизводства относится к числу сравнительно новых и еще недостаточно разработанных категорий современной науки уголовно-процессуального права. Данный институт имеет огромное значение, поскольку проблема незащищенности потерпевших, свидетелей и других субъектов уголовно-процессуальной деятельности от посткриминального воздействия

приобрела в России масштабный характер. В среднем в год по РФ противоправному воздействию подвергаются от 150 до 300 тысяч участников уголовного судопроизводства.

Прежде всего, попытаемся сформулировать понятие государственной защиты участников уголовного процесса, показать ее значение для охраны прав и свобод личности. Следует отметить, что в настоящее время в юридической литературе имеется несколько подходов относительно названия рассматриваемого нами института.

Так, ряд ученых-процессуалистов используют словосочетание «обеспечение безопасности»¹. Отдельные авторы трактуют данное словосочетание достаточно узко, ограничиваясь лицами, содействующими уголовному судопроизводству, в отношении которых применяются меры защиты, связанные с их физической неприкосновенностью и личной безопасностью². Другие – наоборот широко, обосновывая тем, что безопасность как конечное состояние является целью и должно быть результатом защиты, а защита в свою очередь служит средством обеспечения безопасности³.

Сторонники второго подхода используют словосочетание «государственная защита», под которой понимают осуществление уполномоченными на то государственными органами предусмотренных действующим законодательством мер безопасности, правовой и социальной защиты, применяемых при наличии угрозы посягательств на жизнь, здоровье, телесную неприкосновенность, имущество, честь и достоинство указанных лиц в связи с их деятельностью в сфере судопроизводства⁴.

Также в юридической литературе отмечается, что защита участников процесса – это отдельная система уголовно-процессуальных и иных правоотношений, которая должна регулироваться специальным законодательством (самостоятельным федеральным законом), определяющим порядок применения мер безопасности к любым лицам, не

¹ Зеленецкий В.С., Куркин Н.В. Обеспечение безопасности субъектов уголовного процесса. Харьков, 2000; Епихин А.Ю. Концепция безопасности личности в уголовном судопроизводстве. Сыктывкар, 2000; Брусницин Л.В. Обеспечение безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию: российский, зарубежный и международный опыт XX века (процессуальное исследование). М., 2001.

² Марченко С.Л. Обеспечение безопасности участников уголовного процесса: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1994.

³ Епихин А.Ю. Обеспечение безопасности личности в уголовном судопроизводстве. СПб., 2004. С. 47.

⁴ Зайцев О.А. Государственная защита участников уголовного процесса. М., 2002. С. 27.

зависимо от их уголовно-процессуального статуса, в связи с их участием в уголовном процессе¹.

Мы являемся сторонниками употребления словосочетания «государственная защита» применительно к рассматриваемому институту, который в наибольшей степени соответствует содержанию исследуемой деятельности, а обеспечение безопасности является его составной частью, о чем аргументировано доказали многие авторы в ходе проведенных ими исследований². Данное словосочетание достаточно активно применяется в юридической литературе³.

В подтверждение данной позиции следует отметить, что согласно ст. 45 Конституции РФ прямо указано, что «государственная защита прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации гарантируется». Подобной точки зрения придерживается и законодатель, закрепив словосочетание «государственная защита» в названиях специальных федеральных законов, содержащих конкретные меры безопасности участников уголовного судопроизводства. К таким нормативно-правовым актам относится Федеральный закон «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов», а также Федеральный закон «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства»⁴.

¹ Кондратьев Е.Е. Новый УПК: Защита свидетелей, потерпевших и других участников уголовного процесса // Гос. и право. 2003. № 8. С. 48-53.

² Григорьева Е.Г. К вопросу о защите в уголовном процессе. Тюмень, 1994; Зайцев О.А. Теоретические и правовые основы государственной защиты участников уголовного процесса. М., 1997; Шевченко К.Д. Процессуальные аспекты государственной защиты потерпевших, свидетелей и других лиц, содействующих уголовному судопроизводству: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004; Янин С.А. Правовые и организационно-тактические проблемы государственной защиты лиц, содействующих уголовному судопроизводству, на стадии предварительного расследования: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2005.

³ Безнесюк А., Абабков А. Государственная защита лиц, содействующих уголовному судопроизводству (зарубежный опыт, отечественные проблемы) // Рос. юстиция. 1997. № 8. С.38-40; Брусницын Л.В. О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства // Рос. юстиция. 2003. № 11. С. 13-17; Фадеева М.П. О понятии государственной защиты лиц, содействующих уголовному судопроизводству // Вопросы совершенствования правоохранительной деятельности органов внутренних дел. Ч. II. М., 2004. С. 109-111.

⁴ Федеральный закон ФЗ от 20.04.1995 № 45-ФЗ «О государственной защите судей и должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» // СЗ РФ. 1995. № 17. Ст. 1455; Федеральный закон от 20.08.2004 № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» // СЗ РФ. 2004. № 34. Ст. 3534.

Конституционные и законодательные предписания дают основания для вывода о том, что именно государство выступает как основная организация, обязанная обеспечить состояние защищенности прав и законных интересов всех лиц, осуществляющих уголовно-процессуальную деятельность, направленную на достижение задач судопроизводства¹.

Кроме того, использование в названии исследуемого института словосочетания «государственная защита» позволит отграничить это понятие от иных институтов. В частности, в настоящее время для реализации прав и свобод личности со стороны государства в юридической литературе и уголовном судопроизводстве, наряду с «обеспечением безопасности», «государственной защитой», используются такие словосочетания, как «судебная защита» и «дипломатическая защита».

Приведенные аргументы свидетельствуют об обязательности присутствия в понятии «государственная защита участников уголовного процесса» неопременного указания на государственно-властный характер такой деятельности.

В юридической литературе относительно участников уголовного судопроизводства применяется также термин «обережение», под которым, по мнению А.А. Юнусова, следует понимать заботу о предотвращении возникающей, возникшей опасности, в то время как защита подразумевает ограждение от наличной, более конкретной опасности, то есть является ситуативным термином. Тем не менее, автор отмечает, что термин «обережение», являясь более полным и объемным понятием, чем защита, в то же время подразумевает и защиту. Поэтому в проведенном им диссертационном исследовании автор все-таки соглашается с тем, что «...вполне обоснованно... и в проектах законов, и в исследованиях... используется термин «защита» или «государственная защита»².

Государственная защита субъектов уголовно-процессуальной деятельности осуществляется с целью защиты жизни, здоровья, телесной неприкосновенности и имущества всех лиц, принимающих участие на рассматриваемой нами стадии процесса. На данное обстоятельство обращает и специальное федеральное законодательство, отмечающее, что меры государственной защиты применяются при наличии угрозы посягательства на жизнь, здоровье и имущество субъектов уголовно-процессуальных отношений³. Думается, что в этот перечень, несмотря

¹ Зайцев О.А. Государственная защита участников уголовного процесса. М., 2002. С. 14.

² Юнусов А.А. Обережение участников уголовного процесса и их близких: дис. ... канд. юрид. наук. Н.Новгород. 1998. С. 14-16.

³ Федеральный закон «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» (ст. 1); Федеральный закон

на его открытость, следует включить телесную неприкосновенность, а также охрану чести и достоинства этих лиц. На необходимость законодательного закрепления обязанности уважать эти категории справедливо указывалось и в науке уголовно-процессуального права¹. Подобной позиции придерживаются и новый УПК РФ, закрепив в качестве самостоятельных принципов уголовного судопроизводства уважение чести и достоинства личности (ст. 9 УПК РФ), а также неприкосновенность личности (ст. 10 УПК РФ).

Мы полностью поддерживаем позицию тех авторов, которые предлагают следующую классификацию видов государственной защиты:

1) применение уполномоченными на то государственными органами мер безопасности, закрепленных на законодательном уровне;

2) применение мер правовой защиты, предусматривающих повышенную уголовную ответственность за посягательство на жизнь, здоровье, телесную неприкосновенность, имущество, честь и достоинство защищаемых лиц;

3) осуществление мер социальной защиты, предусматривающих реализацию прав на материальную компенсацию в случае гибели защищаемых лиц, причинения им телесных повреждений или иного вреда их здоровью, уничтожения или повреждения их имущества².

Подводя итог изложенному, можно сделать вывод о том, что государственная защита участников уголовного судопроизводства – это совокупность установленных законом мер безопасности, правовой и социальной защиты, применяемых судом, а также иными уполномоченными на то государственными органами и их должностными лицами в целях защиты жизни, здоровья, телесной неприкосновенности, имущества, чести и достоинства лиц, участвующих в уголовном процессе, а также их близких родственников, родственников и близких лиц.

**А.А. Мухитдинов
О.А. Косимов**

Взаимосвязь норм Конституции и уголовной политики Республики Таджикистан

Конституция занимает особое место в жизни любого государства, поскольку она является основным законом, главным политико-пра-

«О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства (ст. 1).

¹ Тихонов А.К. Уголовно-процессуальные меры обеспечения чести, достоинства и личной безопасности потерпевшего и свидетеля: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1995; Зайцев О.А. Указ. соч. С. 17-18.

² Зайцев О.А. Указ. соч. С. 34.

вовым документом, закрепляющим важнейшие права и свободы человека и гражданина, основы государственного устройства, организации и деятельности системы органов государственной власти. Действие Конституции распространяется на всю систему общественных отношений, она определяет основы и принципы социально-политической, экономической и правовой жизни общества, составляет юридическую базу для всего законодательства, является ядром всей правовой системы.

Нормотворческая и правоприменительная практика, деятельность всех государственных органов, общественных объединений и организаций, должностных лиц и граждан должны находиться в полном соответствии с Конституцией. Это один из важнейших постулатов правового государства. В последние годы в Республике Таджикистан (далее – РТ) предприняты значительные усилия по преодолению кризиса конституционной законности и всей конституционно-правовой системы в целом, который сформировался на фоне имевшего место в 1992-1994 гг. гражданской войны и вооруженного противостояния на территории Республики.

Конституция РТ, принятая всенародным голосованием 6.11.1994, – не первая в истории страны, но отличается от всех прежних конституций в первую очередь тем, что является основным законом самостоятельного, действительно суверенного государства. Как отмечается в преамбуле Конституции, ее принятие связано с возрождением суверенной государственности и утверждением незыблемости ее демократической основы.

Конституция занимает верховенствующее положение в правовой системе. Ее положения являются первичными. Все остальные правовые акты, принимаемые в стране, и том числе Конституционные законы, законы, указы, постановления, должны соответствовать Конституции. Особое значение Конституции состоит в том, что она является юридической базой для развития всех отраслей права, составляющих правовую систему государства. Тем самым обеспечиваются единство и взаимная согласованность отраслей права, общность их исходных принципов.

Сфера конституционного регулирования весьма широка. Однако большинство норм Конституции РТ 1994 г. посвящены трем главным предметам: личности, обществу и государству. Главным, определяющим критерием истинного демократизма и гуманизма любой конституции являются закрепляемая мера свободы личности, ее защищенность от произвола и беззакония, Материальное и духовное процветание общества, гражданский мир и согласие возможны лишь там, где человек, его права и свободы не только на словах, но и на деле становится высшей ценностью (ст. 5), а его права и свободы смыслом и назначением государства.

В принципе задача конституционного регулирования состоит в том, чтобы: 1) максимально полно и последовательно закрепить основные права и свободы человека и гражданина; 2) органически включить их во все остальные конституционные институты, обеспечить их взаимосвязь с принципами хозяйствования, управления государством; 3) создать структуры, процедуры и нормативные механизмы, необходимые для осуществления конституционных прав и свобод человека¹. И если первый аспект этой важнейшей задачи реализован в тексте Конституции, в частности в гл. 2 «Права и свободы человека и гражданина», то два последних характеризуются, лишь начальной стадией воплощения в жизнь.

Исключительно важное политическое и правовое значение для формирования и реализации задач уголовной политики имеет гл. 1 «Основы конституционного строя». Это относится, прежде всего, к положению о том, что Конституция РТ имеет верховенство на всей территории страны (ст. 10). Принцип верховенства является правовым (юридическим) выражением суверенитета РТ. Он особенно актуален в контексте провозглашения Таджикистана правовым государством. Суверенитет предполагает не только верховенство, но и единство государственной власти РТ, которое распространяется на всю ее территорию.

Для уголовной политики это исходное конституционное положение означает, что она в своем сущностном содержании также должна быть единой на территории всей страны. Недопустимо с точки зрения законодательного уровня уголовной политики создание и принятие собственных уголовных, уголовно-процессуальных и уголовно-исполнительных законов на местном уровне – в Горно-Бадахшанской автономной области, областях, районах.

В системе принципов уголовной политики одним из ведущих является законность. В аспекте верховенства и единства государственной власти этот принцип означает, что законность в РТ должна быть единой. Конституция четко установила, что прокуратура РТ как главный орган по надзору за законностью, составляет единую централизованную систему с подчинением нижестоящих прокуроров вышестоящим и Генеральному прокурору РТ (глава 9).

Крайне важную для уголовной политики регулятивную функцию выполняет положение о том, что Конституция имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории РТ (ч. 1 ст. 10). Норма о прямом действии подчеркивает, что Конституция – не пропагандистский документ, а нормативный правовой акт, статья-

¹ Тафсир ба Конституцияи Ҷумҳурии Тоҷикистон (Комментарий к Конституции РТ). Душанбе. 2012. С. 12.

ми которого надлежит руководствоваться, в том числе при рассмотрении уголовных дел в судах.

Важная особенность регулирования уголовной политики Конституцией состоит также и в том, что регламентации правосудия посвящена глава 8 «Судебная власть». В этой главе в органическом единстве сформулированы и закреплены как судоустройственные, так и судопроизводственные принципы применительно к гражданскому и уголовному судопроизводству, исходя из единого подхода к правосудию в стране. Предмет регулирования каждой из названных отраслей права является органической составной частью более широкого социального явления – правосудия, которое в целом и должно быть предметом регулирования судебного права¹.

Прежде всего, Конституция четко закрепляет, что правосудие в РТ осуществляется только судом и что судебная система устанавливается Конституцией РТ и Конституционными законами (ч. 2 и 3 ст. 84). Не допускается создание чрезвычайных судов.

Конституция не только провозгласила независимость судей (ч. 1 ст. 88), но и установила материальные гарантии, зафиксировав положение о том, что финансирование судов производится только из государственного бюджета (ст. 90). Конституционное закрепление нашли такие важные принципы, как несменяемость судей (ч. 3 ст. 84) и их неприкосновенность (ст. 91), имеющие огромное правовое и политическое значение.

Конституция подтвердила открытое (гласное, публичное) разбирательство дел во всех судах за исключением случаев, когда это противоречит интересам государственной или коммерческой тайны, а также по делам о преступлениях лиц, не достигших 16 лет, о половых преступлениях и по другим делам – для предотвращения сведений об интимных сторонах жизни участвующих в деле лиц. Получил дальнейшее развитие принцип равноправия и состязательности сторон (ч. 2 ст. 88).

Наконец, для уголовной политики имеет основополагающее значение принцип разделения единой государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную (ст. 9). В условиях разделения властей одна ветвь государственной власти ограничивается другой, различные ее ветви взаимно уравнивают друг друга, действуя как система сдержек и противовесов, предотвращая монополизацию власти каким-либо одним институтом государства. Реализация этого принципа дает возможность рационализации уголовной политики, постановки конкретных целей и задач для каждой ветви (уровня) государственной власти.

¹ Конституционные основы правосудия в СССР. М., 1981. С. 25.

В юридической литературе проблемам уголовной политики с давних пор уделялось большое внимание, так как их исследование имело важное практическое значение, способствовало выработке оптимальных направлений и эффективных средств борьбы с преступностью.

С самого начального периода формирования теории уголовной политики большое внимание уделялось разработке ее основных понятий. В юридической науке имеется множество определений уголовной политики. Приведем лишь наиболее показательные из них, отражающие разные подходы к рассматриваемому вопросу.

Одними из первых понятие уголовной политики предложили Н.И. Загородников и Н.А. Стручков: «Уголовная политика представляет собой такое направление советской политики, в рамках которого формируются исходные требования борьбы с преступностью посредством разработки и осуществления широкого круга предупредительных мер, создания и применения правовых норм материального, процессуального и исполнительного уголовного права, устанавливающих криминализацию, а когда нужно, декриминализацию деяний, а также посредством определения круга допустимых в борьбе с преступностью мер государственного принуждения»¹. Основной акцент в этом определении сделан на исходных требованиях, т.е. принципах борьбы с преступностью. Аналогичный подход прослеживается и в позиции других исследователей проблем уголовной политики. Так, Л.Д. Гаухман и Ю.И. Ляпунов писали: «Советская уголовная политика – это основные принципы, направления и перспективы охраны социалистических общественных отношений от преступных посягательств (борьбы с преступностью), базирующиеся на познании объективных закономерностей развития общества в исторически определенный период времени и соответствующие сущности социально-экономической формации»².

Развивая теоретические положения уголовной политики, один из основоположников теории уголовной политики профессор Г.М. Миньковский писал, что «можно говорить о политике борьбы с преступностью (об уголовной политике в широком смысле слова) на трех уровнях: концептуальном, законодательном, правоприменительном»³. Далее Г.М. Миньковский констатирует, что «как бы ни именовались направления деятельности государства и общества, связанные с борь-

¹ Загородников Н.И., Стручков Н.А. Направления изучения советского уголовного права // Сов. гос-во и право. 1981. № 7. С. 4.

² Гаухман Л.Д., Ляпунов Ю.И. Понятие советской уголовной политики и ее основные направления. М., 1980. С. 4.

³ Миньковский Г.М. Правовая политика в сфере борьбы с преступностью и проблемы законодательного регулирования этой борьбы // Проблемы формирования уголовной политики Российской Федерации и ее реализации органами внутренних дел. М., 1995. С. 32.

бой с преступностью, – уголовной политикой или политикой борьбы с преступностью, – речь идет о важнейшей составной части внутренней политики, обеспечивающей эффективное функционирование экономической, идеологической и социальной политики»¹.

Главное, таким образом, состоит не в том, чтобы в максимально точных и полных формулировках дать определение предмета и содержания уголовной политики, а в том, чтобы;

во-первых, за этим понятием были ясно видны государственная политика, стратегия и тактика борьбы с преступностью, четко прослеживалась политика и идеология государства в этой сфере;

во-вторых, во главу угла борьбы с преступностью было поставлено право, которое, по сути дела, и есть сама воплощенная политика, реализующая ценности правового государства: безопасность личности, общества и государства; права и свободы человека и гражданина; законность, гуманизм и справедливость.

в-третьих, в понятии должен быть учтен комплексный, многоаспектный характер уголовной политики и, в частности, отражены ее концептуальный, законодательный и правоприменительный уровни.

Таким образом, специфика конституционного регулирования уголовной политики состоит в том, что Конституция: 1) имеет высшую юридическую силу при формировании и реализации задач уголовной политики; 2) является исходной правовой базой для принципов правосудия, при этом конституционное регулирование распространяется на все формы правосудия; 3) обеспечивает единство уголовной политики; 4) устанавливает основные права и свободы человека и гражданина, которые служат правовым ориентиром для уголовной политики; 5) устанавливает разделение властей, рационализирует уголовную политику.

А.М. Новиков

Проблемы правоприменения досудебного соглашения о сотрудничестве при расследовании уголовных дел.

Рассматривая перспективы развития российского уголовно-процессуального законодательства, необходимо отметить наличие достаточного количества рациональных предложений по его реформированию, определенной последовательности в алгоритме вносимых изменений.

К сожалению, анализ особенностей данных изменений позволяет утверждать, что при всей своей масштабности, отражении различных аспектов процессуальной деятельности они зачастую имеют достаточ-

¹ Миньковский Г.М. Указ. соч. С. 35

но хаотический и взаимоисключающий характер.

Отмечается подход, основанный на формализме, при котором поправки вносятся для поправки, изменения ради изменения.

Понятно, что идеальных законов не бывает и любой закон страдает несовершенством, особенно когда речь идет о новых для отечественного законодательства институтах.

Сказанное можно проиллюстрировать на примере анализа положений законодательства, регламентирующего особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве.

Федеральным законом от 26.06.2009 № 141-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»¹ (далее – Закон) введен особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, который по аналогии с американской терминологией в юридической литературе называют «делкой о признании вины» или «делкой с правосудием»². Одновременно ст. 5 УПК дополнена п. 61, где дается определение досудебного соглашения о сотрудничестве (далее соглашения), под которым понимается соглашение между сторонами обвинения и защиты по согласованию условий ответственности подозреваемого или обвиняемого в зависимости от его действий после возбуждения уголовного дела или предъявления обвинения.

В пояснительной записке к проекту данного Закона, указано, что внесение изменений и дополнений обусловлено необходимостью расширения влияния уголовного и уголовно-процессуального законодательства по противодействию организованной преступности, коррупции, деятельности преступных сообществ, для изобличения соучастников и организаторов преступлений.³

Таким образом, законодательно впервые предусмотрена процедура, о необходимости которой давно говорили и ученые-юристы, и практические работники. Принятый Закон позволил системно оформить данную процедуру как самостоятельный правовой институт в уголовном судопроизводстве.

Изначально анализ новых законодательных норм и практики их

¹ Парламентская газета. 2009. 3 июля.

² Гуршумов И. Досудебное соглашение о сотрудничестве – сделка с правосудием? // Законность. 2010. № 4. С. 36-37; Васяев А.А. Сделка с правосудием или сделка с обвинением? // Современное право. 2010. № 2. С. 88-94; Быков В.М. Новый закон о сделке обвиняемого с правосудием: критические заметки. // Российский судья. 2009. № 11. С. 4-7.

³ Пояснительная записка к проекту Федерального Закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». URL:<http://www.duma.gov.ru>.

применения показал ряд существенных проблем и недостатков, вызвавших горячие споры ученых-процессуалистов и различные позиции участников уголовного судопроизводства, в том числе тех, кому пришлось непосредственно применять новые нормы в работе – следователей, прокуроров, судей.¹

В дальнейшем многие вопросы получили разрешение в решениях Конституционного Суда РФ, судов общей юрисдикции, начиная от Верховного Суда РФ и заканчивая районными, городскими судами.

Активное распространение практики применения досудебного соглашения о сотрудничестве в расследовании преступлений (а к июню 2012 г., т.е. спустя три года после введения в действие указанного Закона количество уголовных дел, при расследовании которых заключались досудебные соглашения о сотрудничестве, приблизилось к трем тысячам) обусловило необходимость получения общих для всех правоприменителей разъяснений и рекомендаций, что и было сделано Верховным Судом РФ 28.06.2012 в Постановлении Пленума № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве»².

Разъяснения Пленума Верховного Суда РФ позволили устранить ряд проблемных вопросов, что, несомненно, способствовало совершенствованию института досудебного соглашения о сотрудничестве.

Однако некоторые проблемы не получили окончательного разрешения, что не замедлило сказаться на следственной и судебной практике. Рассмотрим это на примере практической реализации положений процессуального законодательства, регламентирующего выделение уголовного дела в отношении лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве.

Следует обратить внимание, что ч. 1 ст. 317.4 УПК с самого начала была сформулирована таким образом, что допускала неоднозначное толкование.

Указывая фактически на обязательность выделения в отдельное производство уголовного дела в отношении подозреваемого или обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, законодатель увязывал порядок выделения с положениями статьи 154 УПК.

Но, дополнив при этом указанную норму п. 4 в ч. 1, включив за-

¹ Карпов О.В., Маслов И.В. Досудебное соглашение о сотрудничестве: проблемы правового регулирования и вопросы порядка применения // Уголовный процесс. 2009. № 9; Досудебное соглашение о сотрудничестве (правовые и криминалистические проблемы): мат-лы науч.-практич. конф. Вып. 6. Воронеж, 2010.

² Российская газета. 2012. 11 июля.

ключение соглашения о сотрудничестве в перечень оснований для выделения уголовного дела, законодатель оставил без изменения ч. 2 ст. 154 УПК.

Поэтому, рассматривая вопрос о необходимости выделения уголовного дела в отношении лица, заключившего соглашение о сотрудничестве, следователь во всех случаях обязан учитывать требования о том, чтобы выделение не отразилось на всесторонности и объективности предварительного расследования и разрешения уголовного дела.

Аналогичное требование закреплено и в п. 1.11 Приказа Генерального прокурора РФ от 15.03.2010 № 107 «Об организации работы по реализации полномочий прокурора при заключении с подозреваемыми (обвиняемыми) досудебных соглашений о сотрудничестве по уголовным делам»: «Считать достаточным основанием для выделения уголовного дела в отдельное производство в отношении подозреваемого (обвиняемого) факт заключения с ним досудебного соглашения о сотрудничестве»¹.

Фактически, как отмечают специалисты, императивное предписание прикреплено к диспозитивной норме².

Таким образом, совокупный анализ перечисленных законодательных и нормативных положений подтверждает, что следователь вправе, но не обязан принимать решение о выделении уголовного дела в отношении лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве.

А бывает и так, что следствие иногда объективно не может выделить уголовное дело в отношении обвиняемых, подозреваемых, с которыми было заключено досудебное соглашение о сотрудничестве.

Особенно эта проблема проявляется, когда обвиняемым инкриминируются деяния, совершенные организованной группой. Это ситуация, в которой наиболее плотно пересекаются общие цели и задачи уголовного преследования и условия заключения досудебного соглашения о сотрудничестве.

В связи с этим выделение уголовного дела в отношении одного или нескольких обвиняемых, с которыми заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, является нецелесообразным и может повлиять на полноту, всесторонность и объективность рассмотрения данного уголовного дела.

В результате возникали серьезные разногласия между правоприменителями, уголовные дела рассматривались в общем порядке, при том,

¹ Законность. 2010. № 6. С. 56.

² Александров А.С. Подход к преодолению противоречия в законе, регламентирующего заключение и реализацию досудебного соглашения о сотрудничестве по уголовному делу // Уголовное право. 2011. № 1; Новиков С.А. Досудебное соглашение о сотрудничестве: разъяснения получены, но проблемы остались // Российский судья. 2013. № 2.

что в числе подсудимых были лица, заключившие досудебные соглашения о сотрудничестве. Такая практика вызывала вопросы, как о законности судопроизводства, так и в части обеспечения безопасности участников процесса.

Верховный Суд РФ в указанном Постановлении Пленума разъяснил, что по смыслу ч. 1 ст. 317.4 УПК, в целях применения судом предусмотренного ст. 317.7 УПК особого порядка проведения судебного разбирательства и вынесения судебного решения уголовное дело в отношении обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, подлежит выделению в отдельное производство.

Очевидно, с целью исключения различий в понимании этого требования Верховный Суд далее указал, что в случаях, когда такое уголовное дело не было выделено в отдельное производство и поступило в суд в отношении всех обвиняемых, судья назначает предварительное слушание для решения вопроса о возвращении уголовного дела прокурору в порядке, установленном ст. 237 УПК (п. 5).

Но теперь, как показала дальнейшая практика, проявилась другая, более серьезная проблема, связанная с доказыванием обвинения, предъявляемого как фигурантам основного дела, так и лицам, в отношении которых дело выделяется в отдельное производство.

Возникает ситуация, при которой обстоятельства, установленные приговором одного суда (по делу в отношении сотрудничавшего со следствием обвиняемого, рассмотренному в особом порядке), должны признаваться другим судом, рассматривающим дело в общем порядке в отношении других соучастников. Однако тщательное и всестороннее исследование этих обстоятельств возможно лишь в ходе полноценного судебного следствия, которое могло бы выявить неточности и ошибки в их установлении, устранить противоречия. В результате, как обоснованно отметил Л.В. Головкин, «возникают разного рода процессуальные схемы «обхода» процессуальных гарантий, когда сначала заключается «сделка», затем в отношении данного обвиняемого выносится обвинительный приговор, а в конечном итоге этот приговор используется в качестве преюдиции по «основному делу» (в отношении отрицающих вину соучастников), которое еще только предстоит рассматривать в суде. Такой подход полностью «убивает» по «основному делу» любые гарантии состязательного процесса, поскольку вменяемые в вину факты становятся якобы доказанными на основании вступившего в законную силу по ранее выделенному делу судебного решения, что формально верно, но, по сути, извращает саму суть правосудия. Ведь на самом деле их никто не доказывал...»¹.

Известно, кстати, что при подготовке к принятию указанного По-

¹ Головкин Л.В. Казахстан: десоветизация уголовного процесса. Статья 3. В стиле новых тенденций // Уголовное судопроизводство. 2012. № 2. С. 21-22.

становления Пленума Верховного Суда РФ в проекте имелось положение о том, что приговор, вынесенный в особом порядке в отношении сотрудничавшего со следствием лица, преюдициального значения не имеет. Но в окончательной редакции Постановления это положение не сохранилось.

Приговором Свердловского областного суда от 2.03.2010 К. признана виновной в совершении ряда преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, а также по ч. 2 ст. 210 УК.

Уголовное дело в отношении К. было выделено из основного и рассмотрено в предусмотренном главой 40-1 УПК порядке принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве.

Подсудимая полностью признала себя виновной в совершении инкриминированных ей деяний, изобличила организатора и известных ей участников организованной преступной группы.

Суд пришел к выводу о том, что были соблюдены положения ст. 317.1-317.5 УПК РФ, регулирующие порядок заявления ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, рассмотрение данного ходатайства прокурором, проведения предварительного следствия, вынесения представления прокурором об особом порядке проведения судебного заседания и вынесения судебного решения, по выделенному в отдельное производство уголовному делу в отношении К., с которой заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, и что подсудимой соблюдены условия и выполнены обязательства, предусмотренные заключенным с ней досудебным соглашением о сотрудничестве.

С учетом этого суд постановил в отношении К. приговор, признав ее виновной в совершении всех инкриминированных ей преступлений, в том числе и предусмотренном ч. 2 ст. 210 УК РФ за участие в преступном сообществе.

После вступления этого приговора в законную силу Свердловским областным судом в общем порядке было рассмотрено основное уголовное дело, из которого выделялось дело в отношении К.

По приговору Свердловского областного суда от 31.03.2011 за участие в преступном сообществе по ч. 2 ст. 210 УК РФ были осуждены П.В.В., П.А.В., С. и Д., а Ш. и Л. оправданы за непричастность к совершению данного преступления.

Кассационным определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 27.06.2011, приговор Свердловского областного суда от 31.03.2011 в части осуждения П. В.В., П.А.В., С. и Д. по ч. 2 ст. 210 УК РФ отменен, уголовное дело прекращено на основании п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ в связи с непричастностью к совершению преступления и за ними признано право на реабилитацию.

В связи с частичной отменой приговора и прекращения уголовного дела указанным лицам снижено наказание.

То есть вступившим в законную силу приговором Свердловского областного суда от 2.12.2010 установлено наличие преступного сообщества, в котором состояла К., а согласно вступившему в законную силу приговору Свердловского областного суда от 31.03.2011, с учетом внесенных в него изменений, состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 210 УК РФ, в действиях П.В.В., П. А.В., С., Д., Ш. и Л. не содержится.

Таким образом, в двух судебных решениях содержатся противоположные выводы относительно факта существования преступного сообщества, что является недопустимым.

Поскольку в результате исследования доказательств установлено, что по данному делу признаки преступного сообщества отсутствуют, К.И.С., несмотря на то, что она согласилась с обвинением, не может нести уголовную ответственность по ч. 2 ст. 210 УК РФ, производство по делу в этой части подлежит прекращению.

Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 27.02.2012 г. приговор в отношении К. в части осуждения по ч. 2 ст. 210 УК отменен, уголовное преследование в отношении нее прекращено по основанию п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК¹.

Аналогичное решение было принято Судебной коллегией Верховного суда РФ 09.08.2012 г., отменившей приговор Тверского областного суда от 28.10.2010 в отношении Р. по ч. 2 ст. 210 УК, При этом Судебная коллегия прямо подчеркнула в своем решении, что наличие двух судебных решений, содержащих противоположные выводы относительно установления обстоятельств существования одного и того же преступного сообщества, явилось следствием выделения уголовного дела в отношении Р. в отдельное производство².

За последнее время подобных решений, к сожалению, становится все больше. Выделяя дело в отношении лица, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, следователи забывают порой, что все эти обстоятельства будут в дальнейшем исследованы в рамках основного дела, в том числе и в суде присяжных. Поэтому определяя окончательный объем обвинения, следствию необходимо помнить, в том числе, и о достаточности доказательств, подтверждающих обвинение как по выделенному, так и по основному уголовному делу.

¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 5.

² Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 6.

**Теоретические основания криминализации преступлений,
посягающих на финансовые отношения**

Российская экономика к началу 2012 г. полностью восстановилась после мирового финансового кризиса 2008-2009 гг.¹ Оздоровлению экономической ситуации способствовало принятие государством мер, направленных, в частности, на недопущение и минимизацию вредных последствий от общественно опасных деяний в сфере экономики и в том числе преступлений, посягающих на финансовые отношения. Среди таких мер следует назвать и установление уголовной ответственности за указанные деяния – криминализацию.

Так, в период 2008-2013 гг. в целях охраны финансовых отношений² в УК РФ были включены: ст. 159.1 «Мошенничество в сфере кредитования», ст. 159.2 «Мошенничество при получении выплат», ст. 159.3 «Мошенничество с использованием платежных карт», ст. 159.5 «Мошенничество в сфере страхования»³, ст. 193.1 «Совершение валютных операций по переводу денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации на счета нерезидентов с использованием подложных документов», ст. 200.1 «Контрабанда наличных денежных средств и (или) денежных инструментов»⁴, а также суще-

¹ О бюджетной политике в 2013-2015 годах: Бюджетное послание Президента РФ Федеральному собранию от 28.06.2012 г. // Официальный интернет-сайт Президента РФ URL: <http://www.kremlin.ru>.

² Финансовые отношения – относительно обособленные регламентированные правом экономические денежные отношения по формированию, распределению и использованию денежных фондов и доходов государства, муниципальных образований и хозяйствующих субъектов в целях выполнения функций и задач государства, обеспечения условий расширенного воспроизводства, в процессе осуществления которых происходит планомерное распределение и перераспределение валового общественного продукта и части национального дохода и контроль за удовлетворением потребностей общества (Карасева М.В. Финансовое правоотношение. Воронеж, 1997; Финансовое право Российской Федерации: учебник / отв. ред. М.В. Карасева. М., 2004; Финансовое право: учебник / отв. ред. О.Н. Горбунова. М., 2006. и др.)

³ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 29.11.2012 № 207-ФЗ // Российская газета. 2012. № 278. (При этом финансовые отношения выступают в качестве дополнительного непосредственного объекта преступлений, предусмотренных ст. 159.1-159.3, 159.5. В качестве основного их объекта следует назвать отношения собственности)

⁴ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия незаконным финансовым операциям: федеральный закон от 28.06.2013 № 134-ФЗ // Российская газета. 2013. № 141.

ственно изменены диспозиции ст. 170, 172, 186, 189, 190, 193, 194 УК РФ.

Вместе с тем, одной из основных проблем, стоящих сегодня перед уголовно-правовой наукой, является определение действительно обоснованных оснований криминализации общественно-опасных деяний, в том числе и в финансовой сфере, т.е. признания тех или иных деяний преступными и наказуемыми¹.

Различные аспекты криминализации рассматривали, в частности, И.В. Гальперин, А.А. Герцензон, С.К. Гогель, П.С. Дагель, А.А. Жижиленко, Г.А. Злобин, П.И. Новгородцев, Л.А. Петражицкий, Н.Д. Сергеевский, Н.С. Таганцев и другие. Однако следует согласиться с признанием Кудрявцевым В.Н. того, что «глубоко продуманная, научно обоснованная криминализация совершающихся в обществе деяний никогда и нигде не была осуществлена»². Этому есть свои объяснения. Результаты исследований указывают на то, что предлагаемым в теории основаниям для криминализации деяний свойственны два существенных недостатка. Первый усматривается в отсутствии единого критерия для определения различного вреда от совершения преступлений, что приводит к невозможности сопоставимости характера и степени опасности преступного вреда, сложностям при квалификации, выборе и назначении уголовного наказания. Второй недостаток проявляется в несистемности предлагаемых оснований, о чем свидетельствует отсутствие их связи с неосознанным уровнем взаимодействия человека и окружающей его реальности. Если первый недостаток может вызывать споры по поводу самого критерия преступного вреда, что требует своего окончательного разрешения, то возражения против необходимости учитывать неосознанное в преступном поведении вряд ли будут иметь научный характер, поскольку в качестве единственного основания может быть предложена непрактичность такого подхода³.

В теории уголовного права предлагались различные основания для криминализации деяний. Особо следует отметить позицию Кенни К., который в качестве таковых определил: а) вред от криминализируемого деяния, который должен быть значительнее совокупного и неизбежного вреда от применения уголовного наказания; б) возможность определения криминализируемого деяния с точностью, необходимой для права; в) необходимость достоверного доказательства факта совершения деяния; г) доказывание подобных деяний должно осуществляться

¹ Кудрявцев В.Н. Стратегии борьбы с преступностью. М., 2005. С. 14; Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Криминология и проблемы криминализации // Журнал российского права. 2004. № 12.

² Кудрявцев В.Н. Указ. соч. С. 17.

³ Петин И.А. Проблемы криминализации: реальные и виртуальные // Российский следователь. 2009. № 21.

без ущерба для неприкосновенности частной жизни и отношений доверия между близкими людьми; д) деяние должно вызывать негодование в обществе; е) достаточная защита общества от данного вида деяний не может быть обеспечена более мягкими, не уголовно-правовыми мерами¹.

Также нельзя не выделить и теорию профессора Роттердамского университета Л. Хульсмана, выступившего на III конгрессе уголовного права (1975 г.) с генеральным докладом, который исходным принципом считал следующие цели криминализации: а) точное определение правил поведения людей; б) создание правовой базы для разрешения возникающих конфликтов; в) воздействие на поведение людей в предписываемом правом направлении; г) установление контроля за действиями государственной власти во избежание произвола правоохранительных органов. Вторым принципом Л. Хульсман считал определение пользы и (или) вреда от запрета того или иного поступка, третьим – определение возможностей карательной системы (реальное установление и наказание виновного), четвертым – недопустимость обоснования запретов одними лишь нравственными соображениями. Кудрявцев В.Н. дополнил приведенные принципы следующими положениями: а) наличие общественной опасности; б) деяние должно представлять массовое явление; в) ожидаемые положительные последствия криминализации должны превышать отрицательные; г) соответствие криминализации конституции, действующему внутреннему праву и международным соглашениям, а также нормам нравственности; д) научно обоснованная криминализация возможна только на определенный отрезок времени².

Аксиоматично правило криминализации деяний: «при массовидности деяний небольшой тяжести объявление их преступлениями неизбежно приведет к выборочной квалификации и большой латентности, не говоря уже о злоупотреблениях правоохранительных и контрольных органов»³.

Рассматривая проблему оснований криминализации, не следует ограничиваться исключительно доктринальными определениями. Необходимо отметить, что в Постановлении от 25.04.2001 № 6-П Конституционный Суд РФ указал, что государство вправе устанавливать уголовную ответственность за общественно опасные деяния, которые в силу своей распространенности причиняют существенный вред и не

¹ Кенни К. Основы уголовного права. М., 1949; Кудрявцев В.Н. Указ. соч. С. 16.

² Кудрявцев В.Н. Указ. соч. С. 16-19.

³ Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений: лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / науч. ред. В.Н. Кудрявцева. М., 2007. С. 49.

могут быть предотвращены с помощью иных правовых средств¹.

А в Определении от 10.07.2003 № 270-О Конституционный Суд РФ уточнил свою позицию, указав, что уголовный закон, будучи в силу своей правовой природы крайним средством, с помощью которого государство осуществляет реагирование на факты правонарушающего поведения, распространяет свое действие лишь на те сферы общественных отношений, регулирование которых с помощью правовых норм иной отраслевой принадлежности, в том числе норм, устанавливающих административную ответственность, оказывается недостаточным².

При этом, безусловно, следует согласиться с мнением, что «проблему смежных составов преступлений и административных правонарушений следует рассматривать и с точки зрения современной уголовной политики. Одним из принципов данной политики России, вставшей на путь формирования правового демократического государства, является экономия уголовной репрессии. Руководствуясь этим принципом, законодатель предусматривает за нарушения многочисленных правил меры административной ответственности. Механизм уголовного закона включается только в тех случаях, когда нарушения таких правил угрожают общественной безопасности, причиняют существенный вред общественным отношениям»³.

Соответственно, введение законом уголовной ответственности за то или иное деяние является свидетельством достижения им такого уровня общественной опасности, при котором для восстановления нарушенных общественных отношений требуется использование государственных сил и средств. В связи с этим именно государство, действующее в публичных интересах защиты нарушенных преступлением прав граждан, восстановления социальной справедливости, общего и специального предупреждения правонарушений, выступает в качестве стороны возникающих в результате совершения преступления уголовно-правовых отношений, наделенной правом подвергнуть лицо, совершившее преступление, публично-правовым по своему характеру

¹ По делу о проверке конституционности статьи 265 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.А. Шевякова: постановление Конституционного Суда РФ от 25.04.2001 № 6-П // СЗ РФ. 2001. № 23. Ст. 2408.

² Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Курганского городского суда Курганской области о проверке конституционности части первой статьи 3, статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации и пункта 13 статьи 397 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 10.07.2003 № 270-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2003. № 5.

³ Шергин А.П., Шергина К.Ф. Проблемы интеграции административной и уголовной ответственности // Научный портал МВД России. 2010. № 4 (12).

мерам уголовно-правового воздействия¹.

Безусловно соглашаясь с приведенным выше перечнем общих оснований криминализации основными критериями криминализации деяний в финансовой сфере с учетом специфики охраняемых уголовным законом общественных отношений следует признать:

а) общественную опасность – при этом ущерб для финансовой системы или ее отдельных элементов от криминализируемого деяния должен быть значительно больше ущерба от применения уголовного наказания;

б) возможность точного определения криминализируемого деяния в нормах как уголовного, так и административного и финансового права (в целях дифференциации видов ответственности и разграничения составов преступлений и правонарушений);

в) невозможность предотвратить их с помощью иных правовых средств (иных финансово-правовых или административно-правовых запретов).

г) возможность установления составообразующих признаков подобных деяний в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством;

д) достаточную массовость явления, при условии, что оно не является деянием небольшой тяжести.

Таким образом, в настоящее время в УК РФ установлена ответственность за ряд преступлений, посягающих на финансовые отношения, однако анализ уголовно-правовой ситуации свидетельствует о том, что «проблема уголовно-правовой охраны финансовой сферы заключается не столько в дефиците самих уголовно-правовых норм»², сколько в необходимости их корректировки, направленной на большую согласованность с нормами финансового и административного права, а также в оптимизации практики их применения.

¹ По делу о проверке конституционности положений частей второй и четвертой статьи 20, части шестой статьи 144, пункта 3 части первой статьи 145, части третьей статьи 318, частей первой и второй статьи 319 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами Законодательного Собрания Республики Карелия и Октябрьского районного суда города Мурманска: постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2005 № 7-П // Российская газета. 2005. № 147.

² Гаухман Л.Д., Максимов С.В. Уголовно-правовая охрана финансовой сферы: новые виды преступлений и их квалификация: науч.-практич. пособие. М., 1995. С. 8.

**Современные методы выявления фактов мошенничества,
применяемые на территории США, в рамках производства
судебно-бухгалтерской экспертизы и судебной
компьютерно-технической экспертизы.**

Современные схемы отмывания денег, финансовое мошенничество становятся все более сложными, и все время изменяются, становясь более изощренными, в том числе по причине активного использования информационных технологий (далее – ИТ-технологии). Современная цифровая среда открывает новые возможности, как для мошенников, так и для органов, в задачи которых входит выявление и разоблачение мошеннических схем. Во многих отношениях, цифровая среда изменила способы и методы исследования экспертами мошенничества, а также методики, используемые внутренними аудиторами и подходы, которые применяют внешние аудиторы при оценке рисков и аудите.

Некоторые ИТ-методы, к примеру, ведения документации (электронный документооборот), представляют собой просто компьютеризированную версию решения традиционных задач, другие, такие как анализ рисков, основанные на нейронных сетях, являются революционными и кардинально изменяют цифровую среду.

Одним из самых сложных, на наш взгляд, методом обнаружения мошенничества, основанном на применении ИТ-технологий (далее – ИТ-методы) является применение единого подхода к широкому спектру методов анализа, таких как цифровой, электронный сбор доказательств, интеллектуальный анализ данных и компьютерная экспертиза. ИТ-методы обнаружения мошенничества основаны на использовании различных технологий, методологий и имеют различные цели. Некоторые методы требуют большого опыта в области информатики или статистики, а другие требуют понимания методов интеллектуального анализа данных и объектно-ориентированных языков программирования.

До начала этапа расследования, мошенничество должно быть выявлено. Процесс выявления мошенничества включает в себя поиск симптомов, которые могут указывать на то, что имеет место факт мошенничества. Для поиска признаков мошенничества в базах данных используется такой ИТ-метод интеллектуального анализа данных. К конкретным задачам в автоматизации судебно-бухгалтерской экспертизы можно отнести выявление подозрительных и необычных электронных сделок в целях последующего сокращения числа «заведомо ложных» транзакций. Существует несколько основных задач в процессе автоматизации систем мониторинга операций (транзакций): построение систем, в основе которых лежат простые правила учета каточек клиентов, сокращение количества «заведомо ложных» операций и сопоставление

данных из различных источников в целях получения наиболее полной картины.

Другим важным аспектом, на котором в настоящее время акцентирует внимание судебная бухгалтерская экспертиза, является анализ механизмов финансирования терроризма, где так называемые «чистые деньги» благотворительных фондов и «отмытые деньги» используются для различных видов деятельности (в том числе противоправной), включая производство и реализацию оружия и их прекурсоров.

В настоящее время в США судебные эксперты, бухгалтеры, адвокаты и иные лица, участвующие в процедурах обнаружения и пресечения мошенничества, пользуются недорогими экспертными системами, в основе которых лежат производственные правила, клиенто-ориентированные статистические методы, нейронные сети и иные соответствующие элементы. К наиболее часто используемым можно отнести такие IT-продукты как ACL (Audit command language) – система извлечения данных и анализа программного обеспечения, используемого для выявления случаев мошенничества, профилактики и управления рисками. Используя ACL аудиторы анализируют фонд заработной платы, представительские расходы на работников, кредиторскую и дебиторскую задолженность и другие параметры. NetMap – программа наблюдения за сетевыми соединениями, IBM i2 Analyst's Notebook – визуальная аналитическая среда, которая позволяет государственным службам и компаниям частного сектора максимально эффективно использовать накопленную информацию, быстро сопоставлять, анализировать и наглядно представлять данные из различных источников, быстрее обнаруживать ключевую информацию среди сложных данных и предоставляет актуальный, применимый на практике анализ, позволяющий определить, предсказать и предотвратить преступную деятельность.

Мошенничество подразумевает большое разнообразие видов противоправных деяний, таких как взяточничество, коррупция, мошенничество сотрудников бизнес-структур, потребительские кражи, взломы сетей, мошенничество в рамках процедуры банкротства, хищения личных данных (хищение информации, содержащейся в удостоверяющих личность документах, для совершения мошенничества, например, получения кредита в банке, часто осуществляется через интернет). Мошенничество, совершаемое в бизнес среде, часто называемое профессиональным мошенничеством, является наиболее интересным для исследования судебных экспертов-бухгалтеров. В рамках рассмотрения мошенничества в бизнес среде многие эксперты считают полезным проводить различие между внутренним и внешним мошенничеством. Мошенничество внутри бизнес-структуры включает в себя схемы, реализуемые во вред интересам компании (в целях хищения денежных средств и иных активов компании). Внутреннее мошенничество вклю-

чает в себя такие схемы как растрата, хищение работником денежных средств и др. Оно обычно выявляется внутренними аудиторскими или специализированной командой по обнаружению и установлению фактов мошенничества посредством горячих линий, применяя интеллектуальный анализ данных и внутренний аудит. Внешнее мошенничество, или мошенничество с финансовой отчетностью, включает в себя схемы, реализуемые от имени компании. Это чаще всего осуществляется посредством искажения финансовой отчетности и финансовой информации в целях улучшения имиджа компании и введения в заблуждение акционеров и других заинтересованных лиц. Общие внешние схемы включают в себя преувеличение сведений о доходах, недостоверные сведения об имуществе, в том числе, в отношении которого наложено взыскание, о имеющихся залоговых обязательствах, имеющихся судебных спорах, другие манипуляции с финансовой отчетностью и записями компании.

Расследование фактов мошенничества состоит из нескольких этапов, включая первичный анализ, различные типы опросов, поиск и восстановление документов и назначаемая в рамках судебного производства судебно-бухгалтерская или судебная финансово-экономическая экспертиза. Не исключено производство компьютерной экспертизы. Лицо, занимающееся расследованием мошенничества, в значительной степени вовлечено в вышеуказанные виды деятельности и всегда существует потребность в специальных знаниях, которыми и обладают судебные эксперты – бухгалтеры или IT-специалисты. Это объясняется тем, что даже в относительно узкой области IT-методов обнаружения мошенничества, существуют существенные различия в выполнении задачи и требованиями к уровню знаний. Например, компьютерная экспертиза требует знаний копирования дисков, операционных систем, файлов и графических форматов, а также написания сценариев для автоматизации.

В последнее время методы, основанные на интеллектуальном анализе данных привлекают все больше внимания при решении проблем обеспечения безопасности и выявлении преступного умысла. В основу современной технологии интеллектуального анализа данных положена концепция шаблонов (паттернов), отражающих фрагменты многоаспектных взаимоотношений данных. Эти шаблоны представляют собой закономерности, свойственные выборкам данных, которые могут быть компактно выражены в понятной человеку форме. Поиск шаблонов производится методами, не ограниченными рамками априорных предположений о структуре выборки в виде распределения значений анализируемых показателей. Важной особенностью интеллектуального анализа данных является нетривиальность разыскиваемых шаблонов, т.е. найденные шаблоны должны отражать неочевидные, неожиданные регулярности в данных, составляющие так называемые скрытые зна-

ния. В общем виде процесс интеллектуального анализа данных состоит из трех стадий:

- выявление закономерностей;
- использование выявленных закономерностей для предсказания аналогичных значений;
- анализ исключений, предназначенный для выявления и толкования в найденных закономерностях.

Методы интеллектуального анализа данных подразделяются на две группы по принципу работы с исходными обучающими данными. В первом случае исходные данные могут храниться в явном детализированном виде и непосредственно использоваться для прогностического моделирования и анализа исключений – это так называемые методы рассуждений на основе анализа прецедентов. А во втором случае информация сначала извлекается из первичных данных и преобразуется в некоторые формальные конструкции.

Интеллектуальный анализ данных имеет два совершенно разных значения: технический и общий. Здравый смысл подсказывает, что каждый метод, который заключается в поиске скрытой информации в больших наборах данных – это метод интеллектуального анализа данных. Технический интеллектуальный анализ данных, как правило, ассоциируется с управляемым обучением, основанным на обучающих данных об известных схемах мошенничества и неконтролируемой выборке данных, которые не отмечены как мошеннические. Технический интеллектуальный анализ отличается большим разнообразием методов и программных систем. Тем не менее, прямое применение этих методов в производстве судебно-бухгалтерской экспертизы ограничено ввиду почти полного отсутствия больших наборов данных для обучения о мошенничестве [Jensen, 1997; Болтон, Hand, 2002]. На практике, финансовые ситуации, в которых присутствует факт мошенничества, являются достаточно редкими событиями по отношению к общему числу финансовых операций. Таким образом, часто проблемы обнаружения мошенничества принадлежат к особому типу задач интеллектуального анализа данных. Этот тип проблемы известен как проблемы с редкими и несбалансированными моделями (количество обучающих событий мошенничества гораздо меньше, чем их число в реальных условиях), которые только сейчас начинают привлекать к себе внимание.

Такой интеллектуальный анализ данных для редких и несбалансированных событий в последнее время стал предметной областью исследований по решению двух тесно связанных проблем: автоматизированного обнаружения финансового мошенничества в финансовой сфере и автоматическое связывание разрозненной информации, в целях содействия в борьбе с терроризмом.

Следующие данные показывают о размере набора данных в некоторых задачах по выявлению мошенничества: 350 миллионов транзакций с кредитных карт в год (на примере Barclaycard в Великобритании), более миллиарда транзакций в год RBC (Royal Bank – Королевский Банк Великобритании), и около 275 миллионов звонков каждый будний день принимается AT & T (одна из крупнейших американских телекоммуникационных компаний и один из крупнейших медиаконгломератов). [Болтон, Рука, 2002]. 0.1-0.5% составляют случаи мошенничества от всех операций с кредитными картами. Около 10 миллионов фактов мошенничества из 12 млрд. операций по кредитным картам, совершаемых за год.

Подход, подразумевающий интеллектуальный анализ данных, не предусматривает ручного определения модели (схемы) и выполняет оба шага автоматически, если предоставляются обучающие данные о мошенничестве. Сложность судебно-бухгалтерской экспертизы заключается в том, что никто не предоставляет информацию о случаях мошенничества в проверяемой компании. Даже если такой маловероятный случай происходит, обучающие данные могут содержать только несколько записей из предыдущих проверок. С другой стороны, подход, подразумевающий интеллектуальный анализ данных, нуждается в массивной записи обучающих данных для получения надежных формализованных моделей с использованием индуктивных алгоритмов интеллектуального анализа данных, таких как нейронные сети и алгоритмы, построенные в виде дерева принятия решений. Не касаясь проблем аудита, эти существенные требования к данным легко решаются, например, в оптическом распознавании символов посредством предоставления миллионов отличительных признаков для каждого символа и поиска надежных моделей.

Одним из наглядных примеров применения IT-метода интеллектуального анализа данных является выявление мошенничества в WorldCom. В 2002 г. Ген Морз выявил около \$ 500 млн. дебета по счету PP & E в WorldCom. Он обнаружил аномалию посредством поиска в пользовательском хранилище данных, которую он создал в многомерной базе данных Essbase. WorldCom не дало Морзу доступ к полной финансовой системе, поэтому он создал свое собственное хранилище данных и использовал основные методы интеллектуального анализа данных для поиска доступа к данным. С помощью небольшого скрипта и Microsoft Access, Морз проследил счета через систему финансовой отчетности и в конечном итоге обнаружили \$ 1,7 млрд. капитализированных затрат в 2001 г.

Традиционный аудит использует такой метод, как случайная выборка, чтобы определить, содержит ли совокупность данных ошибки или нет. Этот подход хорошо работает, когда аудиторы ищут аномалии (непреднамеренные ошибки, вызываемые слабыми местами в управле-

нии), т.к. аномалии встречаются в равных интервалах по всему набору данных. В отличие от мошенничества (преднамеренны ошибки, вызванные интеллектуальной деятельностью человека), могут встречаться лишь в нескольких операциях. Хотя выборка данных, содержащая аномалии, должна быть типичной, выборка данных, содержащая мошенничество, не может быть типичной. Предполагая, что мошенничество кроется лишь в нескольких операциях, результат, получаемый при частоте выборки в 5% не будет являться достаточным и 95% риска мошенничества не будут отобраны и будут пропущены. Методы обнаружения мошенничества должны использовать максимально полные совокупности, а когда полные совокупности являются объемными, они почти всегда подразумевают использование компьютерных технологий и методов интеллектуального анализа данных.

Вместе с тем, исследование редких доказательств, содержащихся в большом количестве источников данных, относится к новой области интеллектуального анализа данных и называется методом исследования взаимосвязей. Этот метод главным образом опирается на детерминированные графические методы. Байесовские вероятности и причинно-следственные связи относятся к другим значимым техникам. Корреляция комплекса доказательств, который включает в себя структурированные объекты, тексты и данные в различных дискретных и непрерывных шкалах (номинальная, порядковая, абсолютная и т.д.) требует разработки новой техники, которая должна соответствовать целому ряду требований. Одним из них является модель восприятия. Сложность этой модели заключается в необходимости сочетать различные математические методы.

Одно из предположений, лежащих в основе традиционных методов аудита, является присутствие интеллектуального человека. Когда аудитор проверяет элементы в выборке, он опирается на свои интеллектуальные возможности, здравый смысл, чтобы оценить операции (транзакции). При исследовании и выявлении мошенничества судебные эксперты – бухгалтеры обычно исходят от обратного, изначально оценивая операцию (транзакцию) как не имеющую смысла. Такой подход можно рассматривать как индуктивный. Интеллектуальному анализу данных, реализуемому посредством компьютера, не присущ такой подход. Запросы и сценарии (скрипты) выполняют в точности то, на что они запрограммированы. Они не будут «копать глубже», пока их не запрограммируют соответствующим образом. Этот подход также был назван дедуктивным или упреждающим подходом к обнаружению мошенничества, он включает в себя следующие этапы:

1. Судебные эксперты получают твердое понимание о бизнес-процессах, управлении и окружающей среде. Это понимание позволяет им упредить мошенничество, которое может иметь место.

2. Судебные эксперты коллективно обсуждают мошенничества, которые могут существовать в исследуемой среде, в результате которого могут быть выявлена большая часть потенциально возможных схем мошенничества.

3. Как только потенциальные схемы определены, судебные эксперты описывают пути отражения этих схем в данных. Эти показатели, или красные флаги, являются основными показателями потенциального наличия мошенничества.

4. По каждому показателю судебные эксперты ищут корпоративные базы данных, используя запросы, сценарии и методы интеллектуального анализа данных. Любые аномальные операции (транзакции) являются предметом дальнейшего исследования.

5. Далее судебные эксперты анализируют результаты запроса в целях определения возможных причин аномалий, среди которых может быть мошенничество, слабый контроль или другие причины.

6. Далее они акцентируют внимание на тех показателях, которые могут быть вызваны мошенничеством. Эти дальнейшие исследования применяют дополнительные запросы или традиционные средства в целях определения истинной причины аномалии. Подход, основанный на проверке гипотезы, успешно использовался в ряде экспертиз, в том числе по продаже ликера, университетской среде и здравоохранении в Индии.

Как только компьютерные запросы и скрипты написаны, становится возможным применить метод аудита, при котором проверка всей финансовой документации распределена равномерно на весь отчетный год, что позволяет выявлять и исправлять ошибки до завершения отчетного года (непрерывный аудит). Вместо тестирования на ретроспективных (накопленных) данных в рамках нормального процесса аудита, тесты могут быть запрограммированы в живых (действующих) корпоративных системах в целях непрерывного мониторинга операций (транзакций). Непрерывный мониторинг с применением ИТ-технологий был успешно использован в ряде компаний. Это метод аналогичен подходу проверки гипотезы, описанному ранее.

Методы, используемые для выполнения интеллектуального анализа данных на предмет наличия признаков мошенничества варьируются от простых статистических средних до комплексных нейронных сетей и кластерного анализа.

2.2.1 Цифровой анализ

В 2000 году Марк Нигрини опубликовал важную книгу, под названием «Цифровой анализ на основе закона Бенфорда». Хотя закон Бенфорда уже давно не нововведение, Нигрини предложил технику для широкой аудитории слушателей. Закон Бенфорда стал основой для другого индуктивного метода поиска признаков мошенничества в базах данных. Метод, основанный на использовании данного закона,

применяется при исследовании фальшивых счетов-фактур или других мошеннических сумм в корпоративных базах данных. Этот метод ищет необычные схемы или отклонения от нормы в информации в различных типах наборов данных. Метод безошибочно предсказывает для большинства видов финансовых показателей, что первая цифра в множестве чисел будет очень схожа с моделью распределения, разработанной Бенфордом.

Закон Бенфорда работает, потому что природа производит больше мелких вещей, чем крупных. Существует больше насекомых, чем крупных млекопитающих, больше маленьких домиков, чем крупных и больше мелких озер, чем крупных водоемов. Подобным образом, предприятия производят больше операций с небольшими суммами, чем с большими. Закон Бенфорда прогнозирует, что суммы будут начинаться с цифры 1 чаще, чем с цифры 9, и даже предоставляет математическую формулу, описывающую этот прогноз. Цифра 1 должна появиться примерно в 30% случаев, в то время как цифра 9 должна появиться менее чем в 5%.

Цифровой анализ привлекателен, так как он достаточно прост для написания и понимания, даже для лиц, не обладающих глубокими познаниями в математике. Он может быть реализован на данных, практически без учета контекста. Например, когда данные от определенного поставщика регулярно находятся вне ожидаемого процентного значения, дальнейшее исследование почти всегда оправдано. Основным ограничением закона Бенфорда является деловая информация, которая не всегда придерживается общепринятых правил, при этом существует большое количество причин, по которым операции (транзакции) не соответствуют закону Бенфорда. К наиболее часто встречающимся объяснениям такого несоответствия можно отнести периодические издержки, редкие циклы деловой активности. Одним из недостатков является то, что он более обширный по сравнению с узким подходом к выявлению фактов мошенничества. В этой связи, могут появляться ошибочные сигналы, приводящие к дополнительным временным и денежным затратам, необходимым для исследования.

В некотором смысле, полезность применения цифрового анализа может быть, и переоценена, однако в настоящее время закон Бенфорда является одним из самых популярных методов интеллектуального анализа данных для выявления мошенничества.

Чтобы проиллюстрировать закон Бенфорда, представляется целесообразным вернуться к примеру поиска необычных схем мошенничества, упомянутых выше. Для поиска необычных схем мошенничества можно взять счета-фактуры от каждого продавца и сравнить частоту первой цифрой в долларовой сумме каждого счета-фактуры по модели распределения, предложенной Бенфордом. Если модель для конкретного поставщика отличается от модели распределения Бенфорда, то

это можно расценено как подозрительный факт, требующий дальнейшего исследования.

Преимущество закон Бенфорда в том, что он относительно недорог, прост в использовании и может быть применен к большим базам данных. Одним из недостатков является то, что он более обширный по сравнению с узким подходом к выявлению фактов мошенничества. В этой связи, могут появляться ошибочные сигналы, приводящие к дополнительным временным и денежным затратам, необходимым для исследования.

По аналогии с ACL, этот метод заостряет свое внимание не на отдельные подозрительные факты, а на более широкую область возможного местоположения мошенничества, где должны быть выявлены незаконные сделки.

Существует множество показателей потенциально подозрительных сделок в рамках ведения нелегального бизнеса. Они включают в себя использование нескольких взаимосвязанных и(или) не связанных счетов до того момента, когда деньги перемещается в офф-шоры, отсутствие владельца банковского счета вызывает подозрение соответствующих контролирующих органов, сделки, заключаемые с банками, расположенными в офф-шорах, созданных в целях обналичивания денежных средств, переводящие денежные средства после банкротства в другие места, чаще всего аффилированные с данными банками, сделки с не идентифицированными коммерческими целями и иные переводы, не имеющие аргументации. Некоторые из указанных схем могут быть реализованы с использованием простого программного обеспечения. Тем не менее, такие признаки как электронный перевод крупной суммы через электронную платежную систему привлекает внимание и в большинстве случаев расценивается как потенциально опасные сделки. Таким образом, целью является разработка более сложных механизмов, основанных на взаимосвязях множества показателей.

Одним из основных методов обнаружения мошенничества является исследование значений данных, которые находятся за пределами нормального осуществления предпринимательской деятельности. Например, схема так называемого «отката» (возвращение части полученной суммы денег, обычно в результате принуждения или в качестве взятки) может стать причиной закупки товара у поставщика по цене, в несколько раз превышающей цены у других поставщиков. Простейшим способом обнаружения резко выделяющихся значений является статистический расчет по значению нормированной переменной.

Метод обнаружения связей Link Discovery (LD) появились в последнее время и является перспективным для решения такого рода задач. Потенциал применения метода обнаружения связей в отличие от фундаментальной науки, заключается в возможности его применения при решении различных задач судебной экспертизы. В настоящее вре-

мя метод обнаружения связей опирается главным образом на детерминированные графические методы. Байесовские вероятности и причинно-следственные связи являются другими существенно-важными методами. Оба метода требуют дальнейшего совершенствования для выявления редких подозрительных схем. Сложность задачи диктует необходимость объединения статистических методов с другими математическими методами.

Ю.П. Оноколов

**Соблюдение конституционных прав граждан требует
эффективного выявления, раскрытия и расследования
преступлений, совершаемых военнослужащими
в ходе контртеррористических операций**

В соответствии с главой 2 Конституции РФ права и свободы человека и гражданина должны соблюдаться в том числе в ходе боевых действий и контртеррористических операций, которые нередко имеют место в настоящее время. При этом значительную трудность представляет не только раскрытие и расследование, но и выявление скрытых, латентных преступлений, совершаемых военнослужащими, уровень которых достигает 85%¹, хотя в обычной обстановке этот уровень составляет около 30%². Некоторые участники «чеченских событий» отмечают, что латентность преступлений (в 1994-1996 гг.) была очень велика, поскольку регистрировалось примерно одно из пятнадцати преступлений военнослужащих³, чем нарушались конституционные права потерпевших военнослужащих и гражданских лиц.

Во время ведения боевых действий: в Афганистане, в Чеченской Республике, во время Великой Отечественной войны, многие командиры частей нередко скрывали преступления. Следователями военной прокуратуры выявлялись факты, когда командиры воинских частей и учреждений, то есть органы дознания, придавали преступлениям видимость дисциплинарных проступков или несчастных случаев, а криминальные случаи причинения телесных повреждений и гибели личного состава, военной техники и вооружения в происшествиях относили на боевые действия и потери⁴.

¹ Маликов С.В. Расследование преступлений в боевой обстановке: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. С. 33, 115.

² Горелик В.Я. Латентная преступность в условиях военной службы // Военная мысль. 1999. № 5. С. 50-53.

³ Иншаков С.М. Системное воздействие на преступность в Вооружённых Силах России: дис. ... докт. юрид. наук. М., 1997. С. 83.

⁴ Маликов С.В. Указ. соч. С. 69-84.

В периоды боевой активности в Афганистане происходил рост уклонений от военной службы, выразившейся в основном в виде невозвращения из краткосрочных отпусков и госпиталей, а также в виде членовредительства. Только в 1985 г. официально зарегистрирован рост членовредительства на 587,5%, что не отражает реальной картины, поскольку, вследствие недостаточно целенаправленного выявления случаев членовредительства, их зачастую включали в разряд бытовой травмы¹. Значительной латентностью обладал такой способ совершения членовредительства, как употребление мочи больных инфекционным гепатитом, которым за весь период нахождения наших войск в ДРА переболело 115308 человек².

Рост преступности военнослужащих наблюдался и во время обеих «чеченских кампаний». Так, во время установления конституционного порядка в Чеченской Республике (1994-1996 гг.) органами военной прокуратуры было учтено более 1500 преступлений, совершенных военнослужащими. В период проведения контртеррористических операций в Северо-Кавказском регионе (1999-2005 гг.), военнослужащими Объединенной группировки войск (сил) было совершено более 3000 преступлений. При этом была тенденция роста уровня преступности как в период установления конституционного порядка в ЧР (на 39,2% в 1996 г., по сравнению с 1995 г.), так и в период проведения контртеррористических операций (на 20% в 2002 г., по сравнению с 2001 г.)³.

С конца 1994 г. по 1996 г., автор участвовал в отправлении правосудия на территории Чеченской Республики. В начальный период активного ведения боевых действий, когда в ЧР была лишь одна военная прокуратура гарнизона, регистрировались и расследовались, как правило, только те преступления, которые нельзя было не зарегистрировать, а именно: умышленные убийства, самовольные оставления части, некоторые хищения оружия и боеприпасов, а также хищения чужого имущества в достаточно крупных размерах (когда похищенное вывозилось машинами). Преступления, связанные с применением насилия, неуставными действиями, превышением власти, не повлекших тяжких последствий, а также небольшие хищения военного имущества и личного имущества граждан обычно не регистрировались, следователями не расследовались и в военный суд такие дела не поступали. Анало-

¹ Лавренюк Г.П. Обоснование принципов и разработка системы организации военной судебно-медицинской службы в ВС РФ в мирное и военное время: дис. ... докт. мед. наук. СПб., 1996. С. 120-121.

² Россия и СССР в войнах XX века. Потери Вооруженных Сил (Статистическое исследование) / под ред. Г.Ф. Кривошеева. М., 2001. С. 538.

³ Винокуров А.Ю. Расследование преступлений, совершенных военнослужащими в отношении гражданского населения в районах вооруженного конфликта: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 4.

гичные категории дел стали поступать в военный суд лишь после 2000 г., когда обстановка более-менее стабилизировалась, а на территории Чеченской Республики была создана не одна, а несколько (в последующем 12) военных прокуратур гарнизона и военная прокуратура Объединённой группировки войск (на правах военной прокуратуры округа). За первые девять месяцев боевых действий на территории ЧР, то есть за три квартала 1995 г., в военный суд из военной прокуратуры в/ч 44662, обслуживавшей Объединённую группировку войск (сил), часть войск которой находилась и в гор. Моздоке Республики Северная Осетия-Алания, поступило лишь 34 уголовных дела. Более половины, около 20 дел, были дела об оставлении части теми военнослужащими, которых задержали должностные лица других воинских частей либо иных государственных органов. То есть на первоначальном этапе ведения боевых действий, до надлежащей организации работы правоохранительных органов, в значительной степени нарушаются конституционные права потерпевших.

Согласно данных Главной военной прокуратуры в 1995-1996 гг., то есть во время «первой чеченской кампании» и действия УК РСФСР, было зарегистрировано только 11 преступлений, совершённых военнослужащими в боевой обстановке: 4 умышленных убийства, 1 умышленное повреждение имущества, 2 хищения оружия и боеприпасов, 1 утрата оружия, 3 самовольных оставления части. С 1997 г. по 2002 г., в период ведения боевых действий в Чеченской Республике и в Республике Дагестан (с 1999 г.), то есть в период «второй чеченской кампании», когда была организована работа нескольких военных прокуратур и обстановка стабилизировалась, уже было зарегистрировано 2272 преступления (в суд направлено 1026 дела), совершённых в боевой обстановке, в том числе: 188 умышленных убийств (в суд 60), 16 иных убийств (в суд 10), 9 доведений до самоубийства (в суд 0), 5 умышленных уничтожений и повреждений имущества (в суд 1), 105 хищений оружия и боеприпасов (в суд 4), 92 утраты оружия и боеприпасов (в суд 59), 502 уклонения от военной службы (в суд 89): 428 самовольных оставлений части, 63 дезертирства (из них с оружием – 46), 11 членовредительств¹. То есть основная часть дел об убийствах и доведениях до самоубийства не была раскрыта и направлена в суд, чем были нарушены конституционные права родственников убитых как гражданских лиц, так и военнослужащих, что свидетельствует о недостатках в организации раскрытия и расследования преступлений в боевой обстановке и в ходе контртеррористических операций.

Не выявлению преступлений нередко способствовало их сокрытие

¹ Кудинов М.А. Теоретические и правовые основы уголовной ответственности за преступления против военной службы, совершаемые в военное время и в боевой обстановке: дис... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 195-208.

командирами частей и подразделений. Во время установления конституционного порядка на территории Чеченской Республики (1994-1996 гг.) были случаи, когда военных прокуроров и следователей командир не допускали к месту происшествия, под угрозой применения оружия выдворяли с территории воинской части, не давали возможности провести расследование, допрашивать свидетелей, проводить опознания. В качестве объяснения приводился такой аргумент – идет война, а на войне, якобы, законы мирного времени не действуют¹. Чтобы обеспечить возможность нормальной работы правоохранительных органов, начальник Генерального штаба ВС РФ, по представлению Главной военной прокуратуры, был вынужден издать специальную директиву².

Во время «первой чеченской кампании» нередко имели место такие факты уклонений от военной службы, когда командованию, то есть органу дознания, было известно об оставлении части достаточно большого количества военнослужащих, однако уголовные дела в связи с этим не возбуждались, если те в разумные сроки являлись в военкоматы либо по месту постоянной дислокации воинской части, вне пределов ЧР. Так, в период активной военной фазы в ЧР самовольно оставили воинские части более 400 военнослужащих по призыву, что составляет 61,6% от общего числа самовольно оставивших части, однако осуждено было только 35 (4,9%) военнослужащих³. Особенностью следует признать появление в 1995 году в районе ведения боевых действий матерей военнослужащих по призыву, которые «увозили» своих сыновей из района ведения боевых действий. По данным бывшего Министра обороны РФ П. Грачева, родители военнослужащих, с помощью представителей Комитета солдатских матерей, «увели» с боевых позиций 500-600 военнослужащих по призыву⁴.

Однако в 1995-1996 гг., по сведениям Главной военной прокуратуры, было зарегистрировано лишь 3 уклонения от военной службы (все 3 – самовольные оставления части), совершённых в боевой обстановке, что свидетельствует об их большой латентности. С 1995 г. по 2002 г., согласно данным Главной военной прокуратуры, было возбуждено 2290 дел по преступлениям, совершенным в боевой обстановке, 477 дел по преступлениям, совершенным в условиях межнационального

¹ Яковлев Ю.П. Перед законом все равны. Органы военной прокуратуры помогают в восстановлении конституционного порядка в Чеченской Республике // Красная звезда. 1996. 6 марта.

² Директива начальника Генерального штаба ВС РФ от 12.04.1996 ДГШ-11 «Об обеспечении условий для осуществления своих полномочий органами военной прокуратуры в ВС РФ».

³ Маликов С.В. Указ. соч. С. 22.

⁴ Новичков Н.Н., Снеговский В.Я., Соколов А.Г., Шварев В.Ю. Российские Вооруженные Силы в чеченском конфликте (Анализ, итоги, выводы). М., 1995. С. 70.

конфликта, а суд направлено лишь около половины дел: 1026 дел по преступлениям, совершенным в боевой обстановке и 133 дела по преступлениям, совершенным в условиях межнационального конфликта¹. То есть примерно по половине зарегистрированных преступлений никто к уголовной ответственности привлечён не был, что также свидетельствует о многочисленных нарушениях конституционных прав потерпевших.

Таким образом, соблюдение конституционных прав человека и гражданина требует эффективного выявления, раскрытия и расследования преступлений, совершаемых военнослужащими в ходе контртеррористических операций. Данная проблема существует в течение всего исторического периода развития нашего государства. Фактическая преступность военнослужащих и её латентная составляющая значительно увеличиваются во время контртеррористических операций, в ходе военных и боевых действий, в периоды вооружённых и межнациональных конфликтов. Чем интенсивнее и широкомасштабней осуществляются боевые действия, тем труднее их выявлять, раскрывать и расследовать, тем выше уровень преступности и латентности преступлений. Во время боевых действий увеличивается латентность не только различных видов уклонений от военной службы, но и умышленных и неосторожных преступлений, связанных с оружием и боеприпасами, с причинением телесных повреждений и гибелью военнослужащих; преступлений корыстной направленности; преступлений против гражданского населения. Этому часто способствует сокрытие преступлений командованием, которое нередко преступные действия, повлекшие гибель военнослужащих, относит к боевым потерям, а повлекшие тяжкий вред здоровью – к несчастным случаям, ранениям в ходе боевых операций и др. Во время контртеррористических операций выявить, раскрыть и расследовать значительную часть совершённых как военнослужащими, так и гражданскими лицами преступлений крайне затруднительно, а непривлечение к уголовной ответственности виновных нарушает конституционные права потерпевших, которыми бывают как военнослужащие, так и гражданские лица. Поэтому работникам следственных органов необходимо научиться выявлять, раскрывать и расследовать преступления, совершаемые во время боевых действий и контртеррористических операций.

Л.М. Орехова

Понятие правосознания

Правосознание возникло и формируется на протяжении всей человеческой истории. На его содержание, как одну из форм общественно-

¹ Кудинов М.А. Указ. соч. С. 195-208.

го сознания, оказывает воздействие ряд факторов: социально-политические, экономические, культурные и, конечно же, правовые. Оно не только взаимосвязано, но и теснейшим образом взаимодействует с политическим сознанием, моралью, искусством, религией, философией, наукой.

Формирование правосознания становится в XIX–XXI вв. процессом, продвигающим эволюцию общественного сознания к новому уровню коллективного разума. Ибо если вообще эволюция *Homo sapiens* (человека разумного) имеет своим предназначением развитие духовного начала в природе или самоорганизуется для этого, то нынешний всплеск правосознания в общественном сознании – один из этапов этого развития.

От мифологического сознания к логическому, а от него к логико-правовому – так можно определить основной вектор в продвижении общественного сознания к дальнейшим рубежам и высотам.

Правосознание, имея длительную историю становления и развития, на определенных этапах знает свои взлеты и падения, эволюционные и революционные периоды. Оно было отличительной чертой общественного сознания древних римлян, когда торжествовало римское право. Юридическое мировоззрение, которое при этом становилось господствующим, охватывало не только бытовую сторону жизни римлян, но и сферу духовную. Языческие боги римлян – это герои многих произведений искусства: они судятся, спорят, помогают или вредят людям. Они символы тех или иных правовых течений, процессов, оценок, идеалов.

Принципы свободы, равенства, справедливости, гуманизма обрели все более многообразные и совершенные формы выражения в правосознании, праве разных народов и государств. Для буржуазного общества характерной чертой является юридическое мировоззрение, которое рассматривает право как первооснову, фундамент общественной жизни. Юридическому мировоззрению присущ формальный подход к анализу жизненных отношений и институтов.

Чем дальше забирается человечество в неисповедимые глубины прогресса, тем ярче проявляет себя юридическая природа сознания, тем важнее становится этапная задача – следовать многим положениям, раскрытым теорией права в правосознательной сфере человеческого общежития.

История теории правосознания в российской юридической науке начинается с исследований проводимых представителями психологической школы права. Русский учёный-юрист, философ права Н.М. Коркунов, пытаясь установить значение рационального и иррационального в правотворчестве, писал: «возникновение права обусловлено сознательным соблюдением известных правил поведения, как обязательных, но содержание этих первоначальных юридических норм не твориться со-

знательно, оно дается бессознательно сложившимися обыкновениями»¹.

Приведем для примера понятие «правосознание», раскрытые в различных словарях:

В словаре С.И. Ожегова, понятие «правосознание» толкуется, как совокупность взглядов на действующее право, на существующие правовые нормы².

В толковом словаре Т.Ф. Ефремовой понятие «правосознание» раскрыто, как совокупность правовых взглядов людей, выражающих оценку действующего права, существующего общественного и государственного строя, правомерность или неправомерность поведения граждан.³

В философской энциклопедии под редакцией Л.Ф. Ильичёва, П.Н. Федосеева, С.М. Ковалёва, В.Г. Панова дается понятие «правосознание» – это совокупность взглядов, идей, выражающих отношение людей, социальных групп, классов к праву, законности, правосудию, их представление о том, что является правомерным или неправомерным⁴.

В словаре практического психолога понятие «правосознание» трактуется, как сфера общественного или индивидуального сознания, включающая правовые знания, отношение к праву и правоприменительной деятельности⁵.

Правосознание, с точки зрения налогового и хозяйственного права, это идеи и представления людей о праве. Правосознание отражает понимание людьми содержания прав и обязанностей, их представления о существующем праве, о необходимости изменения норм права⁶.

Понятие «правосознание» в юридическом словаре терминов, раскрывается как категория теории государства и права и криминологии, означающая сферу общественного, группового и индивидуального сознания, отражающую правозначимые явления и обусловленную правозначимыми ценностями, представлением должного правопорядка. Правосознание определяется социально-экономическими условиями жизни общества, его культурно-правовыми, демократическими или авторитарными традициями⁷.

Сам термин «правосознание» состоит, как видим, из двух слов – «право» и «сознание». Уже из этого словообразования вытекает тесная взаимосвязь указанных слагаемых. Понятие правосознания прямо отве-

¹ Коркунов Н. Лекции по общей теории права. СПб., 1890. С. 108.

² Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М., 1999.

³ Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка. Т.2 М., 2006.

⁴ Философский энциклопедический словарь. М., 1983.

⁵ Словарь практического психолога. М., 1998.

⁶ Словарь: бухгалтерский учет, налоги, хозяйственное право. М., 2001.

⁷ Юридический словарь. URL: <http://lawcanal.ru>.

чает на вопрос: как право воспринимается, осознается, оценивается, интерпретируется субъектом, как он к нему относится. Не было бы права, не было бы и правосознания. И, следовательно, есть правосознание, значит, есть и объект его отражения – право.

Правосознание выражает оценку права с точки зрения его справедливости или несправедливости, мягкости или строгости, совершенства или несовершенства, эффективности или неэффективности, достоинств или недостатков. Это – разнообразные, порой полярно противоположные суждения о праве, одобрительная или отрицательная реакция на его действие.

Правовое сознание тесно связано с политическим и нравственным сознанием. Ведь многие правовые акты, законы, оцениваемые правосознанием, имеют также политическое и нравственное содержание. Вообще в основе права лежит, как известно, мораль. Русские дореволюционные юристы И.А. Ильин и В.С. Соловьев определяли право, как «минимум нравственности» или как «юридически закрепленную мораль». Поэтому в правосознании органически переплетаются как юридические, так и этические и политические идеи. Да и все формы общественного сознания не отгорожены друг от друга непроходимой стеной.

Правосознание являлось предметом исследования таких ученых правоведов, как Шершеневич Г.Ф., Б.Н. Чичерин, по мнению которых правосознание – это сознание правомерного поведения на уровне мотивации индивида.

Известный философ И.А. Ильин в своей работе «О сущности правосознания» писал: «Правосознание – это «инстинктивное предчувствие», в котором реализуется собственная духовность и признается духовность других людей. Источником правосознания являются религиозное чувство и совесть, без них правосознание представляет собой «черствую форму, лишенную дара любви и дара созерцания». Так же в своей работе И.А. Ильин отметил, что: «нет человека без правосознания, но есть множество людей с пренебреженным, запущенным, уродливым или даже одичавшим правосознанием... Однако и слабое, продажное, рабское, преступное правосознание остается правосознанием, хотя его душевно-духовное строение оказывается неверным, а его содержание и мотивы ложными и дурными»¹.

Для того, чтобы подробнее рассмотреть вопрос о понятии правосознания следует обратиться к различным подходам к пониманию права, потому что правосознание есть одна из категорий права.

Рассмотрим три основных подхода к пониманию права и в соответствии с ними определимся, какое место занимает правосознание в существовании права. Эти подходы выделяют в зависимости от того, в чем усматривается основа права – норма права, правосознание, правоотно-

¹ Ильин И.А. О сущности правосознания. М., 1993.

шение – нормативистский, психологический и социологический¹ (это три узких подхода, а широкий подход к пониманию права объединяет норму права, правосознание и правоотношение в основе права).

Нормативистский подход к пониманию права ставит в основу права – юридическую норму. Тем самым они игнорируют роль правосознания в создании и реализации правовых норм.

Психологическая теория основывается на правосознании, эта теория признает правом конкретную психическую деятельность реальность – правовые эмоции человека.

Интуитивное право и выступает регулятором человеческого поведения и потому рассматривается как реальное, действительное право.

Социологическая теория права рассматривает как эмпирическое явление, в основу понятия права положено общественное отношение, защищенное государством, а нормы закона и правосознание не отрицаются этой теорией, а рассматриваются как признаки права. Само же право это порядок в общественных отношениях, в действиях людей.

В связи с вышеуказанным можно сделать вывод, что ни один из них несостоятелен в отношении реальной действительности, ведь ни один из этих подходов не является господствующим в нашем государстве. Но наиболее признанным является широкий подход к пониманию права, который ставит в основу права данные три правовых явления – норму права, правосознание и правовые отношения, иными словами эти явления имеют одинаковую роль в существовании права. Они взаимосвязаны и взаимообусловлены и вместе с тем они играют большую роль в существовании права.

Несомненно, при всех вышесказанных теоретических толкований надо отметить, правосознание принадлежит индивидууму – человеку-гражданину – участнику правоотношения. Каждый человек является носителем определенного правосознания. Неважно какого – высокого или низкого, развитого или незрелого, правильного или искаженного. Главное то, что гражданин имеет собственное мнение о праве, пусть и не вполне компетентное. Адекватное осознание права имеет важнейшее значение для жизнедеятельности индивида, его поведения, юридического мировоззрения, культуры, гражданской позиции. Не подготовленный в правовом отношении человек, как правило, социально пассивен, замкнут в узком мире личных интересов. Неразвитое или деформированное правосознание служит питательной средой многих правонарушений, других антиобщественных аномалий.

Чем выше у того или иного субъекта правосознание, тем выше уровень его правовой осведомленности, информированности. Причем знания, накапливаемые правосознанием, постоянно углубляются и рас-

¹ Теория государства и права / под ред. В.М. Корельского, В.Д. Перевалова. М. 1999. С. 221.

пространяются, делаются достоянием все более широкого круга физических и юридических лиц. Сюда же входит правовое просвещение населения, подготовка юридических кадров, правовая пропаганда, печатные труды, средства массовой информации.

Правосознание в современном российском обществе крайне неоднородно, противоречиво, во многом деформировано. Процветает правовой нигилизм, неуважительное отношение к праву, законам. Растет преступность, другие противоправные деяния. Главная причина – кризисное состояние общества, низкая политическая, правовая и нравственная культура граждан, неэффективная работа правоохранительных органов.

Вопрос развития правового сознания граждан (в том числе сотрудников ОВД РФ) в настоящее время выступает одним из ключевых вопросов в области государственного управления. Президентом России 4.05.2013 утверждены «Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан», которые позволяют проводить эффективную и долгосрочную государственную политику по повышению значимости права, укреплению правосознания, практике его применения, информированности людей о законе, и которые призваны создавать принципиально иное отношение закона к праву и иную его роль в российском обществе.

Реализация развития правосознания граждан должна осуществляться всеми исполнительными органами и их уполномоченными должностными лицами, прежде всего территориальными органами МВД России на региональном и районном уровнях (их подразделениями и службами участковых уполномоченных, по делам несовершеннолетних (ПДН), лицензионно-разрешительной работы (ЛРР), вневедомственной охраны полиции (ВОП), патрульно-постовой службы (ППС), государственной инспекции безопасности дорожного движения (ГИБДД) и др.).

В заключении надо отметить, что, по мнению ряда ученых (Ф.П. Васильев) толкование о термине «правосознании» есть необходимость предпосылочного и обязательного характера (требование), т.е. причинность. Она выражается в том, что вышеназванный документ (Распоряжение Президента РФ) адресовано для всех федеральных органов. Если так, то, МВД России как основной субъект по обеспечению внутренней безопасности страны обязано проводить государственную политику по правовому воспитанию граждан, в целях развития их правовой грамотности и правосознания. То есть в процессе исполнения государственных функций по профилактике правонарушений или иных надзорно-контрольных и услуговых вопросов следует учитывать названный нами основополагающий документа. Ибо не связывание (требований) НПА между собою мы не в состоянии вести речь о верховенстве права, а также о правовом государстве, где правовая грамот-

ность и правосознание способствую сдерживанию совершения противоправных действий со стороны любого участника правоотношения.

П.С. Пастухов

К вопросу о соблюдении баланса между «рационализацией» доказывания и обеспечением прав личности в уголовном процессе

Упрощение уголовно-процессуальной формы (дифференциация формы) при сохранении гарантий прав и свобод человека и гражданина было и остается актуальной проблемой развития отечественного уголовно-процессуального права.

В свое время противники дифференциации уголовно-процессуальной формы в сторону ее упрощения (в виде «протокольной формы») указывали на опасность ослабления гарантий установления объективной истины и обеспечения прав личности.

Современный законодатель после долгих раздумий и сомнений решился на создание сокращенной формы дознания. В связи с этим возник прежний круг вопросов и сомнений относительно того, как подобное «сокращение» скажется на доказывании, его результатах, правомерности процессуальных решений и пр.

Федеральный закон от 4.03.2013 № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»¹ (далее – Закон № 23) ввел главу 32.1 УПК РФ, предусматривающую сокращенное дознание. Между тем, правые последствия этого закона выходят далеко за рамки данного института, они существенным образом меняют общий правовой формат доказательственной деятельности.

Мы разделяем мнение о том, что данным законом был выведен ряд важных нововведений в отечественное доказательственное право: в нем имеет место попытка пересмотреть традиционную – следственную парадигму доказательства и доказывания (в частности, допустимости, достаточности доказательств, способов доказывания, проверки доказательств и пр.)². Это означает, замысел законодателя не ограничивался созданием только сокращенной формы дознания, но преследовал более отдаленные цели. Можем предположить, что создается новая концепция доказательственного права, поскольку пороки существующей уже более, чем очевидны.

¹ Российская газета. 2013. 6 марта.

² Александров А.С., Лапатников М.В. Старые проблемы доказательственного права в новой уголовно-процессуальной упаковке «сокращенного дознания» // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД РФ, 2013. № 22. С. 29-32.

Следует согласиться с тем, что Закон № 23 еще более укрепил тенденцию на закрепление в законе договорного способа установления фактов по делу. Если ранее наша правовая доктрина совершенно отрицала такую возможность, то новые формы, предусмотренные главами 40, 40.1, 32.1 УПК РФ, а также ряд других, напротив, основываются на подобном способе. Суть его состоит в том, что факты, не оспариваемые сторонами, факты по поводу заключается соглашения сторон, принимаются судом за доказанные, бесспорные факты.

Представляет интерес правовая норма, содержащаяся в ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ. Она разрешает дознавателю не производить следственные и процессуальные действия, направленные на установление фактических обстоятельств, сведения о которых содержатся в материалах проверки сообщения о преступлении, если такие сведения отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам УПК РФ. Тем самым, осуществлено уравнивание в доказательственном значении материалов доследственной проверки (объяснений, акта специалиста) с «настоящими» доказательствами (ч. 1.2 ст. 144; ч. 4 ст. 226.5 УПК РФ). Обвинение может основываться на материалах, полученных путем проведения «проверочных действий», т.е. в ходе т.н. доследственной проверки. Следственные действия получают вообще субсидиарное значение в доказывании, хотя по существующей правовой доктрине они являются основным способом собирания доказательств¹. Можно согласиться с тем, что наметилась четкая тенденция на слияние дознания (уголовно-процессуальной деятельности) и предварительной, доследственной проверки («альтерпроцессуальной» деятельности) по установлению фактических обстоятельств дела.

Не менее важны для доказательственного права изменения, внесенные Законом № 23 в главу 19 УПК РФ. Так, произошло расширение перечня проверочных действий, разрешаемых проводить до возбуждения уголовного дела (ст. 144 УПК РФ). Перечень ранее допустимых законом следственных действий расширился за счет включения в него назначение и производство судебной экспертизы, получение образцов для сравнительного исследования. Кроме того, правоприменитель, обрел законное, а не фактическое, право на взятие объяснений и истребование предметов и документов (хотя о последнем говорилось ранее в ч. 4 ст. 21 УПК РФ).

Заслуживает внимания формулировка об изъятии предметов и документов, в порядке, установленном УПК РФ (ч. 1 ст. 144). Очевидно, что под него может подпадать гласное оперативно-разыскное мероприятие, предусмотренное (п. 8 ч. 1 ст. 6 ФЗ «Об ОРД»): обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств.

¹ Александров А.С., Лапатников М.В. Указ. соч. С. 30.

Весьма радикальное нововведение содержится в части 1.2 статьи 144 УПК РФ, суть его состоит в том, что полученные в ходе проверки сообщения о преступлении сведения могут быть использованы в качестве доказательств при условии соблюдения положений ст. 75 и 89 УПК РФ. Значит, материалы, отвечающие указанным требованиям, имеют доказательственное значение.

Впрочем, по мнению многих авторов, эта новелла вряд ли даст ожидаемый позитивный эффект¹, в виду своей половинчатости и сохранения в неизменном виде инквизиционного порядка досудебного производства. Здесь мы переходим к самой большой проблеме отечественной теории доказательств и доказательственного права, а именно: разграничение процессуальной и непроцессуальной деятельности по получению доказательств.

Полагаем, что неотложной проблемой развития уголовно-процессуального права России являются деформализация досудебного доказывания и отказ от следственной формы подготовки материалов сторонами, которые могут содержать доказательственную информацию для суда. Необходимо снять различия между доследственными и следственными способами получения «доказательств». Гласные и негласные следственные действия должны в равной степени формировать фактические данные, из которых в суде формируются судебные доказательства. На пути этих преобразований стоит стадия возбуждения уголовного дела, следственная форма досудебного производства по уголовным делам. Поэтому от этих атрибутов инквизиционного процесса необходимо отказываться. Вся досудебная подготовка фактических материалов для формулирования и выдвижения обвинения, принятия иных процессуальных решений должна проводиться любыми незапрещенными законом способами.

Все эти меры давно известны и многократно обсуждались, их затягивание свидетельствует скорее сего о нежелании элиты и неготовности общества (в том числе юридического сообщества) к такого рода переменам. Есть и объективные препятствия для их свершения: несформированность институтов правового государства, в первую очередь – независимой судебной власти, зачаточное состояние гражданского общества.

В завершенном виде позиции Конституционного Суда РФ относительно разумной активности суда в условиях состязательной процедуры судебного разбирательства отражена в постановлении Конституционного Суда РФ от 2.07.2013 № 16-П «По делу о проверке конституционности положений части 1 ст. 237 УПК РФ в связи жалобой гражданина Республики Узбекистан Б.Т. Гадаева и запросом Курганского об-

¹ Александров А.С., Лапатников М.В. Сокращенное дознание: устаревшее новшество // Уголовный процесс. 2013. № 4. С. 12-19.

ластного суда»¹. В данном постановлении Конституционный Суд РФ сделал важный шаг в развитие линии своих рассуждений о пределах правоусмотрения судьи при принятии решения о возвращении уголовного дела прокурору. При этом Конституционный Суд РФ однозначно определил роль суда как органа, самостоятельно, независимо от позиции того или иного участника процесса, по своему внутреннему убеждению оценивающего обстоятельства конкретного дела и принимать процессуальные решения. При этом суд вправе исправлять допущенные органами предварительного расследования нарушения или ошибки, принимать меры к исполнению доказательств. Таким образом, суд должен занимать активное, а не пассивное, положение в процессе, чем и из чего и вытекает его полномочие на направление уголовного дела прокурору для производства дополнительного расследования и исполнения неполноты досудебного производства.

Полагаем, что последнее из проанализированных нами решений Конституционного Суда РФ имеет принципиальное значение для формирования отечественной доктрины доказательственного права, отличительной чертой которого является активность суда в уголовно-процессуальном доказывании.

В заключение нельзя не упомянуть и о последствиях для уголовно-процессуальной деятельности по борьбе с преступностью Федерального закона № 207², которым дела о мошенничестве переведены в категорию частно-публичного обвинения. Из смысла ч. 3 ст. 20 (в ред. Закона № 207) вытекает, что создана специфическая категория дел частно-публичного обвинения, специально созданная для исключения возможности решения хозяйственного спора посредством уголовного преследования, которая включает в себя преступления, предусмотренные ст. 159-159 [6] (мошенничество), 160 (присвоение или растрата), 165 (причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием) УК РФ.

Нельзя не разделить озабоченности, прозвучавшей в ряде публикаций, в связи с тем, что публично правовая деятельность оперативных подразделений по выявлению преступных мошеннических действий, изобличению мошенников, раскрытию данной категории преступления теперь поставлена в зависимость от позиции потерпевшего. По мнению некоторых комментаторов: «Выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений в сфере экономической деятельности, а также выявление и установление лиц, их подготавливающих, совер-

¹ Российская газета. 2013. 12 июля.

² О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон Российской Федерации от 29.11.2012 № 207-ФЗ // Российская газета. 2012. 3 декабря.

шающих или совершивших (ст. 2 ФЗ «Об ОРД») не входит теперь в число задач оперативных подразделений ОВД, других правоохранительных органов»¹.

В зависимости от воли потерпевшего попали органы следствия, прокуратура, которые связаны в принятии решения о возбуждении уголовных дел данной категории, о привлечении к уголовному преследованию мошенников. Они до тех пор, пока потерпевший от преступных действий не обратится с официальным заявлением с требованием о возбуждении уголовного дела, и следователь не возбудит уголовное дело. Таким образом, получение доказательственной информации по делам о мошенничестве существенно затруднено, что, на наш взгляд, чревато ослаблением борьбы с данным видом преступлений в сфере экономической, предпринимательской деятельности.

В итоге получается, что наше доказательственное право реформируется не вполне последовательно, наряду с бесспорными достижениями в виде определенной деформализации получения доказательств, в нем появляются какие-то изъятия по некоторым категориям уголовных дел (в отношении предпринимателей). Это не может не настораживать: доказательственное право в своей концептуальной основе должно быть единым для всех категорий уголовных дел.

И.А. Попов

Совершенствование правового обеспечения противодействия преступности иностранных граждан и лиц без гражданства

Результаты анализа правоприменительной практики привлечения лиц к уголовной ответственности за преступления, связанные с незаконной миграцией, свидетельствуют о несовершенстве уголовно-правового механизма противодействия данным преступлениям.

При этом следует отметить достаточно высокий уровень преступности иностранных граждан и лиц без гражданства за последние 3 года. Только в 2011 г. на территории РФ иностранными гражданами было совершено почти 45 тыс. преступлений, из них 41 тыс. – мигрантами из стран бывшего СССР. В 2012 г. криминальная ситуация в России с преступностью иностранных граждан также оставалась тревожной².

При этом эффективность уголовно-правовой борьбы с незаконной миграцией остается крайне низкой. Об этом, в частности, свидетельствуют результаты расследования органами дознания и предваритель-

¹ Александров А.С., Александрова И.А. Частно-публичное уголовное преследование по делам о мошенничестве // Уголовное право. 2013. № 2. С. 77-82.

² Форма отчетности ФКУ «ГИАЦ МВД России» «Сведения о преступлениях, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства, а также в отношении них за 2010-2012 гг.».

ного следствия в системе МВД России преступлений, предусмотренных ст. 322.1. УК РФ «Организация незаконной миграции» (подследственность следователей (дознавателей) органов ФСБ и ОВД).

Так, если в 2010 г. в целом по России органами предварительного расследования в системе МВД России в суд было направлено 433 уголовного дела на 460 обвиняемых, то в 2012 г. их количество соответственно составило 259 дел и 268 чел. При этом следует отметить, что по части второй рассматриваемой статьи УК РФ, предусматривающей ответственность за совершение данных преступлений организованной группой, в суд направлено всего 5 уголовных дел на 11 обвиняемых¹.

Последние события, связанные с массовыми беспорядками 13.10.2013 в московском районе «Западное Бирюлево» г. Москвы в связи с убийством Егора Шербакова, свидетельствуют о необходимости совершенствования правового механизма противодействия преступности иностранных граждан и лиц без гражданства.

Правовой основой деятельности по осуществлению контроля миграционных процессов в Российской Федерации является Федеральный закон от 18.07.2006 № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации».

В соответствии со ст. 1 вышеуказанного Закона предметом его регулирования являются отношения, возникающие при осуществлении учета перемещений иностранных граждан и лиц без гражданства, связанных с их въездом в РФ, транзитным проездом через территорию РФ, передвижением по ее территории при выборе и изменении места пребывания или жительства в пределах РФ либо выездом из нее.

Основной объем работы по реализации государственной политики в сфере миграции посредством выполнения правоприменительных функций (в том числе, функции по контролю, надзору и оказанию государственных услуг в сфере миграции) осуществляет Федеральная миграционная служба (далее – ФМС России).

Ее задачи и полномочия содержатся в Положении о Федеральной миграционной службе, утвержденном постановлением Правительства РФ от 13.07.2012 № 711. Так, одними из основных задач ФМС России являются:

- выработка и реализация государственной политики в сфере миграции;
- осуществление миграционного учета иностранных граждан и лиц без гражданства в РФ;
- разработка и реализация во взаимодействии с иными государственными органами мер по предупреждению и пресечению незаконной миграции.

¹ Сводный отчет по России за 2010-2012 гг. (Экспресс-информация ФКУ «ГИ-АЦ МВД России»).

В целях реализации возложенных на нее вышеуказанных задач она наделена такими полномочиями, как:

- реализация мер по предупреждению и пресечению незаконной миграции, иммиграционный контроль в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства;
- регистрация иностранных граждан и лиц без гражданства по месту жительства и учет иностранных граждан и лиц без гражданства по месту пребывания;
- формирование и обеспечение функционирования государственной информационной системы миграционного учета;
- контроль соблюдения иностранными гражданами и лицами без гражданства, должностными лицами, юридическими лицами, иными органами и организациями правил миграционного учета и др.

Низкие результаты уголовно-правовой борьбы с незаконной миграцией, по нашему мнению, обусловлены, в том числе, несовершенством действующего уголовного законодательства РФ. Достаточно сказать, что в УК РФ содержится лишь одна правовая норма об ответственности за незаконную миграцию – ст. 322.1 «Организация незаконной миграции». В то же время, с учетом сложившейся криминогенной ситуации, связанной с нарушениями установленного порядка въезда в РФ, назрела объективная необходимость в дополнении УК РФ статьями, предусматривающими ответственность за содействие в организации незаконной миграции, а также за незаконный въезд в РФ.

Как свидетельствует практика, преступления, связанные с организацией незаконной миграции, нередко совершаются группой лиц по предварительному сговору, а также с участием лиц, содействующих их совершению советами, указаниями, предоставлением информации и другими действиями, указанными в ч. 5 ст. 33 УК РФ. При этом в ст. 322.1. УК РФ «Организация незаконной миграции» отсутствует такой квалифицирующий признак, как совершение данного деяния «группой лиц по предварительному сговору». В УК РФ также не предусмотрена самостоятельная правовая норма об ответственности за содействие в организации незаконной миграции.

Как известно, за нарушение иностранным гражданином или лицом без гражданства правил въезда в РФ либо режима пребывания (проживания) в РФ предусмотрена административная ответственность (ст. 18.8 КоАП РФ).

В то же время, нельзя не учитывать повышенную степень общественной опасности совершения данных противоправных деяний в соучастии, в том числе, группой лиц по предварительному сговору, или с применением насилия в отношении должностных лиц, осуществляющих контроль за соблюдением правил въезда в РФ.

Одной из превентивных мер противодействия незаконной миграции с учетом указанных выше квалифицирующих признаков, по нашему

мнению, может быть введение в России уголовной ответственности за данные деяния¹. При этом необходимо обратиться к зарубежному опыту отдельных стран бывшего СССР. В частности, ст. 223 УК Республики Узбекистан предусмотрена уголовная ответственность за «незаконный выезд за границу или незаконный въезд в Республику Узбекистан» (в том числе, за совершение данных деяний по предварительному сговору группой лиц).

Анализ содержания данной статьи УК Республики Узбекистан позволяет сделать вывод о целесообразности предусмотреть в УК РФ ответственность за совершение аналогичных противоправных деяний на территории РФ группой лиц по предварительному сговору, а также с применением насилия, не опасного для жизни и здоровья в отношении осуществляющих иммиграционный контроль должностных лиц.

Как свидетельствует судебная практика, в ряде случаев действия пособников судом квалифицируются по ч. 1 ст. 322.1. УК РФ, в результате чего указанные выше соучастники данных преступлений избегают более сурового наказания за их совершение.

Так, в мае 2005 г. Н. с помощью компьютерной и множительной техники внес в бланки миграционных карт о въезде иностранных граждан на территорию РФ оттиски штампов пограничных органов ОКПП «В. Баскунчак и Аксарайский». Затем подложные миграционные карты С. заполнила от имени сорока граждан Узбекистана, у которых заканчивался срок легального пребывания в России. На основании этих карт все они были зарегистрированы по месту их пребывания в с. Ивановка Светлоярского района Волгоградской области сроком на 12 месяцев. Светлоярским районным судом Н. осужден по ч. 5 ст. 33, ч. 1 ст. 322.1 УК РФ (за пособничество в организации незаконной миграции) и ч. 2 ст. 327 УК РФ (за подделку документов) к двум годам лишения свободы условно с испытательным сроком 1 год².

В той связи в настоящее время весьма актуальным является вопрос об усилении уголовной ответственности за содействие в организации незаконной миграции (то есть, за пособничество в совершении данного преступления).

По этому вопросу также высказал свою позицию Ю.Ю. Бышевский в одной из своих работ. Так, по его мнению, «в качестве элемента объективной стороны этого преступления возможно включение такого деяния, как содействие незаконной миграции, ибо процессы, связанные с незаконной миграцией, зачастую становятся возможными не столько в результате их организации отдельными лицами, сколько в результате действия либо бездействия со стороны чиновников, от которых,

¹ Имеется в виду установление такой ответственности в УК РФ.

² Милиционера осудили за пособничество в незаконной миграции и подделке миграционных карт. URL: <http://volgograd.russiaregionpress.ru>.

например, зависит выдача или оформление документов, предоставление рабочих мест и т.д.».

Правильно, на наш взгляд, он полагает, что «таких лиц нельзя отнести к организаторам этого преступления и даже установление их в качестве пособника здесь затруднительно. С введением в статью указанных действий (содействие и участие в незаконной миграции) позволило бы расширить возможности для привлечения к уголовной ответственности работодателей, что сейчас проблематично, так как не все они могут быть организаторами незаконной миграции»¹.

В то же время, как нам представляется, более рациональным и эффективным может стать решение о дополнении УК РФ соответствующей статьей, предусматривающей уголовную ответственность за содействие в организации незаконной миграции (как это, например, предусмотрено статьей 205.1. УК РФ «Содействие террористической деятельности»).

Таким образом, в целях повышения эффективности уголовно-правовых мер противодействия незаконной миграции предлагается:

1. Статью 322.1 УК РФ «Организация незаконной миграции» дополнить частью третьей и внести в указанную выше правовую норму соответствующие изменения и дополнения. В частности, диспозиции ч. 2 и ч. 3 данной статьи УК РФ изложить в следующей редакции:

«2. Те же деяния, совершенные группой лиц по предварительному сговору».

3. Деяние, предусмотренное частью первой настоящей статьи, совершенное с использованием должностным лицом, или лицом, занимающим государственную должность Российской Федерации или субъекта Российской Федерации, своего служебного положения».

Применение указанных выше квалифицирующих признаков, по нашему мнению, позволит не только ужесточить ответственность за организацию незаконной миграции, но и выполнять превентивную функцию юридической ответственности.

В данном случае речь может идти об использовании лицом не только должностного, но и служебного положения, поскольку не исключено, что к деятельности по организации незаконной миграции могут быть привлечены сообщники из числа работников паспортно-визовых, таможенных и (или) пограничных служб.

Таким образом, в качестве субъекта данного преступления также могут выступать государственные и муниципальные служащие, не являющиеся должностными лицами.

¹ Бышевский Ю.Ю. Уголовная ответственность за организацию незаконной миграции. URL: <http://superinf.ru>.

2. Дополнить УК РФ ст.: 322.2. «Содействие в организации незаконной миграции» и ст. 322.3 «Незаконный въезд в Российскую Федерацию», предусмотрев в них уголовную ответственность за:

1) склонение или иное вовлечение лица в совершение действий, направленных на создание условий для незаконного въезда в Российскую Федерацию, незаконного пребывания в ней или незаконного транзитного проезда через территорию России;

2) въезд в Российскую Федерацию иностранных граждан и лиц без гражданства в нарушение установленного порядка, совершенный группой лиц по предварительному сговору.

3. Поскольку основную правоприменительную функцию (в том числе, функции по контролю, надзору и оказанию государственных услуг в сфере миграции) осуществляет ФМС России, одной из эффективных мер по совершенствованию правового обеспечения противодействию незаконной миграции, по нашему мнению, может стать наделение должностных лиц ФМС России полномочиями органа дознания.

Полагаем, что деятельность должностных лиц ФМС России по противодействию незаконной миграции не менее значима, чем возложенные, например, на органы Федеральной службы судебных приставов¹ функции принудительного исполнения судебных актов.

Принятие законодательного решения о наделении должностных лиц подразделений иммиграционного контроля ФМС России полномочиями органа дознания позволит более оперативно реагировать на выявленные ими признаки преступлений, связанных с незаконной миграцией.

В.А. Прорвич

Роль судебно-экономической экспертизы в уголовно-правовой защите конституционных прав граждан, организаций и государства

Анализ сложившейся правоприменительной практики показывает, что современные возможности судебно-экономической экспертизы используются далеко не в полной мере. Прежде всего, это касается уголовного судопроизводства, призванного защищать права и законные интересы граждан, юридических лиц и государства в целом. Причем, речь идет не только о раскрытии и расследовании преступлений в сфере экономики, предусмотренных гл. 21 УК РФ, но и о ряде преступлений иного характера.

Причины этого многообразны и требуют подготовки даже не одной,

¹ В соответствии п. 2 ч. 1 ст. 40 УПК РФ они отнесены к органам дознания.

а серии публикаций, поэтому их детальное исследование выходит за рамки настоящей работы. Здесь мы сочли возможным лишь обозначить основные направления работ для решения данной проблемы, что позволит существенно повысить эффективность судебной защиты имущественных прав граждан, организаций и государства в целом.

Напомним, что в соответствии со ст. 8 Конституции РФ в Российской Федерации признаются и защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности. При этом в ст. 35 специально оговаривается, что право частной собственности охраняется законом. По поводу государственной и муниципальной собственности специальных оговорок об их защите законом не сделано. Многие ученые связывают это с тем, что одним из направлений государственной политики и во время принятия Конституции РФ, и до сих пор остается приватизация объектов, находящихся в государственной и муниципальной собственности.

Как проходила приватизация в 90-е и в начале 2000-х гг. – хорошо известно. Наиболее сложно разворачивались процессы приватизации «земли», что обусловлено как несовершенством действовавшего в течение длительного периода законодательства, так и весьма противоречивой правоприменительной практики. В результате у многих субъектов земельно-имущественных отношений, участвовавших в весьма сомнительных сделках, возникло даже представление о том, что нарушения закона в этой сфере вообще ненаказуемы.

Обращение к следственной и экспертной практике показывает, что следователей, способных разобраться во всех хитросплетениях приватизации земельных участков в тысячи гектаров и доказать наличие многомиллиардного ущерба не так уж много. Здесь есть и объективные, и субъективные причины, которые обсуждаются в наших других работах, а также в трудах наших коллег.

Но даже те немногие следователи, которые способны расследовать сложные экономические преступления, связанные с земельно-имущественными отношениями, фактически остаются без поддержки со стороны государственных судебных экспертов. В классе судебно-экономических экспертиз поддерживаются лишь те специальности, которые были созданы еще во времена плановой экономики. Большинство судебных экспертов аттестовано по судебно-бухгалтерской экспертизе. В приказе Минюста России от 14.05.2003 № 114 указана еще финансово-экономическая экспертиза, которая также проводится по результатам анализа бухгалтерской документации и основана фактически на методике Сбербанка по определению кредитоспособности заемщика.

Обобщение многолетнего опыта научной и практической работы, подготовки и повышения квалификации судебных экспертов, позволяет сделать вывод о том, что в подавляющем большинстве классов су-

дебных экспертиз широко используются последние достижения науки и современные информационные технологии. Лишь судебно-экономическая экспертиза в государственных судебно-экспертных учреждениях остается практически на уровне, достигнутом еще во времена плановой экономики. Руководители экспертных учреждений остаются невосприимчивыми не только к достижениям экономической науки, но и к потребностям следственной и судебной практики. Поэтому специальные знания большинства судебных экспертов-экономистов ограничиваются бухгалтерским учетом и ориентируются скорее на проведение ревизий, чем на решение задач, возникающих при расследовании преступлений в сфере экономической деятельности.

Не менее странным является решение в рамках одного из родов в классе судебно-технических экспертиз – судебно-строительной экспертизы, создать экспертные специальности, связанные с экономической оценкой таких объектов, как «территория», связанная с определенными строительными объектами. Перечислять многочисленные нарушения требований действующего законодательства можно достаточно долго, как и искать автора такой классификации экспертных специальностей.

Эта ситуация не является безвыходной только потому, что кроме государственных судебно-экспертных учреждений все более активно работают негосударственные судебные эксперты. Среди них – ведущие ученые, преподаватели государственных ВУЗов, создатели соответствующих научных школ. Именно их усилиями развивается экспертная наука, создаются новые роды и виды судебно-экономической экспертизы, такие например, как судебно-оценочная и судебно-кадастровая, готовятся экспертные кадры высшей квалификации. Именно они в состоянии помочь следователям в постановке и решении экспертных задач любой сложности.

Но что касается работы самих следователей по раскрытию и расследованию преступлений, связанных с земельно-имущественными отношениями, то заменить их на известных ученых в данной сфере, конечно же, невозможно. Поэтому встают серьезные вопросы о том, каким образом организовать наиболее эффективное взаимодействие следователей с негосударственными судебными экспертами – ведущими учеными в данной области. Естественно, что для ответа на эти вопросы необходимо выявить как содержательные аспекты возникающих проблем, так и организационные, связанные с подготовкой, повышением квалификации и профессиональной переподготовкой следователей и судебных экспертов-экономистов по новым специальностям.

Конечно же, следователи ждут от ученых не только теоретической разработки проблем судебно-экономической экспертизы, но и оснащения их соответствующими методическими рекомендациями. Не менее важно и создание соответствующих учебных пособий для подготовки следователей, специализирующихся на расследовании преступлений в

сфере экономической деятельности, включая земельно-имущественные отношения. Для их подготовки целесообразно объединить усилия ученых – специалистов по уголовному, процессуальному, гражданскому и земельному праву, судебной экспертизе, экономистов и представителей других отраслей науки. При этом интегрирующую роль должны играть ученые-криминалисты, способные не только координировать деятельность своих коллег, но и сфокусировать общие усилия на решение наиболее актуальных практических задач.

Привлечение к работе в этом коллективе тех ученых, которые готовят учебные пособия по судебно-экономической экспертизе, позволит также обеспечить хорошее взаимопонимание между следователями и судебными экспертами. Более того, высокий уровень специальных знаний следователей, способных раскрывать и расследовать сложные экономические преступления, обеспечивается только за счет их склонности к самообразованию.

Аналогичный вывод можно сделать и в отношении тех судебных экспертов-экономистов, которые ставят перед собой задачи повышения уровня квалификации. Приобретение соответствующих специальных знаний также требует серьезных усилий по самообразованию, даже если эксперт проходит курсы повышения квалификации. Для этого имеется масса возможностей, которые дают современные информационные технологии, но чтобы привести свои специальные знания в стройную систему необходимы соответствующие учебные пособия. Конечно же, силами ученых и экспертов-практиков могут быть разработаны и конкретные экспертные методики, и даже должностные инструкции, позволяющие в максимальной степени формализовать процедуры постановки и решения экспертных задач.

Что же касается упомянутых выше процессов приватизации, ставших источником ряда преступлений принципиально нового вида, то их криминалистическая характеристика до сих пор разработана в явно недостаточной степени. Поэтому предстоит большая и очень непростая работа по формализации предмета таких преступлений, обстановки и времени совершения преступления, характеристик преступника и жертвы. При этом во многих случаях речь идет не об одном преступлении, а о совокупности преступлений с различными уголовно-правовыми и криминалистическими характеристиками. Но самая сложная часть такой работы связана с выявлением следов таких преступлений, их типизации и классификации.

Специфической особенностью следов преступлений в сфере экономики, в том числе, связанных с земельно-имущественными отношениями, является их информационный характер. При этом они по-разному проявляются в документах различного вида, представленных не только в текстовой, но и в табличной форме. Кроме того, существенная часть таких документов является планово-картографической, что требует нали-

чия у следователей специальных знаний не только в сфере земельного, градостроительного, кадастрового и иного смежного законодательства, но и в сфере геодезии и картографии, а во многих случаях и геоинформационных технологий.

Следует обратить внимание и на то, что в данных документах отражена достаточно сложная динамика возникновения, осуществления, перехода и прекращения прав на имущество различного вида. Особенно сложная «правовая динамика» характерна для земельных участков различных категорий и разрешенного использования, а также иных, прочно связанных с ними объектов недвижимого имущества. К тому же, при работе с такими документами следователю приходится анализировать достаточно сложные правовые нормы, имеющие бланкетный характер, и учитывать при этом положения не только федерального, но и регионального законодательства.

В реальных следственных ситуациях приходится сталкиваться с тем, что доказательства по делу приходится получать не только исходя из информации, представленной в перечисленных выше документах. Если имеются специальные знания о том, как именно должен выглядеть по форме документ каждого типа, а также о содержании этих документов, то можно получать необходимые сведения о юридических фактах и составах не только по наличию, но и по отсутствию той информации, которая должна присутствовать в определенной части документа. Понятно, что для получения такого рода доказательств следователю нужна помощь профессиональных судебных экспертов, обладающих соответствующими специальными знаниями.

Что касается экспертных задач, ставящихся следователем в виде вопросов, ставящихся на разрешение эксперта, то во многих случаях они носят не только и не столько экономический, сколько правовой характер. В связи с этим необходимо обратить внимание на то, что многие ученые и специалисты считают возможным постановку перед экспертом вопросов правового характера только в конституционном суде. Но в п. 4 Постановления Пленума ВС РФ от 21.12.2010 № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» специально оговаривается, что перед экспертом не допускается постановка вопросов, связанных с оценкой деяния, разрешение которых относится к исключительной компетенции органа, осуществляющего расследование, прокурора и суда.

Вместе с тем, работа судебного эксперта не должна сводиться к консультациям следователя по сложным правовым вопросам и разъяснению содержательных особенностей правовых норм бланкетного характера, включающих в себя положения гражданского, земельного, градостроительного и иного смежного законодательства. Важно разработать систему типовых экспертных задач, позволяющих следователю получить необходимые доказательства по расследуемому делу. В этой системе можно выделить следующие группы экспертных задач:

1. Выявление особенностей формирования фигурирующих в деле

объектов движимого или недвижимого имущества различного вида, включая земельные участки, оформления землеустроительной, кадастровой и иной документации по данным и смежным с ними объектам.

2. Определение оснований для возникновения прав определенного вида на рассматриваемые объекты движимого или недвижимого имущества, особенностей отражения соответствующих действий должностных и иных лиц в соответствующих распорядительных, правоустанавливающих, правоудостоверяющих и иных документах.

3. Установление особенностей осуществления прав определенного вида на рассматриваемые объекты движимого и недвижимого имущества, включая имеющиеся правовые и иные обременения и ограничения в их использовании, а также отражения действий должностных и иных лиц в соответствующих распорядительных, правоустанавливающих, правоудостоверяющих и иных документах.

4. Выявление особенностей перехода прав на рассматриваемые объекты движимого и недвижимого имущества, включая имеющиеся ограничения и возможные запреты на совершение сделок и отчуждение данных объектов, а также отражения действий должностных и иных лиц в соответствующих распорядительных, правоустанавливающих, правоудостоверяющих и иных документах.

5. Установление фактов и обстоятельств прекращения прав на рассматриваемые объекты движимого и недвижимого имущества, а также отражения действий должностных и иных лиц в соответствующих распорядительных, правоустанавливающих, правоудостоверяющих и иных документах.

6. Определение рыночной стоимости рассматриваемых объектов движимого и недвижимого имущества на различные даты, характеризующие процессы возникновения, осуществления, перехода и прекращения прав на данные объекты.

7. Определение рыночной стоимости земельных участков и иных объектов недвижимого имущества после их объединения или разделения с учетом особенностей данных объектов по правоустанавливающей, землеустроительной, кадастровой и иной документации.

8. Определение размера нанесенного ущерба при выкупе земельных участков в частную собственность из государственной или муниципальной собственности с учетом особенностей положений действовавшего законодательства на дату совершения соответствующей сделки или сделок.

9. Определение размера нанесенного ущерба при изменении категории земель, к которой отнесены земельные участки с различным разрешенным использованием, с учетом особенностей данных объектов по правоустанавливающей, землеустроительной, кадастровой и иной документации.

10. Определение размера нанесенного ущерба при установлении

арендной платы, налога на недвижимость или цены выкупа земельного участка в частную собственность по результатам кадастровой оценки с учетом особенностей данных объектов по правоустанавливающей, землеустроительной, кадастровой и иной документации.

Приведенный перечень далеко не исчерпывает всех вариантов типовых экспертных задач, решение которых позволяет следствию получить необходимые доказательства по рассматриваемым уголовным делам. На его основе следователь может сформулировать вопросы в такой редакции, которая отражает специфические особенности расследуемого дела. Кроме того, он также получит возможность для надлежащей подготовки необходимых материалов дела в качестве объекта судебной экспертизы. Это позволяет также организовать надлежащее взаимодействие с судебным экспертом. Но самое важное – это критерии выбора самого судебного эксперта, позволяющие установить наличие у него соответствующих специальных знаний и практического опыта.

Если эксперта-универсала сразу же найти не удастся, то встанут еще более сложные вопросы о назначении комплексной экспертизы с привлечением нескольких экспертов разных специальностей. Во многих случаях приходится назначать несколько комплексных судебных экспертиз, последовательно раскрывая всю картину преступления.

Чтобы решать соответствующие задачи, ставящиеся следователями, судебным экспертам-экономистам необходимо современное методическое обеспечение. Для иллюстрации масштаба проблемы следует обратить внимание на то, что в государственных судебно-экспертных учреждениях паспортизованные экспертные методики даже по судебно-бухгалтерской экспертизе отсутствуют. Отсутствуют и научные разработки, на основе которых такие экспертные методики могли бы быть созданы.

Выход из созданного тупика возможен только на основе консолидированных усилий ученых и специалистов, которые по действующему законодательству позиционируются как «негосударственные» судебные эксперты. Отделение ведущих ученых, специализирующихся в сфере судебной экспертизы, от государства следует признать не просто необоснованным, но и однозначно ошибочным. Удовлетворение амбиций мелких и средних чиновников слишком дорого стоит государству и играет на руку преступникам, наносящих не только многомиллиардный ущерб государству, но развращающим общество.

В противовес тем чиновникам от государственной судебно-экономической экспертизы, остающимся глухими к реальным потребностям следственной практики, именно усилиями ученых – государственных по своим взглядам, были созданы принципиально новые роды судебно-экономической экспертизы – судебно-кадастровая и судебно-оценочная¹. Но несмотря на широкое использование таких экспертиз, в

¹ Судебно-экономическая экспертиза в уголовном процессе / под ред. А.Ф.

состав экспертных специальностей судебно-оценочная экспертиза до сих пор не включена. Из-за этого не готовятся и необходимые кадры государственных судебных экспертов по указанным специальностям.

В последнее время начали широко обсуждаться проблемы государственной кадастровой оценки, призванной помочь государству установить научно обоснованные и справедливые налоги на наши квартиры, дачи, земельные участки и другое недвижимое имущество. Но к этой важнейшей для государства и общества работе недобросовестные чиновники привлекли специально отобранных ими «независимых» оценщиков. При этом никакой помощи следователям, расследующим злоупотребления должностных лиц при организации и приемке «заказных» оценок, государственные судебные эксперты оказать не могут. Здесь принципиально изменить сложившуюся ситуацию может еще один новый род судебно-экономической экспертизы – судебно-кадастровая. Более подробно о ней можно узнать из нашей недавно опубликованной книги¹.

Подводя итог, необходимо еще раз обратить внимание на подготовку соответствующих кадров судебных экспертов-экономистов, способных оказать существенную помощь следствию в раскрытии и расследовании соответствующих преступлений. 20-летнему бегу на месте государственных судебных экспертов-экономистов пора придать динамику движения и развития. Это возможно только при объединении усилий всего экспертного сообщества. Иначе выполнить конституционные положения о надлежащей судебной защите экономических интересов государства и граждан, принадлежащего им имущества, обеспечить применение достижений современной науки в судебно-экономической экспертизе, обеспечить неотвратимость наказания и за самые изощренные, и за самые простые и массовые преступления в сфере экономики вообще и в сфере земельно-имущественных отношений, в частности, просто невозможно.

А.Ю. Таджибаева

Защита доказательств на стадии предварительного расследования и средства её осуществления

Проблема противодействия предварительному расследованию, в том числе и криминального воздействия со стороны преступников, организованных преступных формирований на свидетелей, потерпевших, иных участников уголовного процесса, становится серьезным

Волынского, В.А. Прорвича. М., 2010.

¹ Судебно-кадастровая экспертиза / под ред. А.Ф. Волынского, В.А. Прорвича. М., 2013.

препятствием для осуществления правосудия в настоящее время в Узбекистане.

В связи с этим проблему преступного воздействия, незаконного противодействия расследованию преступлений следует решать комплексно, правовыми, процессуальными, криминалистическими и оперативно-розыскными мерами.

Противодействие следствию зачастую сопровождается значительной материальной поддержкой подозреваемых и их семей, которые, не зная об истинных намерениях лидеров организованных преступных формирований, чувствуют моральную ответственность перед ними.

Целью таких действий в большинстве случаев является исключение возможности выхода следствия на основную часть организованного преступного формирования, а в некоторых случаях, локализация провала, даже путем «выдачи» следствию доказательств против арестованных подозреваемых¹.

Преодоление и нейтрализация действий, направленных на воспрепятствование установлению истины по делу – одна из задач органов предварительного расследования. Успешное осуществление этого процесса, возможно лишь в результате комплекса мер как правового, так и криминалистического характера, а именно организационных, тактических, технических средств.

Установление истины, как правило, сопряжено с процессом доказывания по уголовному делу и получением доказательств, а также воздействием на них со стороны заинтересованных лиц. Осуществляется это с целью избежать ответственности за совершенное противоправное деяние либо ее минимизировать. Цели достаточно просты, однако процесс воздействия на доказательства, доказательственную информацию многогранен и сложен. Иногда следователю весьма сложно распознать это воздействие. Следует отметить, что оно не всегда бывает противозаконным. Иногда все делается в рамках закона, к примеру, со стороны защитника, участвующего в следственном действии.

Перед следователем возникает вопрос, как защитить в ходе предварительного расследования уже добытые вещественные доказательства, доказательственную информацию либо информацию, имеющую потенциально доказательственное значение.

Вопрос достаточно сложный. И чтобы ответить на него, первоначально следует рассмотреть вопросы, связанные с возникновением,

¹ Утанов М.А., Пулатов Ю.С. Организованная преступность: направления, формы и методы борьбы с ней. Ташкент, 2007. С. 7; Трухачев В.В. Преступное воздействие на доказательственную информацию: Правовые и криминалистические средства предупреждения, выявления и нейтрализации. Воронеж, 2000. С. 28.

существованием и, в большей части, исчезновением различного рода отображений преступного события.

Возникшая информация о преступлении в виде отражений может исчезнуть по ряду причин, которые А.Р. Белкин определяет следующим образом: «Отражения могут исчезнуть, во-первых, под влиянием тех свойств, которые внутренне присуще материальной основе; во-вторых, под влиянием внешних воздействий объективного характера. Таковыми могут быть новые изменения, накладывающиеся на прежние в результате другого акта отражения; в-третьих, отражения могут быть умышленно уничтожены заинтересованными лицами»¹.

В последнем случае действия по сокрытию преступления могут осуществлять лица, совершившие непосредственно преступление, либо лица, не совершавшие преступление, но заинтересованные в исходе его расследования.

Изменения среды, будучи отражением события преступления, результатом взаимосвязи объектов, участвующих в акте отражения, есть конечная фаза этого процесса. Но диалектически уже в этот момент, когда процесс отражения завершен и возник «отпечаток» отражаемого объекта, начинается противоположный процесс – уничтожение, «снятие», «отрицание» отражения. Это процесс исчезновения информации под влиянием объективных и субъективных факторов, процесс такой же естественный, как ее возникновение.

В связи с этим возникает проблема, связанная с сохранением отражения информации о преступлении, защитой потенциального доказательства, а если быть точнее, то доказательственной информации и вещественных доказательств, как от естественного воздействия объективных факторов, так и от противоправного воздействия на них заинтересованных лиц с целью исказить истинную картину события преступления. Исследование данной проблемы предполагает возможность решения задач, связанных с разработкой приемов и методов обнаружения этого воздействия, с решением вопросов – на какие объекты в большинстве случаев оно направлено, в какой степени и т.п.

Однако изначально следует определиться, что понимать под термином «защитить». Толковый словарь Д.Н. Ушакова определяет это как «оборона, ограждение от враждебных, неприязненных действий, от неприятеля»². Если это относится к материальным объектам, то юридический толковый словарь трактует следующим образом: защитить – значит сохранить их с учетом дальнейшего использования в рамках предварительного расследования преступления и разбирательства в суде.

¹ Белкин А.Р. Теория доказывания: науч.-методич. пособие. М., 2000. С. 35-37, 147.

² Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1935. С. 1079.

Защитить – значит оградить от внешнего воздействия. Это действие может быть как прямое, непосредственное, либо опосредованное с целью искажения, изменения исходных характеристик, уничтожения.

Кроме этого, термин «защитить», на наш взгляд, надлежит рассматривать в рамках уголовного судопроизводства как совокупность действий следователя, специалиста, которые направлены на фиксацию и сохранение материальных объектов либо их отражений с целью их дальнейшего использования. При этом следует учитывать, что приемы и методы сохранения и фиксации объектов и их отражений должны быть научно обоснованы и отвечать требованиям закона. Именно такой подход дает возможность наиболее полно фиксировать и сохранять характеристики, индивидуальные частные признаки объектов и их отражений (как внешних, так и внутренних) для эффективного использования в рамках предварительного расследования в последующем.

По мнению А.Р. Белкина, «сохранение доказательств заключается в принятии мер по сохранности самих доказательств либо их доказательственных свойств, а также преследует цель обеспечить возможность использования их в любой момент доказывания. Меры по сохранению доказательств могут носить процессуальный характер (например, приобщение к материалам дела), но могут быть и технико-криминалистическими (консервация объектов, имеющих доказательственное значение, покрытие их защитными пленками и т.п.)»¹.

Наиболее эффективным способом действий по сохранению и защите доказательств, на наш взгляд, следует признать тактическую операцию.

Операция выступает в данном случае как средство для решения тактических задач. Он определяет ее как совокупность следственных, оперативных, ревизионных и иных действий, разрабатываемых и производимых в процессе расследования по единому плану под руководством следователя с целью реализации тактической задачи, которая не может быть решена производством по делу отдельных следственных действий².

По нашему мнению, тактическая операция может быть сложной тактической комбинацией, которая исходит из того, что тактическая комбинация – это определенное сочетание тактических приемов и следственных действий, преследующее цель решения конкретной задачи расследования и обусловленное этой целью и следственной ситуацией.

¹ Белкин Р.С. Курс криминалистики: учебное пособие для вузов. М., 2001. С. 673-674.

² Норбаев А.Н., Закутский А.С. Методика расследования отдельных (видов) категорий преступлений. Ташкент, 2006. С. 20-21; Дулов А.В. Тактические операции при расследовании преступлений. Минск, 1979. С. 44.

Профессор Р.С. Белкин определяет общую цель тактической операции как решение конкретной задачи расследования. К непосредственным целям тактической комбинации, по его мнению, могут быть отнесены:

а) разрешение конфликтной ситуации с помощью рефлексии с получением следователем определенного выигрыша;

б) создание условий, необходимых вообще для проведения следственного или иного процессуального действия;

в) создание условий, обеспечивающих результативность следственного действия;

г) обеспечение следственной тайны, в том числе сохранения в тайне источника используемой информации;

д) обеспечение сохранности до необходимого момента еще неиспользованных источников доказательственной информации;

е) иные тактические воздействия на следственную ситуацию с целью ее изменения или использования¹.

В криминалистической литературе² отмечается, что в ходе предварительного следствия существуют обязательные тактические операции по «атрибуции трупа», «проверке показаний лиц, признавших себя виновным в совершении преступления», «защите доказательств», «Антикоррупция» и т.д.

Следует предположить, что спектр целей тактических операций значительно шире.

Исходя из предмета нашего исследования, мы затронули только часть деятельности следователя в рамках предварительного расследования, целью которой является защита от противоправного воздействия на доказательства, и пришли к следующим выводам:

- тактические операции по защите доказательств в ходе предварительного расследования должны носить обязательный характер;

- целями тактических операций должны быть действия по защите доказательств и нейтрализации противоправного воздействия на них, которые носят упреждающий характер.

¹ Курс криминалистики: учебное пособие для вузов. М., 2001. С. 675.

² Баев О.Я. Основы криминалистики: курс лекций. М., 2001. С. 212; Шиканов В.И. Информация к тактической операции «Атрибуция трупа». Иркутск, 1975. С. 21; Волобуев А.Ф. Противодействие расследованию экономических преступлений и его преодоление // Государство и право. 2002. № 4. С. 44.

**Реализация принципа «язык уголовного судопроизводства»
в досудебных стадиях процесса**

Принцип языка уголовного судопроизводства закреплён в ст. 18 УПК РФ. Назначением этого принципа является защита прав лиц, не владеющих языком судопроизводства, которая выражается в возможности пользоваться родным языком, либо иным языком, которым данный человек владеет. Данный принцип обеспечивает равенство прав граждан, независимо от их национальности, участвующих в уголовном судопроизводстве. В рассматриваемом принципе нашли отражение положений ч. 1 и ч. 2 Конституции РФ, которое предоставляет право республикам устанавливать свои государственные языки, которые на территории конкретной республики могут употребляться в органах государственной власти и государственных учреждениях республик наряду с государственным языком РФ, которым является русский язык. Согласно рассматриваемого принципа уголовное судопроизводство может вестись, как на государственном языке РФ, так и на государственном языке республики.

Содержание принципа понятно, но на практике возникает ряд вопросов, которые ставят под сомнение целесообразность его существования в части возможности вести судопроизводство на государственном языке республики. Указанные сомнения вызваны следующими фактами.

В Конституциях республик РФ существует различный подход к определению государственного языка. В ст. 8 Конституции Республики Татарстан указано: «Государственными языками в Республике Татарстан являются равноправные татарский и русский языки». Статья 8 Конституции Удмуртской Республики гласит: «Государственными языками Удмуртской Республики являются русский и удмуртский языки». Согласно ст. 10 Конституции Чеченской Республики «Государственными языками в Чеченской Республике являются чеченский и русский языки. Статус государственных языков Чеченской Республики устанавливается федеральным и республиканским законодательством». В ст. 11 Конституции Республики Дагестан указано: «Государственными языками Республики Дагестан являются русский язык и языки народов Дагестана». Таким образом, в различных республиках существует самостоятельный подход к определению государственного языка. Если в большинстве республик обозначены в качестве государственного языка два: русский и язык титульной национальности, то в отдельных республиках четкое обозначение государственного языка отсутствует. Соответственно в указанной ситуации возникают вопросы: какой язык может рассматриваться в качестве государственного и

какие существуют гарантии правильного применения государственного языка республики? Кроме того, законодатель, предусмотрев ведение судопроизводства на государственном языке РФ или языке республики РФ, не установил, кто, в какой момент и каким образом должен решать вопрос, на каком языке должно осуществляться производство по уголовному делу.

Безусловной гарантией правильности принятия решений по уголовному делу должно выступать владение государственным языком республики, если на нем ведется производство, следователем, дознавателем и судом. Следователь, прокурор, судья, реализующие дискреционные полномочия при производстве по уголовному делу, поступают на основании судебного усмотрения. Для того, чтобы принять законное и обоснованное решение они должны неоспоримо понимать ту информацию, которая им поступает в ходе производства по уголовному делу. Вряд ли можно согласиться с мнением, что следователь или судья могут осуществлять производство по уголовному делу, не владея языком, на котором должны быть составлены все процессуальные документы. В указанном случае говорить о качестве принятого решения невозможно, поскольку следователь или судья не могут быть уверены в правильности своего решения, которое принято на основе информации, которую они не могут проверить.

Следует обратить внимание на то, что обучение в подавляющем большинстве школ осуществляется на русском языке, обучение в высших учебных заведениях также проводится на русском языке. Знания национального языка обусловлены обыденным его использованием. Профессиональным языком большинство лиц, говорящих на национальном языке, не владеют. В связи с чем возникает вопрос о правильном понимании и правильном переводе получаемой информации.

Европейский Суд по правам человека в своем решении указал: «Для осуществления перевода по делу должен быть приглашен профессиональный переводчик»¹. В то же время найти профессионального переводчика, осуществляющего переводы юридических текстов, достаточно сложно, именно потому, что национальные языки чаще всего используются в обыденной жизни. Профессиональный переводчик, осуществляющий перевод юридических терминов, использует собственное их толкование, поскольку многие термины отсутствуют в языках других народов. Правильность и качество перевода проверить сложно. В национальных республиках можно найти русско-английский, англо-русский юридический словарь, но невозможно найти, например, удмуртско-русского или русско-удмуртского юридического словаря, татарско-русского или русско-татарского юридиче-

¹ Постановление Европейского Суда по правам человека по делу Кускани против Соединенного Королевства от 24.09.2002 // СПС «Консультант плюс».

ского словаря и т.д. Соответственно, проверить толкование каких-то слов и понятий следователь не может. В таком случае, возникает опасность осуществления неправильного перевода, связанного с индивидуальным восприятием лицом предлагаемой для перевода информации. Учитывая, что в каждой республике проживает огромное количество лиц разных национальностей, то использование национального языка титульной республики вызывает сомнение и потому, что осуществление перевода будет осуществляться несколькими переводчиками, которые будут вносить субъективную информацию, связанную с их личным восприятием, в переводимый текст. Например, дело возбудили на удмуртском языке, конфликт произошел между представителями двух других национальных диаспор. Найти профессионального переводчика с удмуртского языка, например, на узбекский язык будет просто невозможно.

Возникает вопрос о том, можно ли вести судопроизводство на разных стадиях на различных языках. Полностью согласна с позицией профессора С.П. Щербы отмечающего, что «досудебное производство и судебное производство по уголовным делам в пределах одной и той же территории Российской Федерации (ст. 2 УПК РФ) осуществляется на одном языке. ... По смыслу закона и по обыкновению практики Верховного Суда РФ, производство предварительного расследования и судебное разбирательство допускается на разных языках в случаях, если уголовное дело, расследованное в республике, входящей в Российскую Федерацию: а) поступает на рассмотрение по существу в Верховный суд РФ; б) Верховный Суд РФ пересматривает решение суда республики в кассационном и надзорном порядке»¹. Об этом указывал ранее М.П. Шешуков, считающий недопустимым, чтобы одна стадия процесса велась на одном языке, а другая – на другом, так как это может привести к «размыванию» таких важных компонентов принципа национального языка судопроизводства, как обеспечение участникам процесса права полного ознакомления с материалами дела, вызовет затруднения в реализации охраны прав и законных интересов личности в уголовном процессе, а также будет препятствовать действию принципа обеспечения права на защиту².

Таким образом, досудебное и судебное производство должно вестись на одном языке. Поскольку законодатель не указал, кто должен определить язык судопроизводства, а он должен быть единым на всех стадиях процесса, то решение о языке судопроизводства по уголовно-

¹ Щерба С.П. Переводчик в российском уголовном процессе: научно-практическое пособие. М., 2005. С. 30.

² Шешуков М.П. Конституционный принцип национального языка в уголовном судопроизводстве // Вопросы осуществления правосудия в СССР. Калининград, 1979. Вып. 7. С. 22.

му делу должно принимать лицо, которое выносит постановление о возбуждении уголовного дела. Может возникнуть казусная ситуация, участковый инспектор возбудил уголовное дело на государственном языке республики, передал его по подследственности, но в отделе не оказалось ни одного следователя, которые бы владели данным языком. Предположить, что государственный служащий должен за незначительный промежуток времени выучить государственный язык национальной республики – утопия, он не сможет его выучить на профессиональном уровне, а бульварное владение языком не является гарантией его понимания.

Полагаю, что в целях обеспечения качественного производства по уголовному делу, оно должно осуществляться только на государственном языке РФ. Лицам, которые не владеют языком судопроизводства, должна быть обеспечена помощь переводчика. В данном случае речь идет не об умалении иного государственного языка республики, а о защите прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, которое может быть качественным и эффективным только при безусловном понимании происходящего и получаемой информации лицами, осуществляющими производство по уголовному делу.

**Ю.В. Торопин
Ф.П. Васильев**

Росстат как субъект обеспечения защиты экономических интересов участников правоотношения гарантированных конституцией России

В настоящее время в условиях наличия коррупционных факторов, а также наличия правонарушений в области финансово-хозяйственной деятельности юридических лиц (должностных лиц) и физических лиц (индивидуальные предприниматели) контрольно-надзорные и учетные вопросы требуют постоянного совершенствования. Что позволит разрешению вопросов обеспечения не только экономической безопасности России, но и юридических, и физических лиц (собственника). Для решения этих и других государственных вопросов и в соответствии с Указом Президента России от 12.05.2008 № 724 «Вопросы системы и структуры федеральных органов исполнительной власти» Правительством России издано Постановление от 02.06.2008 № 420 «О Федеральной службе государственной статистики»¹, т.е. утверждается Положение о Федеральной службе государственной статистики (далее – Росстат). Правительство одновременно разрешает в Росстате иметь до 6 заместителей руководителя, в том числе одного статс-секретаря – за-

¹ СЗ РФ. 2008. № 23. Ст. 2710.

местителя руководителя, а также до 18 управлений в структуре центрального аппарата по основным направлениям ее деятельности. Как федеральная служба, Росстат является федеральным органом исполнительной власти (ФОИВ), осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере официального статучета, формированию официальной статинформации о социальных, экономических, демографических, экологических и других общественных процессов в России, а также в порядке и случаях, установленных законодательством РФ, по контролю в сфере официального статучета. Руководство ее деятельностью осуществляет само Правительство. В своей деятельности она руководствуется Конституцией РФ, ФКЗ и ФЗ, актами Президента и Правительства России, международными договорами РФ, а также названным Положением. Свою деятельность осуществляет непосредственно и через свои территориальные органы во взаимодействии с другими ФОИВ, органами исполнительной власти субъектов РФ, органами местного самоуправления, общественными объединениями и иными организациями.

Росстат в сфере своей деятельности осуществляет следующие полномочия: представляет официальную статинформацию Президенту, Правительству, Федеральному Собранию РФ, иным органам госвласти, органам местного самоуправления, СМИ, организациям и гражданам, а также международным организациям; согласовывает официальную статистическую методологию, формируемую и утверждаемую субъектами официального статучета; утверждает формы федерального статнаблюдения и указания по их заполнению по представлению субъектов официального статучета, если иное не установлено федеральными законами; определяет условия оплаты труда лиц, привлекаемых на договорной основе к выполнению работ, связанных с проведением федерального статнаблюдения, и выплаты им вознаграждения; вносит в Правительство России: проекты федеральных законов, НПА Президента и Правительства России и другие документы, по которым требуется решение Правительства, по вопросам, отнесенным к ее сфере деятельности; проект федерального плана статистических работ; проекты НПА по вопросам проведения Всероссийской переписи населения, Всероссийской сельскохозяйственной переписи и иных федеральных статистических наблюдений; разрабатывает и утверждает официальную статистическую методологию для проведения федеральных статистических наблюдений и формирования официальной статинформации, обеспечивает соответствие указанной методологии международным стандартам и принципам официальной статистики; разрабатывает: методологию составления национальных счетов, в том числе финансового счета с участием Центробанка России¹, и утверждает ее; совмест-

¹ В данном случае см. Приказ Росстата от 13.05.2013 № 179 «Об утверждении

но с субъектами официального стаучета федеральный план статработ и подготавливает предложения по его актуализации; и ведет общероссийские классификаторы технико-экономической и социальной информации в сфере своей деятельности; на основании и во исполнение Конституции РФ, ФКЗ и ФЗ, актов Президента и Правительства России самостоятельно принимает НПА по вопросам, отнесенным к сфере ее деятельности, за исключением вопросов, правовое регулирование которых в соответствии с Конституцией РФ, ФКЗ и ФЗ, актами Президента и Правительства России осуществляется исключительно этими же НПА; координирует деятельность в сфере официального статучета при разработке федерального плана статистических работ, подготовке предложений по его актуализации, составлении национальных счетов, а также при утверждении форм федерального статистического наблюдения и указаний по их заполнению; обеспечивает: защиту сведений, составляющих гостайну; соответствующий режим хранения и защиты полученной в процессе своей деятельности информации, составляющей служебную, банковскую, налоговую, коммерческую тайну, и иной конфиденциальной информации; мобилизационную подготовку ведомства, а также контроль и координацию деятельности подведомственных организаций по их мобилизационной подготовке; пользователей официальной статистической и иной информацией и на основе договоров об оказании информационных услуг; заинтересованных пользователей данными бухгалтерской отчетности юрлиц, осуществляющих свою деятельность на территории страны. Так, Росстатом издано приказ от 20.05.2013 № 183 «Об утверждении Административного регламента предоставления Федеральной службой государственной статистики государственной услуги «Обеспечение заинтересованных пользователей данными бухгалтерской (финансовой) отчетности юридических лиц, осуществляющих свою деятельность на территории Российской Федерации»¹; организует: прием граждан, обеспечивает своевременное и полное рассмотрение устных и письменных обращений граждан, принятие по ним решений и направление ответов заявителям; дополнительное профессиональное образование работников Росстата; взаимодействует с органами госвласти иностранных государств и международными организациями в сфере своей деятельности; выполняет функции администратора доходов федерального бюджета от оказания информационных услуг; размещает заказы и заключает госконтракты, а также иные гражданско-правовые договоры на поставки товаров, выполнение работ и оказание услуг для обеспечения нужд Росстата, а

статистического инструментария для организации Банком России федерального статистического наблюдения за направлениями заимствования и размещения средств страховщика».

¹ Российская газета официальной публикации: 2013. 15 ноября.

также на проведение научно-исследовательских работ для госнужд; обобщает практику применения законодательства РФ; осуществляет: подготовку, проведение и подведение итогов Всероссийской переписи населения, Всероссийской сельскохозяйственной переписи, а также их методологическое обеспечение; подготовку, методологическое обеспечение, проведение федеральных статнаблюдений и обработку данных, полученных в результате этих наблюдений, в целях формирования официальной статинформации; функции главного распорядителя и получателя средств федерального бюджета, предусмотренных на содержание и реализацию возложенных на Росстат функций; организацию и ведение ГО в своем ведомстве; работу по комплектованию, хранению, учету и использованию архивных документов, образовавшихся в процессе деятельности Росстата; осуществляет иные полномочия, если такие полномочия предусмотрены федеральными законами, актами Президента и Правительства России.

Росстат с целью реализации своих полномочий имеет право: получать от респондентов первичные статистические данные и административные данные, в том числе содержащие сведения, отнесенные к гостайне, к коммерческой тайне, сведения о налогоплательщиках, о персональных данных физических лиц при условии их обязательного обезличивания, и другую информацию, доступ к которой ограничен федеральными законами, в целях формирования официальной статинформации; организовывать проведение необходимых исследований, испытаний, анализов и оценок; давать юридическим и физическим лицам разъяснения по вопросам, отнесенным к ее компетенции. Росстат также обладает: осуществлять контроль за деятельностью своих территориальных органов и подведомственных организаций; привлекать для проработки вопросов научные и иные организации, ученых и специалистов; применять меры ограничительного, предупредительного и профилактического характера, направленные на недопущение и (или) пресечение нарушений юридическими лицами и гражданами обязательных требований, а также меры по ликвидации последствий указанных нарушений; создавать совещательные и экспертные органы (советы, комиссии, группы, коллегии) и разрабатывать и утверждать знаки отличия в сфере своей деятельности.

Росстат не вправе осуществлять в сфере своей деятельности функции по управлению госимуществом и оказанию платных услуг, кроме случаев, устанавливаемых указами Президента и постановлениями Правительства России. Эти ограничения не распространяются на полномочия руководителя Росстата по управлению имуществом, закрепленным за ней на праве оперативного управления.

При осуществлении правового регулирования Росстат не вправе устанавливать не предусмотренные ФКЗ и ФЗ, актами Президента и Правительства России и полномочия федеральных органов государ-

ственной власти, органов госвласти субъектов РФ, органов местного самоуправления, а также ограничения на осуществление прав и свобод граждан, прав негосударственных коммерческих и некоммерческих организаций, за исключением случаев, когда возможность введения таких ограничений актами уполномоченных ФОИВ прямо предусмотрена Конституцией РФ, ФКЗ и ФЗ, издаваемыми на основании и во исполнение этих же НПА и актами Президента и Правительства России.

Правительством (в Положении) также определены организация деятельности Росстата. Так, данную федеральную службу возглавляет руководитель, назначаемый на должность и освобождаемый от должности Правительством России. Руководитель Росстата несет персональную ответственность за выполнение возложенных на ведомство полномочий. Он имеет заместителей, назначаемых на должность и освобождаемых от должности Правительством по представлению руководителя Росстата. Количество его заместителей устанавливается также Правительством. Структурными подразделениями центрального аппарата Росстата являются управления по основным направлениям ее деятельности. В состав управлений включаются отделы.

Руководитель Росстата: распределяет обязанности между своими заместителями; решает в соответствии с законодательством РФ о государственной службе вопросы, связанные с прохождением федеральной госслужбы в Росстате; вносит в: Правительство России: проект положения о Службе; предложения о предельной численности и фонде оплаты труда своих работников центрального аппарата и территориальных органов; проект ежегодного плана и прогнозные показатели деятельности ведомства, а также отчет об их исполнении; Минфин России предложения по формированию проекта федерального бюджета в части финансового обеспечения деятельности Росстата; на основании и во исполнение Конституции РФ, ФКЗ и ФЗ, актов Президента и Правительства России издает приказы по вопросам, отнесенным к компетенции Росстата; назначает на должность и освобождает от должности: работников центрального аппарата, руководителей и заместителей руководителей территориальных органов Росстата; руководителей подведомственных организаций; утверждает: положения о структурных подразделениях центрального аппарата и территориальных органах Росстата; структуру и штатное расписание центрального аппарата в пределах установленных Правительством России фонда оплаты труда и численности работников, смету расходов на содержание центрального аппарата Росстата в пределах утвержденных на соответствующий период ассигнований, предусмотренных в федеральном бюджете; численность и фонд оплаты труда своих работников территориальных органов в пределах показателей, установленных Правительством России, а также смету расходов на их содержание в преде-

лах утвержденных на соответствующий период ассигнований, предусмотренных в федеральном бюджете.

Как мы видим, проведенный анализ о полномочиях Росстата еще раз подтверждает, что данная федеральная служба как субъект административного правоотношения (управления, контроля) достаточно обладает государственными управленческими полномочиями¹. Вопросы обеспечения не только экономической безопасности, но и других видов. В связи с чем, ОВД РФ (и территориальные органы) обязаны выполнять предъявляемые условия Росстатом о порядке (правилах) соответствующих государственных статистических информационных сведений, для обеспечения единой госстатинформсистемы².

А.М. Тошев

Закрепление правового статуса личности в нормах уголовного и уголовно-процессуального законодательства Республики Таджикистан

Закрепление в Конституции РТ и других нормативно-правовых актах прав и свобод человека и гражданина является необходимым, но не достаточным условием обеспечения правового статуса личности. Эффективность законодательного регулирования правового статуса личности зависит от уголовной политики и уголовного законодательства государства. Как отмечает Т. Шарипов, в сфере правовых гарантий охраны прав и свобод личности специфическое место занимает уголовно-правовая охрана, так как уголовное право, во-первых, является чрезвычайным средством обеспечения прав и свобод личности; во-вторых, оно предусматривает ответственность лишь за наиболее опасные посягательства на эти права и свободы и, в-третьих, применяется лишь тогда, когда иные меры принуждения недостаточны для достижения общего и специального предупреждения таких посягательств³.

¹ Приказ Росстата от 03.07.2013 № 258 «Об утверждении статистического инструментария для организации федерального статистического наблюдения за наличием и движением основных фондов (средств) и других нефинансовых активов»

² Приказ Росстата от 10.08.2011 № 351 «Об утверждении статистического инструментария для организации федерального статистического наблюдения за деятельностью в сфере платных услуг, туризма и правонарушений».

³ Шарипов Т. Уголовно-правовые гарантии основных прав и свободы личности в свете новой Конституции Республики Таджикистан // Таджикистан на пути к правовому государству. 1996. С.111-120.

Республика Таджикистан, после приобретения независимости принимая Уголовный кодекс (далее – УК РТ)¹ и Уголовно-процессуальный кодекс (далее–УПК РТ)², сделала важный шаг в развитии уголовного и уголовно-процессуального регулирования правового статуса личности.

Мы солидарны с К.Х. Солиевым, который утверждает: «В современных условиях, когда уголовное законодательство республики вступает в качественно новый этап своего развития, связанного с осуществлением реформы всей системы права, задача дальнейшего его совершенствования является весьма актуальной. Новое законодательство сможет успешно выполнять свое назначение, если оно будет представлять стройную систему, т.е. органическое единство взаимосвязанных норм, подчиненных внутренним закономерностям развития, и соответствовать последним достижениям науки уголовного права, а также потребностям правоприменительной практики»³

В связи с этим УК РТ признает права человека и гражданина высшей ценностью. Это – главное и неоспоримое достижение действующей уголовной политики РТ. Ее концепция основана на идее приоритетной охраны конституционных прав и свобод человека и гражданина. Эта идея пронизывает всю содержательную часть уголовного законодательства, составляет основу его идеологии, проходит красной нитью через нормы и институты Общей и Особенной частей УК РТ. Данное положение позволяет утверждать, что уголовное право, как и право вообще, нельзя сводить к совокупности установленных государством уголовно-правовых норм, его следует понимать как более высокую субстанцию, воплощающую в себе идеи добра и справедливости.

Задача охраны прав и свобод человека и гражданина от преступных посягательств прямо закреплена в ст. 2 УК РТ, которая гласит: «Задачами настоящего Кодекса является охрана прав и свобод человека и гражданина, общественной безопасности и здоровья населения, окружающей среды, общественного порядка и нравственности, собственности, защита конституционного строя и безопасности Республики Таджикистан от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, воспитание граждан в духе соблюдения Конституции и законов республики, а также предупреждение преступлений». В отличие от прежнего советского уголовного законодатель-

¹ О принятии и введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан: закон Республики Таджикистан от 21.05.1998 № 574 // АМО РТ. 1998. № 9. Ст. 68.

² О принятии и введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан: закон Республики Таджикистан от 03.12.2009 № 564 // АМО РТ. 2009. № 12. Ст. 816.

³ Солиев, К.Х. Некоторые проблемы совершенствования уголовного законодательства, направленного на борьбу с незаконным оборотом наркотиков // Государство и право. 1998. № 1. С. 74.

ства, приоритеты уголовно-правовой охраны в УК РТ принципиально изменились. Прежде в советском уголовном праве на первое место была поставлена задача охраны интересов государства и общества. В соответствии с принципами правового государства в ныне действующем Уголовном кодексе приоритеты охраны прав и свобод человека и гражданина выстроены иначе: личность – общество – государство. Особенная часть УК РТ начинается не разделом о «Государственных преступлениях» а разделом о «Преступлениях против личности», в которую включены главы «Преступления против жизни и здоровья», «Преступления против личной свободы, чести и достоинства», «Преступления против половой свободы или половой неприкосновенности», «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина» и «Преступления против семьи и несовершеннолетних».

Данная норма говорит о приоритете защиты прав и свобод личности в уголовной политике РТ. Уголовное законодательство РТ охраняет на своей территории прежде всего права всех людей, независимо от их гражданской принадлежности. Для осуществления этих задач впервые в УК РТ вводились принципы законности, равенства перед законом, неотвратимости ответственности, личной ответственности, виновности, справедливости, гуманизма и демократизма (ст. 3).

Но свобода личности не означает, что поведение человека ничем не ограничивается и что он свободен от любой ответственности перед другими людьми и обществом, поскольку реализация прав и свобод в общественной жизни сталкивается с индивидуальными и публичными интересами. Для достижения гармонии, уголовное законодательство РТ предусматривает возможность ограничения прав и свобод человека и гражданина, которое допускается только с целью обеспечения прав и свобод других граждан, общественного порядка, защиты конституционного строя и территориальной целостности республики (ч. 2 ст. 14 Конституции РТ). Кроме того, уголовное законодательство признает преступлением – совершенное, виновное, общественно опасное деяние (действие или бездействие), запрещенное настоящим Кодексом под угрозой применения наказания (ч. 1 ст. 17 УК РТ). Наказание – есть мера государственного принуждения, назначаемая по приговору суда. Оно применяется к лицу, признанному виновным в совершении преступления, и заключается в предусмотренном уголовным Кодексом РТ лишении или ограничении прав и свобод этого лица (ч. 1 ст. 46 УК РТ).

Уголовный кодекс внес некоторые существенные изменения в территориальный принцип и принцип гражданства. В отличие от УК Таджикской ССР 1961 г., который действовал до принятия ныне действующего УК РТ 1998 г., определено, что граждане РТ и лица без гражданства, несут уголовную ответственность по уголовному законодательству РТ за преступление, совершенное ими на территории дру-

того государства, в случае, если они не были осуждены в другом государстве за данное преступление¹.

Наряду с уголовным правом, в деле охраны прав и свобод человека и гражданина от противозаконных посягательств, особое место занимает уголовно-процессуальное право. Важной частью содержания данной отрасли права, являются юридические гарантии недопустимости неправомерных посягательств на охраняемый законом правовой статус личности.

Соглашусь с В.Ю. Мельниковым, который отмечает, что сущностью уголовного процесса – является не любая деятельность по расследованию и раскрытию уголовных дел, направленная на установление виновных в совершении преступлений. Эта деятельность обязательно должна иметь правовой характер, соответствовать установленному законом порядку разрешения уголовных дел, обеспечения и защиты прав личности².

Уголовно-процессуальные гарантии правосудия и прав личности в уголовном процессе, составляют единую, взаимосвязанную жесткую систему. Нарушение любого элемента этой системы, не только нарушает права конкретного участника уголовного судопроизводства, но и неизбежно отражается на всей системе, приводит к ущербу, неэффективности, искажению результата производства по уголовному делу. Солидарен с М.Л. Базюком, который утверждает: «Уголовно-процессуальный закон предусматривает необходимые правовые механизмы реализации прав и свобод, обязанности по их соблюдению должностными лицами правоохранительных органов, а также прокурорский надзор и судебный контроль, которые призваны обеспечивать законность всего расследования, включая проверку правомерности ограничений прав и свобод человека и гражданина»³.

На современном этапе развития РТ основополагающим элементом в сложной системе взаимодействия личности, общества и государства должна являться именно личность, ее права и свободы, гарантии их реализации. В целях реализации этих задач 3.12.2009 был принят новый УПК Республики Таджикистан.

Республика Таджикистан, как правовое, демократическое государство, путем создания формально-юридических и иных, гарантий стремится максимально обеспечить необходимые условия, для охраны прав

¹ Сатторов Г.С. К вопросу о новом УК Республики Таджикистан // Государство и право. 1999. № 2. С. 72.

² Мельников В.Ю. Обеспечение прав личности в российском уголовном процессе // Евразийский юридический журнал. 2011. № 11 (42). С. 119-122.

³ Базюк М.Л. Охрана прав и свобод человека и гражданина как принцип Российского уголовного судопроизводства: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 62.

и свобод личности. В связи с этим, задачами уголовно-процессуального производства в РТ являются: установление порядка производства по уголовным делам; защита прав и свобод человека и гражданина; защита интересов общества, государства и организаций, пострадавших в результате совершения преступления; своевременное и полное раскрытие преступлений; привлечение к уголовной ответственности лица, совершившего преступление; справедливое разрешение рассматриваемых вопросов в суде; соблюдение процессуальных норм при применении уголовного закона; гарантия защиты законных интересов участников уголовного судопроизводства и других лиц (ч. 1. ст. 2 УПК РТ).

Важнейшее место в уголовно-процессуальном законодательстве занимают его принципы, как норма общего и руководящего значения. Уголовно-процессуальное законодательство РТ основывается на следующих принципах: законность при производстве по уголовным делам; уважение чести и достоинства личности; неприкосновенность личности; охрана прав и свобод личности при производстве по уголовным делам; неприкосновенность жилища; тайна переписки, телефонных переговоров, почтовых и телеграфных сообщений, личных и семейных тайн; презумпция невиновности; равенство граждан перед законом и судом и другие.

Таким образом, в сфере регулирования правового статуса личности значимую роль играют уголовное и уголовно-процессуальное законодательство РТ. Если уголовное законодательство определяет преступность деяния и его наказуемость, то уголовно-процессуальное законодательство защищает права и законные интересы лиц, пострадавших (потерпевших) от преступлений, кроме того, защищает человека от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения его прав и свобод.

Н.А. Хагуш

Референдумы и их проведение

Гарантирование избирательных иных конституционных прав граждан, закрепленные конституционными нормами актуальные для любого государства. Тем более для молодого государства Республики Абхазия (далее – РА) ныне эти вопросы необходимо вести в рамках международных норм и они требуют научно-практического толкования.

Для полноценного анализа законодательства РА о референдумах необходимо обратиться к их правовой основе и истории становления РА и проведения в ней референдумов.

В настоящее время правовую основу проведения референдумов в РА составляют следующие нормативно правовые акты:

- Конституция РА (Принята на сессии Верховного Совета Республики Абхазия 12-го созыва 26.11.1994, одобрена всенародным голосованием 3.10.1999 с изменением, принятым на всенародном голосовании (референдуме) 3.10.1999);

- Закон РА «О всенародном голосовании (референдуме)» Принят народным собранием парламентом РА 27.02.1996.

31.03.1921 была провозглашена независимая Советская Социалистическая Республика Абхазия. Этот день можно считать днем образования независимой РА. 21.02.1921. Ревком ССР Грузии признал независимость ССР Абхазии.

Первая советская Конституция принята в РА в апреле 1925 г. Всеабхазским съездом Советов. Абхазия приняла тогда свою Конституцию, как и другие союзные республики, в отличие от автономных, которые ее не имели. В этот период ССР Абхазия по своему статусу являлась не автономной, а союзной республикой, имеющей статус суверенного государства. Именно потому Конституция Абхазии 1925 г. по положению не подлежала утверждению в других структурах. Решение съезда Советов по данному вопросу считалось окончательным. Абхазия не входила в состав Грузии.

В декабре 1921 г. ССР Абхазия и ССР Грузия подписали Союзный договор, положивший начало государственно-правовым отношениям между Абхазией и Грузией. Уже после этого, Абхазская ССР участвовала в создании Союза ССР, и ее представители в декабре 1922 г. подписали договор об образовании СССР.

В 1931 г. ССР Абхазия под нажимом Сталина была преобразована в Автономную Советскую Социалистическую Республику в составе ГССР. Тем самым, в период сталинских репрессий граждан и народов страны, Абхазия была репрессирована как республика. Абхазская ССР стала чуть ли не единственной из союзных республик, чей статус был понижен до автономии.

После прихода к власти Гамсахурдиа, в конце 1990 г. Верховным Советом Республики Грузия был объявлен переходный период по восстановлению государственной независимости Грузии, а 28.02.1991 Верховный Совет Республики Грузия запретил проведение референдума СССР на территории Грузии.

В соответствии с Законом СССР «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР» от 3.04.1990, принятым еще в период нахождения Грузии в СССР, Автономные республики в случае выхода Союзной республики из СССР обладали правом самостоятельно решать вопрос о пребывании в СССР и своем государственно-правовом статусе. В связи с этим, Абхазия приняла участие в референдуме 17.03.1991, на котором большинство населения республики высказалось за сохранение Союза ССР.

Результаты референдума по Абхазской АССР были официально подтверждены Центральной комиссией референдума СССР. Проведение этого референдума и стало отправной точкой обретения независимости РА.

27.02.1996 Народным Собранием Парламентом РА был принят закон РА «О всенародном голосовании референдуме».

Законом о «О всенародном голосовании референдуме» в РА были закреплены такие основополагающие принципы как народовластие, свобода участия в референдумах, добровольность участия, принцип тайного голосования, гласности при проведении референдума. В проведении референдума участвуют все граждане РА, достигшие совершеннолетия и обладающие избирательным правом.

На референдум могут выставляться наиболее важные для страны вопросы, кроме вопросов суверенитета государства и вопросов, ограничивающих основные права и свободы человека и гражданина.

Правом на назначения референдума в РА обладает лишь Президент РА, а право выступить с инициативой проведения референдума принадлежит: Президенту РА; гражданам РА; Парламенту РА; Верховному Суду РА.

Инициатива в сборе подписей на проведение референдума принадлежит любому гражданину РА или группе граждан, обладающих избирательным правом. Граждане РА реализуют свое право на сбор подписей самостоятельно и добровольно.

Граждане РА инициируют проведение референдума, если было собрано не менее 10 000 подписей граждан РА, обладающих правом участвовать в референдуме.

Сбор подписей могут организовывать и осуществлять инициативные группы референдума, состоящие из граждан РА.

Парламент РА также может выступить с инициативой проведения референдума если простое большинство депутатов проголосуют за проведение референдума.

Верховному суда РА для выступления с инициативой проведения референдума необходимо набрать квалифицированное большинство голосов. Не совсем понятно, чем вызвана разница к требованиям по числу голосов депутатов Парламента и членов Верховного суда. Анализируя эти нормы, мы считаем, что исходя из принципов демократизма, необходимо соотносить количество голосов парламентарием и членов Верховного суда. Сделав количество голосов для инициативы проведения референдума равным между парламентариями и членами Верховного суда, РА в очередной раз докажет, что все ветви власти республики независимы друг от друга и обладают равными правами, в рамках своей компетенции.

Президент РА может единолично выступить с инициативой проведения референдума и сам же его назначить. В случае обращения к Пре-

зиденту о проведении референдума одной из указанных категорий и при отсутствии нарушений законодательства, Президент не может отказать в проведении референдума.

Назначенный референдум не может проводиться раньше одного месяца и позднее трех месяцев со дня принятия решения о проведении референдума.

Этот срок может быть продлен Президентом РА, если в течение ближайших двух месяцев предусмотрено проведение другого референдума или выборов депутатов Парламента РА.

Для подготовки и проведения референдума создается следующие комиссия референдума:

- а) Центральная комиссия референдума;
- б) окружные комиссии референдума;
- в) участковые комиссии референдума.

В компетенцию центральной комиссии референдума входит:

- обеспечение строгого соблюдения законности, обращается к Парламенту РА с представлениями о необходимости толкования закона;
- образовывать округа референдума;
- организовывать деятельность окружных комиссий референдума;
- решать вопрос о приписке участков референдума, образуемых за пределами РА, к округам референдума на территории РА;
- распределять денежные средства по комиссиям референдума, контролировать обеспечение комиссий референдума помещениями, транспортом, связью и рассматривает другие вопросы материально-технического обеспечения референдума;
- устанавливать формы бюллетеней референдума, списков участников референдума, протоколов заседаний комиссий референдума, других документов референдума, образцы ящиков для голосования и печатей комиссий референдума, порядок хранения документов референдума;
- подводить итоги проведения референдума в целом по РА;
- устанавливать результаты референдума, публиковать в печати, давать сообщения по телевидению и радио о своей работе и о результатах референдума;
- осуществлять иные полномочия в соответствии с законодательством РА о референдумах.

В компетенцию окружной комиссии референдума входит:

- осуществление контроля за исполнением настоящего законодательства на территории округа;
- организация деятельности участковых комиссий референдума;
- заслушивание сообщения местных органов государственного управления, руководителей предприятий, учреждений и организаций по вопросам, связанным с подготовкой и проведением референдума;

- наблюдение за составлением списков участников референдума и представлением их для всеобщего ознакомления;
 - обеспечение своевременного издания материалов референдума;
 - содействие организации встреч, лекций и других мероприятий, направленных на разъяснение сути проекта закона или иного решения, вынесенного на референдум;
 - обеспечение изготовления бюллетеней и снабжение ими участковых комиссий референдума;
 - устанавливает результаты референдума в округе, передает их в Центральную комиссию референдума, публикует результаты референдума в печати;
 - рассматривает заявления и жалобы на решения и действия участковых комиссий референдума и принимает по ним решения;
- Участковая комиссия референдума вправе:
- составлять списки участников референдума по участку;
 - проводить ознакомление граждан со списками участников референдума, принимать и рассматривать заявления о неправильностях в списке и решать вопрос о внесении в него соответствующих изменений;
 - оповещать население о месте нахождения участковой комиссии референдума и времени ее работы, а также дне проведения референдума;
 - обеспечивать подготовку помещения, ящиков и кабин для голосования;
 - организовывать на участке голосование в день проведения референдума;
 - производить подсчет голосов и определяет результаты голосования;
 - рассматривать заявления и жалобы по вопросам подготовки и проведения референдума и принимает по ним решения;
 - осуществлять другие полномочия в соответствии с настоящим Законом.

О месте и времени проведения референдума граждане РА извещаются за 10 дней до проведения референдума. Решение по референдуму считается принятым если «за» проголосовало более половины граждан РА участвующих в проведении референдума.

Таким образом, организация и проведение референдумов в РА соответствует общепризнанным нормам международного права. Референдум проведенный в РА в соответствии с данным законом можно будет считать легитимным волеизъявлением народа РА.

Особенности уголовно-процессуальной деятельности в сфере судебной реформы

Уголовно-процессуальная деятельность представляет собой систему процессуальных действий. В этих действиях кроме органов государства в различных формах участвуют все лица, вовлекаемые в производство по делу. В одних случаях они сами совершают процессуальные действия в силу предоставленных им прав или возложенных на них обязанностей – возбуждают ходатайства, заявляют отводы, представляют доказательства, обжалуют действия и решения государственных органов (обвиняемый, защитник, потерпевший и т.д.), выступают в судебных прениях (общественный обвинитель, общественный защитник и т.д.).

Правовое государство призвано обеспечивать охрану прав и свобод личности, жизни, здоровья, чести и достоинства, общества в целом, конституционного строя. В частности, уголовное право устанавливает круг деяний, запрещаемых под угрозой уголовного наказания, и виды таких наказаний, тем самым способствуя предупреждению преступлений.

Вместе с тем органы государства осуществляют целенаправленную деятельность по борьбе с преступностью. Перед ними стоят задачи быстрого и полного раскрытия преступлений, изобличения виновных и обеспечение правильного применения закона, с тем, чтобы каждый, совершивший преступление, был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден (ч. 1 ст. 2 УПК).

Задачи быстрого и полного раскрытия преступлений состоят в обязанности органов государства в возможно короткие сроки установить все обстоятельства преступления и выявить всех лиц, его совершивших, чтобы максимально приблизить применение наказания к моменту совершения преступления. Установление виновности является обязательным условием решения вопроса об уголовной ответственности и наказании.

Направляемая законом деятельность органов государства – суда (судьи), прокурора, следователя и органа дознания, обязанных в целях соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина начать производство по поводу каждого совершенного преступления, быстро и полно раскрыть его, изобличить виновных, подвергнуть их справедливому наказанию, составляет основное содержание уголовного процесса.

Однако содержание уголовного процесса этим не исчерпывается. Уголовно-процессуальная деятельность представляет собой систему процессуальных действий. В этих действиях кроме органов государ-

ства в различных формах участвуют все лица, вовлекаемые в производство по делу.

В одних случаях они сами совершают процессуальные действия в силу предоставленных им прав или возложенных на них обязанностей – возбуждают ходатайства, заявляют отводы, представляют доказательства, обжалуют действия и решения государственных органов (обвиняемый, защитник, потерпевший и т.д.), выступают в судебных прениях (общественный обвинитель, общественный защитник и т.д.).

В других случаях они не выполняют самостоятельно процессуальных действий, но привлекаются к ним, участвуют в них – дают показания (подозреваемый, свидетель, потерпевший и т.д.), участвуют при осмотре места происшествия (специалисты, понятые и т.д.). Все эти действия входят в структуру уголовно-процессуальной деятельности и не могут быть выведены за ее пределы. Являясь содержанием уголовного процесса, уголовно-процессуальная деятельность имеет соответствующие формы внутреннего и внешнего выражения.

В качестве внутренней формы выступают уголовно-процессуальные отношения, в рамках и через посредство которых осуществляется уголовно-процессуальная деятельность. Производство процессуальных действий неизбежно связано с осуществлением субъектами своих прав и обязанностей, а значит, с вступлением субъектов между собой в определенные правовые отношения, в данном случае в отношения, которые предусмотрены уголовно-процессуальным законом и которые являются отношениями уголовно-процессуальными. Иного, кроме процессуальных отношений, способа осуществления прав и обязанностей в уголовном процессе нет. Вне уголовно-процессуальных отношений невозможна и реализация правовых норм.

Уголовный процесс должен быть построен на началах подлинной состязательности. Тем самым предполагаются не только разделение и персонификация функций обвинения, защиты и разрешения дела, не только равноправие сторон обвинения и защиты, но и предоставление им в состязательном процессе равных возможностей по воздействию на окончательное решение суда.

Таким образом, ключевыми положениями судебной реформы являются:

- дифференциация форм уголовного судопроизводства;
- судебный контроль за законностью и обоснованностью производства на ранних стадиях процесса;
- всемерное развитие принципа состязательности на досудебных стадиях процесса и в судебном разбирательстве;
- лишение правосудия обвинительных черт;
- определение жестких критериев допустимости доказательств и введение практики правил своевременного исключения недопустимых доказательств;

- расширение прав сторон по собиранию и приобщению доказательств.

Судебный контроль за соблюдением конституционных прав и свобод граждан на предварительном следствии состоит в том, что только по решению суда возможны арест, заключение под стражу, отстранение от должности, помещение лица в медицинское учреждение. В дальнейшем суд должен получить право рассматривать жалобы на действие должностных лиц, если их решения препятствуют осуществлению правосудия (например, решение прокурора об отказе в возбуждении уголовного дела; прекращение производства по делу может быть при определенных в законе условиях обжаловано потерпевшим и обвиняемым в суде и др.).

Важную роль в обеспечении прав и свобод человека и гражданина в уголовном процессе имеют постановления Конституционного Суда Республики Узбекистан. Эти постановления оказывают воздействие и на правоприменительную практику, и на совершенствование законодательства.

Правовое государство призвано обеспечивать охрану от преступлений прав и свобод личности, жизни, здоровья, чести и достоинства, других благ граждан, общества в целом, конституционного строя государства. Этому служит, в частности, уголовное право, устанавливающее круг деяний, запрещаемых под угрозой уголовного наказания, и виды таких наказаний. Тем самым оно способствует предупреждению преступлений. Но если преступление совершилось, то необходимо его раскрыть, найти виновного, выяснить все, что надо знать для справедливого наказания преступника, и в то же время не допустить ошибочного обвинения и, тем более, осуждения невиновного. Виновный же должен быть наказан в строгом соответствии с законом, характером и степенью его вины, данными о личности. Всему этому и способствует уголовно-процессуальное право.

Ю.А. Цветков

Кризис конституционно-правовой идентичности российского следователя

Отмечаемое в нашей стране 20-летие Конституции Российской Федерации – отнюдь не повод для хвалебных речей в адрес действующего основного закона, а скорее наоборот, предлог для того, чтобы попытаться оценить его потенциал адекватно отвечать вызовам современной ситуации развития социальных и правовых институтов. Как показывает опыт зарубежных стран, среднестатистический жизненный цикл любого основного закона составляет примерно 10 лет. За пределами этого цикла такой закон теряет свой регуляторный потенциал. Во

Франции с 1789 г. было принято 17 конституций, а в ныне действующую за последние 50 лет 8 раз вносились глобальные изменения и дополнения. На родине классического либерализма в Англии вообще нет писанной конституции. Впрочем, в качестве примера стабильности основного закона нередко приводят Конституцию США. Более чем за 220 лет существования в неё внесено лишь 26 поправок, в то время как 27-я поправка, гарантирующая равноправие мужчин и женщин, вот уже 45 лет с момента принятия Конгрессом не ратифицирована штатами и не вступила в силу. Нужна ли нам такая стабильность?

Вклад ныне действующей российской Конституции в формирование основ правового государства трудно переоценить. В ней провозглашены самостоятельность судебной власти, независимость судей и основные права граждан при осуществлении уголовного преследования. Эти базовые положения весьма объемно раскрыты в решениях Конституционного Суда РФ, вкупе с которыми составляют конституционно-правовой фундамент современного отечественного уголовного судопроизводства. Вместе с тем, весьма неудачно сформулированы нормы, посвященные прокуратуре. Кроме принципов её построения и процедуры назначения прокуроров, данные нормы ничего определенного не содержат, а само их расположение в главе, посвященной судебной власти, вносит дополнительную путаницу. Роль следователя, а также суть и предназначение предварительного расследования Конституцией вовсе не определены, поэтому научное сообщество находится в постоянном поиске ответов на эти вопросы. Новое звучание они обрели в результате образования в 2010 г. впервые в отечественной истории самостоятельного следственного ведомства – Следственного комитета Российской Федерации (далее – СК России).

Фундаментальным конституционным принципом организации государственной власти в России является принцип разделения властей. В соответствии со ст. 10 Конституции РФ государственная власть в нашей стране осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную. Органы законодательной, исполнительной и судебной власти самостоятельны. Между тем, только основной закон, помимо трех перечисленных, содержит упоминание ещё как минимум трёх самостоятельных ветвей власти: президентской (Президент РФ), контрольно-надзорной (прокуратура, Счетная Палата, Уполномоченный по правам человека) и финансовой (Центральный банк РФ). Некоторые исследователи насчитывают до 280 государственных организаций, не относящихся ни к одной ветви власти¹. В этой связи представляется трудноразрешимым вопрос о том, к какой ветви власти относится СК России? Однако это ещё далеко не самый сложный вопрос. Куда сложнее вопрос о том, какова, собственно говоря, правовая

¹ Палин А.Ю. Структура политической власти в России. URL: <http://palin-ay.ru>.

природа следственной власти? Отсутствие ясности в обоих этих вопросах и создаёт предпосылки для утраты конституционно-правовой, да и в целом социально-психологической идентичности следователя. В СК России всего 4% следователей с преобладанием «статусной» мотивации, что может свидетельствовать о весьма низкой оценке ими своего положения в обществе¹.

Идентичность – понятие, возникновению которого мы обязаны работам легендарного американского психолога Э. Эриксона. «Идентичность индивида, – писал он, – основывается на двух одновременных наблюдениях: на ощущении тождества самому себе и непрерывности своего существования во времени и пространстве и на осознании того факта, что твои тождество и непрерывность признаются окружающими»². Под кризисом идентичности, соответственно, психолог понимал острое чувство потери такой тождественности в течение некоторого периода времени. В наши дни это понятие вышло за границы психологии и приобрело междисциплинарный характер.

Российский следователь, равно как и прокурор, переживают в настоящее время кризис своей конституционно-правовой идентичности, – кризис, который негативно отражается на всей правоприменительной системе. В разрешении этого кризиса потенциал ныне действующей Конституции весьма невелик, если не сказать, ничтожен. Отсутствие ясных и однозначных конституционно-правовых предпосылок для создания стройной и непротиворечивой концепции предварительного расследования и критериев разграничения полномочий в сфере правоприменения и противодействия преступности даёт почву для столь спорных утверждений, как, например, утверждение выступавшего в апреле 2011 г. в Совете Федерации Генерального прокурора РФ о том, что «следователь создан для прокурора»³. Спрашивается, а почему, собственно, не наоборот, как в США, где прокурор создан для полицейского и выступает как его адвокат в судебном процессе?⁴ Основной причиной кризиса идентичности прокуроров как раз и является их инертное мышление, в силу которого они по-прежнему считают себя руководителями следствия, вместо того, чтобы осознать свою социальную ответственность, в том числе и перед следственными органами, за качественное поддержание государственного обвинения, иначе говоря, за адекватное доведение результатов следствия до того, кому надлежит их оценить – до суда.

¹ Багмет А.М., Цветков Ю.А. Мотивация профессиональной деятельности следователя // Юридическая психология. 2013. № 3. С. 7

² Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М. 1996. С. 58-59.

³ URL: <http://www.pronk.ru>.

⁴ Стойко Н.Г., Семухина О.Б. Уголовный процесс в США. Красноярск, 2000. С. 97.

Не менее спорным представляется утверждение постоянного участника проводимых в ИПК СК России научных форумов профессора В.С. Джатиева: «Предварительное следствие является видом административной деятельности. Это означает, что полномочиями по его осуществлению могут наделяться лишь органы исполнительной государственной власти»¹. При поверхностном рассмотрении процитированное высказывание может показаться вполне логичным. Действительно, раз следствие является видом административной деятельности, при том условии, что данную деятельность профессор понимает в узком смысле как деятельность органов исполнительной власти, то и полномочия по ее осуществлению должны принадлежать не иначе как органам исполнительной власти. Однако на основании чего автором был сформулирован исходный тезис о чисто административном характере следственной деятельности, остаётся загадкой. На самом же деле правовая конструкция функций и полномочий российского следователя настолько сложна и по-своему уникальна, что подогнать её под какую-либо одну категорию практически невозможно.

Законодатель попытался придать статусу следователя определенность, пойдя по самому простому и не лишенному остроумия пути: он провозгласил основным началом уголовного судопроизводства состязательность сторон и отнёс следователя к стороне обвинения, указав при этом, что функции обвинения, защиты и разрешения дела не могут быть совмещены в одном органе или возложены на одно лицо. Понять законодателя можно, своим решением он «убил двух зайцев»: придал определенность положению следователя в судопроизводстве, а также повысил правовые гарантии подозреваемого и обвиняемого, на нормативном уровне противопоставив ему следователя и тем самым процессуально вооружив его против следователя. Однако в реальности законодатель придал лишь видимость определенности статусу следователя, по существу так и не разрешив тех концептуальных противоречий, которые привели к кризису идентичности данной процессуальной фигуры.

Одной из двух сформулированных законодателем в ст. 6 УПК РФ задач уголовного судопроизводства, в равной мере поставленной перед всеми его участниками, в том числе и перед следователем, является защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Кроме того, в силу пп. 5 и 7 ч. 1 ст. 73 УПК РФ следователю вменена обязанность по сбору не только обвинительных, но и оправдательных доказательств. Таким образом, наряду с функцией обвинения на следователя, как и по ранее действо-

¹ Джатиев В.С. О некоторых организационных и процессуальных проблемах предварительного следствия // Актуальные проблемы расследования преступлений: мат-лы Межд. науч.-практич. конф. (23.05.05.2013). 2013. Ч. 1. С. 388.

вавшему УПК РСФСР, возложена функция защиты.

Следователь наделяет собранную им либо иными лицами информацию правовым качеством доказательств и является первичным звеном в их оценке, он же даёт исходную и промежуточную правовую квалификацию событию преступления и деяниям привлекаемого к уголовной ответственности лица – в этих его полномочиях нашла отражение функция разрешения дела, то есть чисто судебная функция.

Наконец, следователь на стадии проверки сообщений о преступлениях и в отдельных случаях на стадии расследования выявляет преступления, он же осуществляет раскрытие преступлений следственным путем либо направляет деятельность органов дознания по раскрытию преступлений, что является реализацией его розыскной функции. При этом хотелось бы вступить в дискуссию также и с нашим бывшим коллегой И.В. Масловым, который не без некоторой укоризны говорит о том, что «de-facto следователь СК России, в отличие от следователя прокуратуры, стал не только следователем, но и опером»¹. На самом деле, следователь прокуратуры, в отличие от его коллег из органов внутренних дел и других ведомств, работая в отрыве от оперативной поддержки, всегда был в некотором смысле оперативником, и благородные традиции раскрытия преступлений следственным путем унаследованы СК России именно от прокурорского следствия.

Таким образом, реальная правовая конструкция личности следователя как участника уголовного судопроизводства гораздо сложнее, нежели чем её законодательная монофункциональная модель, что, безусловно, является одним из определяющих факторов описываемого кризиса. Однако даже если бы нам удалось втиснуть следователя в прокрустово ложе чисто обвинительной конструкции, то и в этом случае нам не удалось бы избежать проблем с идентичностью, но уже внутри самой системы обвинения. Что мы имеем в виду? Сторона защиты – это полноценная сторона, где обвиняемый и защитник работают в постоянной сцепке. В соответствии со ст. 6 Федерального закона от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокат не вправе занимать по делу позицию вопреки воле доверителя, за исключением случаев, когда адвокат убежден в наличии самоговора доверителя. На стороне обвинения ничего подобного нет: ни потерпевший, ни следователь, ни прокурор не связаны позициями друг друга, более того, их позиции могут быть взаимоисключающими. Однако если потерпевший наделен правом обжалования действий (бездействия) и решений следователя и прокурора независимому арбитру – суду, то у следователя такого права нет: в случае процессуального конфликта с прокурором окончательное слово

¹ Маслов И.В. От Следственного комитета к единому органу расследования // Законность. 2012. № 3. С. 40

в разрешении конфликта остается за одной из сторон конфликта – за самим прокурором.

В таких условиях преодоление кризиса идентичности следователя находится в плоскости адекватного законодательного определения его уголовно-процессуальной функции в состязательной системе уголовного судопроизводства. Однако кризис этот проявляется также и в отсутствии идентичности между следователями различных ведомств. Несмотря на то, что их деятельность обладает единой процессуальной основой, сам статус этой деятельности лишен такого качества.

В настоящее время предварительное следствие, помимо СК России, осуществляют еще три ведомства: МВД России, ФСБ России и ФСКН России, в составе которых имеются собственные следственные подразделения. Причем если последние два специализируются на расследовании узкой категории уголовных дел, непосредственно вытекающей из задач, возложенных на эти органы, то следственные подразделения МВД России такой специализации не имеют и расследуют широкий спектр общеуголовных преступлений.

В сложившейся ситуации обращает на себя внимание следующее системное противоречие. СК России по законодательной конструкции его правового статуса не входит в систему органов исполнительной власти, а является федеральным государственным органом, руководство деятельностью которого осуществляет Президент РФ. В то время как иные ведомства, имеющие в своей структуре следственные подразделения (МВД, ФСБ и ФСКН) являются органами исполнительной власти, причем если руководитель одного из них (МВД России) является федеральным министром, входящим в состав Правительства РФ, то руководители двух других органов таким статусом не обладают. Получается, что предварительное следствие в России не имеет единого «горизонтального» статуса.

В зависимости от своего статуса в системе предварительного следствия можно выделить три уровня: первый, условно называемый «президентским» (СК России), второй, «правительственный» (МВД России) и третий, «служебный» (ФСБ России и ФСКН России). Однако основное противоречие состоит даже не в том, что следствие представлено тремя уровнями правового статуса, а в том, что одновременно существуют две правовые модели следственной власти: в одном случае следственная власть рассматривается как производная власти президентской (СК России), а в другом – исполнительной (МВД России, ФСБ России и ФСКН России). Скажем больше: в настоящее время параллельно существуют не только несколько уровней статусности предварительного следствия, но и несколько его систем, принципиально отличающихся друг от друга не только практикой правоприменения,

но и самим подходом к расследованию уголовных дел¹. Отсюда вытекает и третья предпосылка кризиса идентичности, связанная с определением миссии нового следственного ведомства и положением в нём самого следователя.

Основным поставщиком уголовных дел в суды является МВД России, следователями которого за 2012 г. расследовано 77,19% от общего числа преступлений по направленным в суд уголовным делам. СК России с его 11,6% по аналогичному показателю находится хотя и на втором месте, но со значительным отрывом от полицейского следствия. Таким образом, следователям СК России не под силу тягаться с их коллегами из органов внутренних дел по количеству расследованных преступлений. Что представляют собой эти дела? По сути, это уголовный фаст-фуд: следователи на скорую руку оформляют в суд результаты оперативно-розыскных мероприятий или работы полиции по горячим следам. Другое дело, организация расследования преступлений в органах СК России, где, в силу специфики подследственности, чисто оформительский подход к штамповке поставленных на поток уголовных дел не может быть реализован в принципе. Необходимо понять, в том числе и прокурорам, которые пытаются мерить показатели работы различных следственных органов одним аршином, что у ведомственного следствия и самостоятельного следствия разные миссии, точно так же, как разные миссии у сети ресторанов McDonald's и Maxim's: первые производят гамбургеры, а вторые – гастрономические шедевры. Поэтому, поставить, например, во главу угла работы следователей СК России погоню за сроками, как в органах внутренних дел, будет означать отступление от своей миссии, что, в конечном итоге, приведет к тем же результатам, к каким привело решение топ-менеджмента компании Ford начать производство лимузинов.

Наконец, последним аспектом описываемого кризиса является проблема идентичности следователя в самой системе СК России. Создание самостоятельного следственного органа впервые в нашей стране заложило предпосылки для того, чтобы следователь ощутил себя не придатком какого-либо ведомства, а центральной, системообразующей фигурой. Предполагается, что такое положение следователей должно способствовать укреплению их командного духа и усилению мотивации их профессионального роста. Заняли ли следователи привилегированное положение в СК России? В настоящее время число работающих следователей в СК России – 7808 человек, что составляет 43,5 % от всех работающих оперативных сотрудников, то есть меньшую их часть. При этом необходимо учитывать, что к категории следователя

¹ Цветков Ю.А. Ведомственное следствие: за и против // Органы предварительного следствия в системе МВД России: история, современность, перспективы: мат-лы Всерос. науч.-практич. конф. (18.04.2013). 2013. Ч. 1. С. 98-102

относятся также и следователи-криминалисты, то есть «чистых» следователей в СК России менее 40 %. Если взять классическую формулу, по которой рассчитывается оптимальное соотношение численности основного персонала организации, который специализируется на выполнении производственной функции, к численности управленческого и обслуживающего персонала – $1/18$ – то станет очевидным, что образовался явный кадровый дисбаланс. Между тем, современным трендом развития промышленного производства на западе стало резкое снижение доли рабочих по отношению к обслуживающему персоналу до $1/4$ и менее. Поэтому тот факт, что следователи в системе СК России составляют меньшинство, еще не основание для вывода о том, что сама система, если представить её в виде пирамиды, стоит не на основании, а на своей вершине. Принципиально более важным с точки зрения обретения идентичности представляется вопрос о том, являются ли следователи элитой следственных органов СК России либо относятся, скорее, к категории чернорабочих. Для определения истинного положения той или иной группы в организации можно использовать простой, но весьма показательный критерий, а именно: в какой группе работников больше всего тех, кто имеет продолжительный стаж работы, а в какой – меньше. Следователи со стажем работы в СК России и органах прокуратуры свыше 10-и лет составляют 5,6 %, а свыше 20-и лет – всего 0,5 % от общего числа работающих следователей, в то время как почти $1/4$ таковых (22,6 %) – это следователи со стажем до 1 года. Таким образом, работа следователем в СК России – это, в основном, удел молодых специалистов, в то время как специалисты со значительным стажем следственной работы стремятся занимать иные должности в системе СК России.

Подводя итог всему вышесказанному, рискнём предположить, что единственным универсальным и наиболее продуктивным направлением разрешения кризиса идентичности российского следователя является признание за ним самостоятельности не только на процессуальном, но и на онтологическом уровне. Следователь – носитель следственной власти как самостоятельной по своей правовой природе разновидности государственной власти – вот тот осевой тезис, вокруг которого, как нам представляется, должна строиться вся современная доктрина предварительного расследования.

В.И. Червонюк

Защита прав личности при применении органами уголовного преследования целерантных процедур

1. Проблема целерантных производств в равной мере важна для всех без исключения развитых демократических государств. По своей

сути это применяемые в уголовном судопроизводстве сокращенные и упрощенные процедуры, которые приобретают разные формы, зависят от воли публичного обвинителя и предоставленных ему уголовно-процессуальным законом дискреционных полномочий; это такие формы уголовного процесса, которые предназначены для разрешения уголовных дел в сокращенные сроки и по упрощенным правилам. Целью применения целерантных процедур является необходимость решения принципиально важных задач уголовного судопроизводства: необходимость снижения высокого уровня преступности, особенно организованной, стимулирование положительного посткриминального поведения подозреваемого (обвиняемого), направленное на активное содействие им в раскрытии и расследовании преступления, изобличении других соучастников преступления, розыске имущества, добытого преступным путем. Применение целерантных процедур разрешения уголовно-правовых споров способствует экономии уголовного процесса, снижению материальных и людских затрат, существенно рационализировать производство по уголовному делу как органами уголовного преследования, так и судами. Несомненно, важно и то, что использование упрощенных процедур в уголовном судопроизводстве, как это следует из официальных документов, «раскрывает одно из направлений социальной политики государства, состоящее в формировании и развитии механизмов восстановительного правосудия и проведения примирительных процедур».

2. Несмотря на «усеченный» характер уголовно-процессуального производства», обеспечение конституционных прав лиц, вовлекаемых в эти производства, предопределено особенностями действия целерантных процедур: во-первых, отличительной их чертой в современном уголовном судопроизводстве является то, что упрощение (ускорение) процедуры не влечет за собой отказа от фундаментальных начал состязательного процесса, в частности, равенства сторон, права обвиняемого на защиту, включая его свободный доступ к правосудию и др.; во-вторых, упрощенные процедуры, как правило, предоставляют участникам процесса значительные (по сравнению с «обычными») гарантии их прав и законных интересов. Иными словами, в основу таких процедур положен личный интерес участников процесса; в-третьих, целерантное производство, как правило, основывается на свободе волеизъявления подозреваемого (обвиняемого), в качестве своей альтернативы предполагает судебное разбирательство в общем порядке на условиях состязательности.

Вместе с тем широкое применение в современных условиях целерантных процедур при их очевидных преимуществах возможно при условии усовершенствования закрепляющего эти процедуры законодательства в контексте предоставления безусловных гарантий участникам уголовного судопроизводства.

3. Представляется, что дополнительной гарантией прав подозреваемого (обвиняемого) в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве является установление в гл. 40.1 УПК РФ такого процессуального порядка обжалования постановления следователя, когда бы жалоба подозреваемого (обвиняемого) в связи с его ходатайством о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве представлялась не только руководителю следственного органа, как это предусмотрено ст. 317. УПК РФ, но также прокурору и суду. Видимо, есть основания и для обжалования данным лицом судебных решений, что по действующему законодательству невозможно. Такой подход находится в полном соответствии с практикой высшей судебной инстанции страны: в соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» судебному обжалованию в соответствии с ч. 1 ст. 125 УПК РФ подлежат решения и действия (бездействие) должностных лиц, принятые в судебных стадиях уголовного судопроизводства, если они способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства или иных лиц, чьи права и законные интересы нарушены либо могут затруднить доступ граждан к правосудию. Понятно, что придание этим положениям законодательного характера будет способствовать усилению конституционно-правовой защиты граждан, вовлекаемых в орбиту уголовного судопроизводства.

4. Анализ практики применения института досудебного соглашения о сотрудничестве со всей очевидностью указывает на далеко не редкие случаи злоупотребления обвиняемым (подозреваемым) своим положением, недобросовестным выполнением им условий заключенного соглашения. Отнюдь не редкостью стали случаи оговоров, вследствие чего к уголовной ответственности привлекаются лица, не совершавшие преступлений. Юридических механизмов, которые воспрепятствовали бы такому посткриминальному поведению подозреваемых или обвиняемых глава 40.1 УПК РФ фактически не содержит, кроме возможности применения пересмотра приговора. Однако изучение судебной статистики указывает на то, что приведенная норма института досудебного соглашения о сотрудничестве практически не применяется. Такое состояние рассматриваемого института можно охарактеризовать как первоначальный пробел, т.е. законодательный брак, законодательное упущение, просчет.

Можно понять стремление применяющих данный институт органов государства каким-то образом компенсировать существующий пробел в уголовно-процессуальном законодательстве. Однако вводимое п. 1.16 Приказа Генеральной прокуратуры РФ от 15.03.2010 № 107 «Об организации работы по реализации полномочий прокурора при заключении с подозреваемыми (обвиняемыми) досудебных соглашений о сотруд-

ничестве по уголовным делам» положение не согласуется с положениями главы 40.1. УПК РФ и не отвечает требованиям конституционности; Приказ вводит т.н. первичную норму, призванную регламентировать ситуации, являющиеся исключительно объектом законодательно-го регулирования.

Учитывая общественно опасный характер оговора обвиняемого (подозреваемого) и в целях рационализации института досудебного соглашения о сотрудничестве представляется целесообразным дополнить ст. 317.8 частью второй следующего содержания: «В случаях получения сведений о несоблюдении подозреваемым (обвиняемым) досудебного соглашения о сотрудничестве (сообщение заведомо ложных сведений, отказ от участия в следственных действиях, оперативно-розыскных мероприятиях, сокрытие важных для следствия данных и др.) прокурор, а при рассмотрении дела в суде – суд полномочен выносить постановление о прекращении досудебного сотрудничества». Уголовное дело в этих случаях рассматривается в порядке общего судопроизводства.

5. Применение целерантных процедур, в частности в связи с досудебным соглашением о сотрудничестве порождает ряд проблем, связанных с обеспечением прав и интересов потерпевшего. Сравнительный анализ глав 40 и 40.1 раздела X Уголовно-процессуального закона указывает на их принципиальные отличия в обеспечении прав потерпевшего. Даже самый общий взгляд на проблему свидетельствует о том, что правовое положение лица, регулируемое нормами, включенными в единый раздел X «Особый порядок судебного разбирательства», не может быть диаметрально отличным в двух различных главах – гл. 40 и гл. 40.1. УПК РФ; как не могут нормы этого раздела входить в противоречие с фундаментальными, в том числе имеющими конституционное значение, положениями Уголовно-процессуального закона. Так, в одном случае (положения главы 40 УПК РФ) потерпевший дает согласие на применение особого порядка вынесения обвиняемому приговора в связи с согласием обвиняемого с предъявляемым ему обвинением (ст. 314, 316 УПК РФ); в главе 40.1 потерпевший фактически не участвует в процессе, а термины «потерпевший», «гражданский истец» в лексике главы не используются.

Принимая во внимание Определение Конституционного Суда РФ от 2.11.2011 № 1481-О-О «По жалобе граждан Ковальчука Владимира Степановича и Ковальчук Тамары Николаевны на нарушение их конституционных прав частью второй статьи 317.6, пункт 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве», можно было считать целесообразным предложение о том, что гарантом возмещения причиненного пострадавшему от преступления

вреда в тех случаях, когда уголовное дело рассматривается в порядке особого производства в связи с применением процедуры досудебного соглашения о сотрудничестве, должно выступать государство. Минимизируя затраты, в связи с применением упрощенных производств, государство тем самым могло бы за счет произведенной экономии учредить специализированный фонд компенсации ущерба, причиненного жертвам преступлений. Использование механизма регрессного иска исключало бы ситуацию, когда такая компенсация оборачивается дополнительным бременем для налогоплательщиков. Отмеченное предложение основывается на нормах международного права, имеющих как рекомендательный, так и императивный характер (рекомендованные состоявшимся в 1985 г. (Милан) У11 Конгрессом ООН «Руководящие принципы в области предупреждения преступности и уголовного правосудия в контексте развития нового международного экономического порядка», пункт 8 Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью, принятой резолюцией 40/34 Генеральной Ассамблеи от 29.11.1985)

Одновременно следует обратить внимание на то, что процессуальная конструкция потерпевшего отличается существенными неточностями. При этом, как представляется, отдельные законодательные новации в этом плане не могут придать этой конструкции действительно совершенный характер, поскольку уголовно-процессуальное понятие потерпевшего не вполне соответствует закрепленному в ст. 52 Конституции РФ понятию «потерпевшие от преступлений»; последнее по своему значению более содержательно, отличается большим нормативным объемом, характеризуется несколько иным конституционным смыслом. В связи с имплементацией означенного конституционно-правового понятия в уголовно-процессуальную материю имеет, по видимому, смысл внедрение в уголовно-процессуальный закон получившего широкое распространение в международном законодательстве и международной практике, а также в иностранном законодательстве (законодательстве зарубежных стран) понятия «жертвы преступления»; применение такого понятия покрывает все возможные ситуации, в которых могут оказаться пострадавшие от преступлений.

Внесение указанных изменений, на наш взгляд, позволит действительно гарантировать реальный характер конституционной формулы, содержащейся в статье 52 Конституции РФ: «Государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба». И в конституционно-правовом смысле, и с позиции уголовно-процессуального права предложенные новации, думается, будут способствовать уравниванию положения потерпевшего с «виновной стороной», тем самым предоставления ему фактической возможности участия в восстановлении нарушенных прав.

Таким образом, наличие механизмов защиты прав личности, вне зависимости в каком качестве она выступает в сфере уголовного судопроизводства, указывает на то, что принадлежащий каждому из этих лиц комплекс правомочий (юридических возможностей) структурно объединяется содержанием права на правовую защиту, которое в силу особого предназначения в системе конституционно-правовой защиты личности с полным основанием подпадает под квалификацию конституционализации; с этой точки зрения традиционно квалифицируемое в уголовно-процессуальной и конституционно-правовой теории право на защиту следует с полным основанием признать правом конституционным.

Сведения об авторах

- Абдуллоев Парвиз Саъдуллоевич** – аспирант кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора Юридического факультета Московского государственного университета им М.В. Ломоносова
- Абшилава Георгий Валерьянович** – старший преподаватель кафедры уголовного процесса Уральской государственной юридической академии (г. Екатеринбург), доктор юридических наук.
- Анохина Светлана Юрьевна** – доцент кафедры Барнаульского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент, майор полиции.
- Антонов Олег Юрьевич** – старший помощник руководителя СУ СК России по Удмуртской Республике (по информационно-статистическому обеспечению), доктор юридических наук, доцент, полковник юстиции.
- Бережкова Надежда Федоровна** – главный специалист-эксперт сектора организационно-информационного обеспечения, референт первого класса Администрации Ленинского района г. Ульяновска.
- Бузмаков Абдурахмон Аламшоевич** – начальник УВД г. Душанбе (Республика Таджикистан), генерал-майор.
- Бурыйко Александр Васильевич** – заведующий криминалистической лабораторией Санкт-Петербургского филиала ИПК СК России.
- Быкадоров Василий Алексеевич** – заместитель начальника Академии управления МВД России, кандидат юридических наук, генерал-майор полиции.
- Васильев Федор Петрович** – доцент кафедры УДСОП Академии управления МВД России, доктор юридических наук, член Российской академии юридических наук (РАЮН), полковник полиции.
- Волеводз Александр Григорьевич** – профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Международно-правового факультета Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России; главный редактор изданий «Библиотека криминалиста. Научный журнал», «Библиотека уголовного права и криминологии»; доктор юридических наук.
- Волынский Александр Фомич** – профессор кафедры криминалистики Московского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки России, заслуженный юрист России
- Воскресов Борис Николаевич** – аспирант кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону).

- Григорьев Дмитрий Александрович** – аспирант Тюменской государственной академии мировой экономики управления и права. Кандидат юридических наук, доцент.
- Даровских Юрий Владимирович** – заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Тюменской государственной академии мировой экономики управления и права, кандидат юридических наук, доцент.
- Дмитриева Лилия Алексеевна** – доцент кафедры менеджмента деятельности следственного органа ИПК СК России, кандидат психологических наук доцент.
- Долинко Василий Иванович** – начальник редакционно-издательского отдела Академии управления МВД России, подполковник полиции.
- Зайцев Олег Александрович** – проректор по научной работе Московской академии экономики и права, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Почетный работник высшего профессионального образования РФ.
- Ильяхов Алексей Александрович** – доцент кафедры уголовного процесса ИПК СК России, кандидат юридических наук.
- Ищенко Евгений Петрович** – заведующий кафедрой криминалистики Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ, заслуженный деятель науки России.
- Казюлин Владимир Александрович** – начальник кафедры УДСООП Академии управления МВД России, кандидат юридических наук, доцент, полковник полиции.
- Класен Александр Николаевич** – декан юридического факультета Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск), кандидат юридических наук, доцент.
- Клименко Татьяна Валентиновна** – профессор кафедры уголовно-процессуальных дисциплин и криминалистики Российской правовой академии Минюста России, доктор медицинских наук, профессор.
- Колесова Анастасия Сергеевна** – доцент кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики Российской правовой академии Министерства юстиции РФ, кандидат юридических наук.
- Конев Наталья Сергеевна** – доцент кафедры конституционного и административного права Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск), кандидат юридических наук, доцент.

- Косимов Орифжон Ахунович** – начальник кафедры уголовного права и процесса 4-го факультета Академии МВД Республики Таджикистан (г. Худжанд, Республика Таджикистан), подполковник милиции.
- Костылева Галина Владимировна** – ведущий научный сотрудник НИЦ № 5 Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, кандидат юридических наук, доцент, подполковник полиции.
- Крашенинников Сергей Владимирович** – ведущий научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института, кандидат юридических наук, подполковник полиции.
- Лобачёв Алексей Сергеевич** – начальник отдела исполнения административного законодательства Управления МВД России по г. Перми майор полиции.
- Лукомская Анастасия Сергеевна** – старший преподаватель кафедры уголовного процесса и правоохранительной деятельности Удмуртского государственного университета (г. Ижевск), кандидат юридических наук.
- Лыткин Василий Алексеевич** – начальник отдела УЭБиПК МВД России по Республике Тыва, подполковник полиции.
- Матюшева Татьяна Николаевна** – Северо-Кавказский филиал Российской академии правосудия (г. Краснодар), доктор юридических наук, доцент.
- Машовец Асия Океановна** – доцент кафедры уголовного процесса Уральской государственной юридической академии (г. Екатеринбург), кандидат юридических наук, доцент.
- Мельников Александр Владимирович** – первый заместитель начальника ГУОООП МВД России, генерал-майор милиции.
- Москаленко Александр Викторович** – Председатель Нальчикского гарнизонного военного суда, кандидат юридических наук.
- Мухитдинов Алишер Абдувахидович** – доцент кафедры судебного права и прокурорского надзора Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики (г. Худжанд, Республика Таджикистан), кандидат юридических наук.
- Новиков Александр Михайлович** – заведующий кафедрой уголовного процесса ИПК СК России, полковник юстиции.
- Нудель Станислав Львович** – ведущий научный сотрудник НИЦ № 5 Всероссийского научно-исследовательского института, кандидат юридических наук, доцент, майор полиции.
- Оверчук Даниил Сергеевич** – советник государственной гражданской службы Санкт-Петербурга 3-го класса, юрист федеральной государственной гражданской службы 2-ого класса, Министерство юстиции Российской Федерации – эксперт Департамента, кандидат экономических наук.

- Оноколов Юрий Павлович** – судья военного суда в отставке, кандидат юридических наук, полковник юстиции запаса.
- Орехова Любовь Михайловна** – следователь специализированного следственного отдела по расследованию преступлений в сфере экономики Следственного управления МВД по Удмуртской Республике.
- Пастухов Павел Сысоевич** – доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Пермского государственного национального исследовательского университета, кандидат юридических наук, доцент.
- Попов Иван Алексеевич** – заведующий кафедрой уголовно-процессуального права и криминалистики Российской правовой академии Министерства юстиции России, доктор юридических наук, профессор.
- Прорвич Владимир Антонович** – профессор кафедры финансово-экономических экспертиз Московского университета МВД России, кандидат физико-математических наук, доктор технических наук, доктор юридических наук, профессор.
- Таджибаева А.Ю.** – старший преподаватель Ташкентского государственного Аграрного университета (Республика Узбекистан), кандидат юридических наук.
- Тарасов Михаил Юрьевич** – командир войсковой части (г. Ульяновск), подполковник.
- Татьянина Лариса Геннадьевна** – профессор кафедры уголовного процесса и правоохранительной деятельности Удмуртского государственного университета (г. Ижевск), доктор юридических наук, профессор.
- Торопин Юрий Викторович** – первый заместитель начальника Академии управления МВД России, генерал-майор полиции.
- Тошев Амиршоҳ Мансурович** – преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Академии МВД Республики Таджикистан, капитан милиции.
- Хагуш Нугзар Анатольевич** – начальник отдела МВД Республики Абхазия, полковник милиции.
- Хуррамов О.А.** – старший научный сотрудник юридического факультета Национального университета Узбекистана им. Мирзо Улугбека (г. Ташкент, Республика Узбекистан).
- Цветков Юрий Анатольевич** – заведующий кафедрой менеджмента деятельности следственного органа ИПК СК России, кандидат юридических наук.
- Цыганков Александр Николаевич** – начальник ОМВД России по Алтайскому району Республики Хакасия, подполковник полиции.

Червонюк Владимир Иванович – профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор.

СОДЕРЖАНИЕ

Абдуллоев П.С. Конституционные основы оказания правовой помощи по уголовным делам.....	3
Абшилава Г.В. Процессуальная роль следователя в обеспечении прав участников досудебного соглашения о сотрудничестве.....	7
Анохина С.Ю., Бережкова Н.Ф. Прохождение государственной службы гражданами Российской Федерации как способ реализации конституционных гарантий участия в государственном управлении.....	12
Антонов О.Ю. Особенности назначения судебно-лингвистической экспертизы и ее оценки на примере исследования агитационных материалов.....	16
Бузмаков А.А. Основания и условия приостановления и возобновления предварительного следования по УПК РФ	21
Бурько А.В. Возможности судебно-ботанической экспертизы в раскрытии преступлений.....	27
Быкадоров В.А., Казюлин В.А., Васильев Ф.П. Ведение государственного транспортного надзора как способ реализации требований конституционных норм в области обеспечения безопасности	31
Васильев Ф.П., Долинко В.И. Деятельность Счетной палаты как реализация норм Конституции России.....	37
Васильев Ф.П., Лобачёв А.С. Конституционные гарантии прав граждан на удовлетворения своих потребностей в области оборота контрафактной продукции.....	43
Васильев Ф.П., Лыткин В.А. К вопросу о совершенствовании законодательства в сфере противодействия экстремизму	47
Васильев Ф.П., Цыганков А.Н. Обеспечение охраны общественного порядка и общественной безопасности в период выборов как способ реализации конституционных прав граждан гарантированных Конституцией России.....	53
Волеводз А.Г. О конгруэнтности теории и практики в уголовном судопроизводстве.....	56
Волынский А.Ф. Судебно-экспертная и технико-криминалистическая виды деятельности: современное состояние, перспективы совершенствования.....	69
Воскресов Б.Н. Правовая природа и содержание наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.....	76

Даровских Ю.В., Григорьев Д.А. Предупреждение экстремизма в сети Интернет (постановка проблемы).....	81
Дмитриева Л.А. Качество жизни как социально-психологическая категория реализации конституционных прав и свобод личности сотрудников Следственного комитета Российской Федерации.....	87
Зайцев О.А. Конституция Российской Федерации как гарант обеспечения личной безопасности участников уголовного судопроизводства.....	91
Ильяхов А.А. Механизм реализации конституционного права граждан на доступ к осуществлению правосудия, по уголовным делам, рассмотренным судом с участием присяжных заседателей	94
Ищенко Е.П. Нестабильность уголовно-процессуального и уголовного законодательства как препятствие защите конституционных прав граждан России	98
Казюлин В.А., Васильев Ф.П. Современная единая политика обеспечения реализации конституционных требований в области обеспечения транспортной безопасности в России.....	102
Классен А.Н., Конева Н.С. Категория «иммунитет» в системе правового неравенства.....	109
Клименко Т.В. Конституционные пределы допустимости раскрытия врачебной тайны (в аспекте последних законодательных новелл).....	119
Колесова А.С. Конституция Российской Федерации как гарант прав и свобод человека и гражданина при расследовании насильственных преступлений в семье.....	123
Костылева Г.В. Некоторые проблемы досудебного соглашения о сотрудничестве.....	126
Крашенинников С.В. Особенности реализации презумпции невиновности на стадии предварительного расследования.....	131
Лукомская А.С. Проблема реализации права на обжалование процессуальных действий и решений.....	135
Матюшева Т.Н. Конституционные гарантии защиты права на образование детей-сирот в Российской Федерации.....	136
Машовец А.О. Состязательность и институт возвращения судом уголовного дела прокурору.....	141
Мельников А.В., Тарасов М.Ю. Роль внутренних войск МВД России в обеспечении защиты конституционных прав граждан и обеспечения общественной безопасности.....	144

Москаленко А.В. Конституционные основы государственной защиты участников уголовного процесса.....	148
Мухитдинов А.А., Косимов О.А. Взаимосвязь норм Конституции и уголовной политики Республики Таджикистан.....	152
Новиков А.М. Проблемы правоприменения досудебного соглашения о сотрудничестве при расследовании уголовных дел.....	157
Нудель С.Л. Теоретические основания криминализации преступлений, посягающих на финансовые отношения.....	164
Оверчук Д.С. Современные методы выявления фактов мошенничества, применяемые на территории США, в рамках производства судебно-бухгалтерской экспертизы и судебной компьютерно-технической экспертизы.....	169
Оноколов Ю.П. Соблюдение конституционных прав граждан требует эффективного выявления, раскрытия и расследования преступлений, совершаемых военнослужащими в ходе контртеррористических операций.....	178
Орехова Л.М. Понятие правосознания.....	182
Пастухов П.С. К вопросу о соблюдении баланса между «рационализацией» доказывания и обеспечением прав личности в уголовном процессе.....	188
Попов И.А. Совершенствование правового обеспечения противодействия преступности иностранных граждан и лиц без гражданства.....	192
Прорвич В.А. Роль судебно-экономической экспертизы в уголовно-правовой защите конституционных прав граждан, организаций и государства.....	197
Таджибаева А.Ю. Защита доказательств на стадии предварительного расследования и средства её осуществления.....	204
Татьянина Л.Г. Реализация принципа «язык уголовного судопроизводства» в досудебных стадиях процесса.....	209
Торопин Ю.В. Васильев Ф.П. Росстат как субъект обеспечения защиты экономических интересов участников правоотношения гарантированных конституцией России.....	212
Тошев А.М. Закрепление правового статуса личности в нормах уголовного и уголовно-процессуального законодательства Республики Таджикистан.....	217

Хагуш Н.А. Референдумы и их проведение.....	221
Хуррамов О.А. Особенности уголовно-процессуальной деятельности в сфере судебной реформы.....	226
Цветков Ю.А. Кризис конституционно-правовой идентичности российского следователя	228
Червонюк В.И. Защита прав личности при применении органами уголовного преследования целерантных процедур.....	235
Сведения об авторах	241

Конституция российской федерации как гарант прав и свобод
человека и гражданина при расследовании преступлений

Материалы Международной
научно-практической конференции
(Москва, 14 ноября 2013 года)

В трёх частях

Часть 3

(перспективы совершенствования)

В авторской редакции

Дизайн обложки: Бычков В.В.

Подписано в печать 28.11.2013

Формат 60 x 90 1/16

усл. печ. л. 15,7

Тираж 500 экз.

Печать офсетная

Заказ № 24

Отпечатано в цифровой типографии ООО «Буки Веди»
на оборудовании Konica Minolta
105066, г. Москва, ул. Новорязанская, д. 38, стр. 1, пом. IV
Тел.: (495) 926-63-96, www.bukivedi.com, info@bukivedi.com